

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (8)

Academic Journal

Series

*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (8)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серии «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаكليная, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуштин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), Е.В. Барышева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаكليная, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.А. Алексеева, ст. науч. сотр. (РГГУ),
В.И. Журавлева, д-р ист. н., проф. (РГГУ),
О.В. Павленко, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>С.М. Маркедонов</i> Постсоветское пространство: распад или сохранение?	9
<i>В.А. Смирнов</i> К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы	17
<i>А. Салаконе</i> Миграционный кризис в Европе: взгляд из Италии	25
<i>Н.М. Емельянова</i> Эрдоган vs Гюлен: новейшие тенденции в политическом развитии Турции	39
<i>Д.А. Данилин</i> Перспективы «перезагрузки» американо-кубинских отношений в президентство Д. Трампа	51
<i>А.Н. Комаров</i> Канада в системе глобального международного сотрудничества на рубеже XX–XXI вв.	61
<i>А.И. Харитонов</i> Миграционная политика КНР как инструмент «мягкого» влияния в мире	69

Россия и мир

<i>В.А. Лавров</i> Некоторые вопросы совершенствования регулирования внешнеэкономической деятельности в России	77
<i>N. Danilin</i> Gazprom as an Energy Weapon. Perception of Threats to Energy Security of the EU (Газпром как энергетическое оружие: восприятие угроз для энергобезопасности ЕС)	87

Международные отношения: история и социокультурная практика

М.М. Сиротинская

Идея «предопределения судьбы» в восприятии
американских современников: середина XIX в. 101

Н.А. Чеснокова

Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ»
в Корее в XVII–XVIII вв. 114

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Н.А. Медушевский

Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции
русского общества 123

А.С. Заволожина

Историческая память о диссидентском движении
в СССР в 1960–1980-х годах: к методологии вопроса 132

Abstracts 140

Сведения об авторах 146

CONTENTS

Countries and regions of the world: dynamics and models of cooperation

<i>S. Markedonov</i> The post-soviet space. Dissolution or detention?	9
<i>V. Smirnov</i> The role of the elite in the Euro-Atlantic choice of Lithuania	17
<i>A. Salacone</i> Migration crisis in Europe. A view from Italy	25
<i>N. Emelianova</i> Erdogan <i>vs</i> Gulen. The recent trends in Turkey's political development	39
<i>D. Danilin</i> The prospects of a “reset” in the US–Cuban relations during the presidency of D. Trump	51
<i>A. Komarov</i> Canada in the global international cooperation at the turn of the 20 th –21 st centuries	61
<i>A. Kharitonov</i> PRC's migration policy as its “soft” influence tool	69

Russia and the world

<i>V. Lavrov</i> Some issues concerning the improvement of legal regulation of foreign economic activity in Russia	77
<i>N. Danilin</i> Gazprom as an Energy Weapon. Perception of Threats to Energy Security of the EU	87

International relations: history and socio-cultural practice

M. Sirotinskaia

Idea of “manifest destiny”. Perception by American contemporaries
(mid. 19th century) 101

N. Chesnokova

On the rough edges of diplomacy. “Loyalty”, “debt” and “sadae”
in the 17th–18th centuries in Korea 114

Socio-political processes and social communications: theory and methodology

N. Medushevsky

“Spiritual ties” doctrine as the basis for Russian society integration 123

A. Zavolozhina

Historical memory of the dissident movement in the Soviet Union
(the 1960s–1980s). The issue of methodology 132

Abstracts 140

General data about the authors 148

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

С.М. Маркедонов

Постсоветское пространство: распад или сохранение?

Статья посвящена трансформации постсоветского пространства за четверть века после распада СССР. Автор анализирует само это определение, правомерность его использования в описании процессов, происходящих на территории некогда единого государства. Особое внимание уделяется взаимосвязи внешнеполитической динамики и национально-государственного строительства в новых независимых государствах, возникших в 1991 г.

Ключевые слова: постсоветское пространство, этнополитический конфликт, национальное строительство, безопасность.

Прощание с дефиницией?

Прошло более двух с половиной десятилетий после распада СССР. Однако словосочетание «постсоветское пространство»¹ по-прежнему активно используется в экспертном и политическом дискурсе, несмотря на попытки заменить его каким-то другим определением, будь то «новые независимые государства» (ННГ) или «Евразия»².

На первый взгляд понятие «постсоветское пространство» накрепко привязано к состоянию транзита. Оно фиксирует некую реальность, которая появилась после распада единого государства. Но за время, прошедшее с того момента, эта реальность значительно изменилась. И она на глазах продолжает меняться. В конце концов, применительно к Индии, Пакистану, Бангладеш или Нигерии не использовалось определение «постбританское пространство», а к Индокитаю или Алжиру – «постфранцузское».

На карте мира появились 15 независимых государств. Каждое из них сумело пройти сложный путь национального строительства и международной легитимации. За истекший период то пространство, которое до 1991 г. было Советским Союзом, сильно фрагментировалось. Одни бывшие союзные республики стали членами НАТО и ЕС, другие пытаются предложить альтернативу евроатлантическому проекту в виде евразийской интеграции.

Распад СССР прошел отнюдь не в строгом соответствии с границами, сформированными в советский период. Многие ННГ (включая Россию) столкнулись с сепаратистскими вызовами и пережили этнополитические конфликты, в результате которых появились де-факто образования, либо получившие ограниченное международное признание, либо не имеющие его вовсе³. В российском же случае имел место сложный и противоречивый опыт интеграции непризнанной республики, бывшей в течение шести лет вне юрисдикции центральной власти⁴.

Как бы то ни было, к настоящему времени изначальные условия роспуска единого государства, обозначенные в Беловежских соглашениях и Алма-Атинской декларации 1991 г., не адекватны действительности⁵. Принцип нерушимости межреспубликанских границ был уже не единожды нарушен. Созданы прецеденты признания независимости не только бывших союзных, но и автономных образований (Абхазия и Южная Осетия), а также смены юрисдикции территории одной страны в пользу другой (Крым).

Новые государственные образования находятся в непростых (а то и в откровенно враждебных) отношениях друг с другом и, прежде всего, с центром былой концентрации военной, экономической и политической мощи, который теперь олицетворяет Российская Федерация как правопреемник СССР. У четырех из пятнадцати бывших республик Советского Союза нет дипломатических отношений друг с другом (у Армении и Азербайджана, России и Грузии). Неурегулированные пограничные споры отравляют отношения практически всех государств Центральной Азии. И хотя формально РФ и Украина не прерывали дипломатического общения, их отношения к настоящему времени спустились на самую низкую отметку за все время, прошедшее с декабря 1991 г.

За четверть века после распада единого государства бывшим союзным республикам не удалось реализовать эффективных интеграционных проектов. Содружество независимых государств так и осталось «инструментом цивилизованного развода»⁶. Оно не смогло стать ни модератором в процессе урегулирования конфликтов, ни ресурсом для экономической интеграции. Внутри Организации

Договора о коллективной безопасности сохраняются расхождения между странами-членами во взглядах на нагорно-карабахское урегулирование⁷. Евразийский экономический союз сегодня выглядит скорее как заявка на интеграцию некоторых из республик бывшего СССР (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России).

ННГ в большей степени интегрированы в мировую экономику и политику. Свои интересы на просторах бывшего СССР обозначили такие важные международные игроки, как США, Европейский союз (и отдельные страны Европы), КНР, Япония, Турция, Иран, интеграционные структуры (НАТО), транснациональные корпорации. При этом их присутствие детерминировано не только устремлениями самих этих игроков. В участии внешних сил по тем или иным причинам свою выгоду видят и новые национальные элиты, возглавляющие свои страны в последние два десятилетия. Как следствие, территория некогда единого государства превратилась в конкурентную площадку.

Общее историческое прошлое, связывавшее народы СССР, перестало играть роль объединяющего фактора. Напротив, как показали события на Украине, в Молдове или Закавказье, оно становится предметом острых споров и «войн памяти», которые далеко не всегда ограничиваются академическим и журналистским форматом.

В связи с этим возникает резонный вопрос: до какого времени будет актуально говорить о государствах с разными идентичностями, моделями национально-государственного строительства, внешнеполитическими интересами и ценностями как о чем-то едином, связанном границами «постсоветского пространства» и основанной на этом определении сконструированной общностью? В условиях, когда для воссоздания единого государства нет предпосылок, не говоря уже о том, что такое гипотетическое образование не может строиться на советской экономической, политической и идеологической основе. И не проще ли если не сегодня, то завтра сдать в архив концепт как не отвечающий современным реалиям?

Постсоветское и советское начала: неразрывная связь

Думается, что ответы на обозначенные выше вопросы не так просты и однозначны, как кажутся на первый взгляд. Прежде всего потому, что единство постсоветского пространства нельзя отождествлять с политическим единством стран, его представляющих.

Однако, несмотря на значительную фрагментацию пространства, некогда бывшего единым, и острые конфликты внутри него, оно по-прежнему сохраняет связь с советским прошлым, нравится это последовательным борцам за идеалы «декоммунизации» или нет. Словом, «постсоветское пространство» не может быть рассматриваемо в отрыве от советского контекста.

Действительно, в декабре 1991 г. с карты мира исчезло государство, занимавшее одну шестую часть суши. Формально-юридически распад СССР завершился. Но исторически процесс распада советской государственности только начался, поскольку он дал старт формированию новых государственных образований и политических наций, которое до сих пор продолжается. Об этом свидетельствуют неурегулированные конфликты в Донбассе, Приднестровье, Нагорном Карабахе, параллельная политико-правовая реальность Абхазии, Южной Осетии и Крыма (Россия признает независимость двух бывших автономий Грузинской ССР и присоединяет к себе автономию в составе Украины, а Тбилиси и Киев говорят об аннексии и оккупации своих территорий РФ).

И вопрос здесь не только и не столько во вмешательстве Москвы, Вашингтона или Брюсселя, а в способности новых государственных элит к неконфликтному национальному строительству, адекватному интересу различных этнических групп и регионов. Между тем эти элиты, несмотря на публичную риторику по поводу разрыва с прошлым, оказались в плену советских подходов и моделей.

Союз ССР рассматривался как государство, главными субъектами которого выступали не граждане, а социалистические нации. Фактически же советское государство определило этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права. Не права отдельного человека, а права наций рассматривались как приоритетные. Этнические различия советских граждан были закреплены на территориальной основе. При этом число этнических групп, обладающих правом на «свою землю», варьировалось в зависимости от «колебаний генеральной линии партии».

На практике это означало формирование представлений о коллективной (этнической) собственности того или иного этноса (в своей высшей фазе – национальной) на территорию, обозначенную как «национальная республика», «автономия в составе национальной республики», и даже на этнически сконструированные районы. Отказ от индивидуальных прав в пользу коллективных создавал, таким образом, предпосылки для формирования этнонациональных движений за самоопределение будущих независимых государств, вызревания конфликтных очагов

и появления непризнанных республик. По справедливому замечанию американского этнолога русского происхождения Юрия Слезкина, «СССР создавался националистами и был разрушен националистами»⁸. Еще в 1924 г. известный литовский большевик Юозас Варейкис предложил блестящую формулу для описания того, чем был СССР, назвав «первое в мире государство рабочих и крестьян» «коммунальной квартирой»⁹, которую многократно перестраивали путем административно-территориальных преобразований (а нередко и депортаций целых народов).

По мере ослабления интеграционного потенциала Советского государства и кризиса интегрирующей идеологии начался процесс этнонационального самоопределения республик, его составляющих. Однако процесс распада единого государства происходил не на основе правовых подходов (которые бы четко фиксировали противоречия внутри его субъектов, между ними, а также пути их решения), а из соображений политической целесообразности. При этом, расставаясь с СССР, ННГ явно не желали отказываться от такого наследия «империи Кремля», как проведенное ей территориальное размежевание и доставшиеся границы. Получался парадокс. Власти и влияния Москвы новые образования не желали, а построенную с помощью союзного центра территорию были готовы принять, но без выработки принципиально новых (не советских и не имперских) механизмов обеспечения целостности и национального единства. Как следствие, кризис легитимности (отказ от восприятия нового государственного проекта как «своего» частью населения), переход к конфронтационной модели разрешения этнополитических споров (но уже без ресурса союзного центра, который мог бы выступать в роли арбитра). Отсюда же и интерес к вовлечению внешних игроков, на которых возлагалась надежда на помощь в «восстановлении территориальной целостности» в ее советской (!) конфигурации.

«Сборка» государства и помощь извне: издержки или приобретения?

Так было в конце 1990-х годов с руководством Грузии, разочаровавшимся в возможности вернуть контроль над территориями бывшей Юго-Осетинской автономной области и Абхазской АССР и выбравшим НАТО в качестве своего стратегического партнера. Схожим образом дрейфовала Молдова, утратившая контроль над Приднестровьем, с той лишь разницей, что в фокусе ее внимания

была кооперация с ЕС, но не с Североатлантическим альянсом. Так сегодня во многом по аналогичным лекалам действует Украина, отказываясь от внеблокового статуса и наращивая партнерство с Западом в своем стремлении восстановить контроль над Донбасом и Крымом. Особая статья – это позиция Азербайджана, который пытается добиться решения нагорно-карабахского конфликта с выгодой для себя, не противопоставляя свои подходы ни России, ни Западу, а напротив, балансируя между ними.

В любом случае государства, вовлеченные в этнополитические конфликты, пытаются добиться нужного для себя результата не столько с помощью качественного переосмысления собственного национально-государственного строительства и диалога с теми, кто де-юре считается их гражданами, сколько путем приобретения выгодного внешнего союзника, который может добавить свои ресурсы для возможного изменения существующего баланса сил. Таким образом, внешнеполитический выбор определяется не столько ценностными измерениями, сколько стремлением укрепить новую государственность не изнутри, а извне. Если это не получается сделать с помощью Москвы, то актуализируются взаимоотношения с Западом. Результатом является минимизация собственной политической субъектности и фактическая отдача вопроса о будущей территориальной конфигурации государства на откуп внешним силам (будь то Россия, США или Евросоюз). Новые независимые образования становятся тем самым заложником динамики этих отношений, которые, несмотря на фрагментацию национальных интересов ННГ, фокусируются вокруг конфликтных узлов, завязанных еще во времена СССР.

При таком повороте раздел общего советского наследия перестает быть делом одних лишь «наследников». И если Москва заинтересована в том, чтобы доведение распада Советского Союза до логического конца (когда все стороны уладят свои пограничные претензии и смогут перейти к налаживанию если не добрососедских, то прагматических отношений) было «внутренним делом» бывших союзных республик, то многие ННГ заинтересованы в участии внешних игроков. В последнем заинтересован и Запад, опасющийся «ресоветизации», понимаемой весьма широко (не только и не столько как коммунистический реванш, но и как установление российской сферы политического влияния, неподконтрольной США и их союзникам).

Эти разночтения придают разделу советского наследия дополнительную конфликтность и тем самым задерживают завершение исторического процесса распада СССР, в котором Запад

по идее должен быть крайне заинтересован, но который он своим вмешательством всячески отдаляет. Более того, эта конфликтность позволяет привнести дополнительные импульсы существованию «постсоветского пространства», поскольку без урегулирования имеющихся противостояний и противоречий оно будет на годы вперед сохраняться как некая общность. Общность стран, объединенных неразрешенными конфликтами, противоречиями, не позитивной, а негативной исторической памятью, корни которых следует искать по преимуществу в советских временах.

И до тех пор, пока наследники некогда единого государства будут пытаться осуществить «сборку» своих новых национально-государственных проектов в границах бывших союзных республик без выработки новых адекватных современности подходов, ставя территорию и принцип «целостности» выше населения и его прав, окончание «постсоветской стадии» будет раз за разом откладываться. Более того, попытки вовлечь в процесс «собираания земель» новых внешних игроков будут не уменьшать, а мультиплицировать риски.

Следовательно, укрепление собственной субъектности и выстраивание прагматических отношений новых национальных элит с бывшей «метрополией» становятся главным залогом завершения процесса распада СССР и «постсоветского транзита». В ином случае «постсоветское пространство» на годы сохранится как территория, воспроизводящая нестабильность. Расчет же на ослабление России, ее коллапс или, как минимум, деградацию – не самое лучшее решение, как того хотелось бы оппонентам политики Москвы. Один только Северный Кавказ с его многочисленными межэтническими и межконфессиональными противоречиями способен на долгие годы обрушить надежды на быструю «европеизацию», не говоря уже о проблемах контроля над ядерными вооружениями РФ. При таких исходных данных сохранение сильной и ответственной России, способной играть роль модератора в этнополитическом урегулировании и конечной стабилизации пространства бывшего СССР, выгодно не с абстрактной, а с прагматической точки зрения.

Примечания

- ¹ Это определение было введено в оборот востоковедом А.А. Прусаускасом. Подробнее см.: *Прусаускас А.А.* СНГ как постколониальное пространство // Независимая газ. 1992. 7 февр.
- ² *The Dissolution of the Soviet Union: 25 years on.* Oxford: Routledge, 2016; *Asmus R.* Europe's Eastern Promise. Rethinking NATO and EU Enlargement // Foreign

- Affairs. 2008. № 1 (Jan./Feb.). P. 15; *Bremmer I., Bailes A.* Sub-regionalism in the Newly Independent States // *International Affairs*. 1998. № 74. Vol. 1. P. 131–148; *Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity* / Ed. by O. Tulander, P. Baev, V.I. Einagel. L.: SAGE, 1997. P. 17–44.
- ³ *Маркедонов С.М.* Де-факто государства постсоветского пространства. Ереван: Ин-т Кавказа, 2012.
- ⁴ *Huges J.* Chechnya: From Nationalism to Jihad. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2007.
- ⁵ Текст Беловежских соглашений см.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1798; Алма-Атинская декларация, 21 декабря 1991 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900101> (дата обращения: 03.02.2017); Экономический суд СНГ: Решение о толковании по запросу о применении положений соглашений и других актов Содружества, 31 марта 1994 г. [Электронный ресурс] // Сайт Экономического суда Содружества независимых государств. URL: http://www.sudsng.org/download_files/rh/1994/Rh_02_94_310394.pdf (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁶ С. Лебедев в интервью ТАСС рассказал об итогах юбилейного саммита СНГ в Бишкеке [Электронный ресурс] // Сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6803> (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁷ Президент Армении выразил недовольство позицией некоторых членов ОДКБ в связи с карабахским конфликтом [Электронный ресурс] // Радио Азатютюн. 2014. 6 окт. URL: <http://rus.azatutyun.am/a/26623578.html> (дата обращения: 03.02.2017).
- ⁸ *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.
- ⁹ *Ibid.* P. 431.

К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы

Статья посвящена анализу роли литовской элиты в выборе приоритетов политики республики после выхода из СССР. На конкретных примерах рассматривается активное продвижение властными группами идеи вступления страны в ЕС и НАТО. Обращается внимание на возможные риски в связи с эскалацией ситуации в Балтийском регионе.

Ключевые слова: Литва, элиты, властные группы, ЕС, НАТО, Прибалтика.

Простое перечисление в хронологическом порядке предпринятых политической элитой Литвы шагов по вступлению в Европейский союз¹ и НАТО² показывает, сколь поступательной и форсированной была ее «вестернизация»: от статуса бывшей республики СССР в 1991 г. страна перешла в 2004 г. к статусу члена ЕС и НАТО. В основе стремительности этого процесса лежал консенсус политических элит относительно безальтернативности дальнейшего развития Литовской Республики исключительно в качестве полноценного участника западного, евроатлантического политического пространства. Хотя «безальтернативность» западного пути не была принята всей политической элитой сразу. По свидетельству министра иностранных дел Литвы П. Гилиса (1992–1996), в самом начале 1990-х годов многие политики как левой, так и правой ориентации избегали сколько-нибудь существенного муссирования темы интеграции в западные организации, особенно в НАТО. П. Гилис объяснял это общим фоном политической неопределенности, который, однако, не продлился долго. После вывода российских войск из Литвы осенью 1993 г.

дискуссия о перспективах возвращения на Запад получила мощный импульс, заняв одно из главенствующих мест в политической повестке дня³.

Данное наблюдение подтверждается, например, тем, что литовская политическая элита зафиксировала свое намерение более не иметь никаких дел со своими восточными соседями на высшем законодательном уровне. Согласно пункту 1 Конституционного акта о неприсоединении Литовской Республики к восточным постсоветским союзам (от 11 февраля 1991 г., документ предшествует Конституции Литвы от 8 июня 1992 г.), республика «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединится к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств»⁴. Говоря о консенсусе политических элит, мы исключаем из сферы внимания евроскептиков⁵, не пользующихся широкой народной поддержкой, а также нерелевантных политических игроков крайне левой и крайне правой ориентаций, чьи действия не оказывают ключевого влияния на политический процесс в Литве.

Катализатором воплощения в жизнь «возвращенческой»⁶ идеи, которая поначалу не была широко поддержана массовыми группами, выступили именно элиты. Правящие круги Литовской Республики вынуждены были сделать выбор, какой дорогой возвращаться на Запад: через Скандинавию или Польшу? Попытки действовать через Скандинавские страны, к чему располагал имевшийся опыт внешнеполитической кооперации (Исландия первой признала независимость Литвы, Швеция открыла первое посольство в Литве и т. д.), сменились с середины 1990-х годов взаимодействием с Польшей, с которой Литву связывает гораздо более богатое общее прошлое⁷.

Тот факт, что вступление в ЕС и НАТО стало приоритетом в политике стран Прибалтики задолго до сколько-нибудь существенной интеграции в общеевропейские механизмы экономического взаимодействия, подтверждает то особое политическое (и даже символическое) значение, которое элиты бывших прибалтийских республик придавали присоединению к Евросоюзу и Организации Североатлантического договора. Этот процесс носил для политических элит первостепенный характер, не только подчиняя себе действия Литвы на внешнеполитической арене, но и во многом определяя внутривнутриполитический процесс⁸. Институциональное воплощение лозунга «Возвращение в Европу» было изначально

элитистским проектом, результатом действий властных групп, стремившихся выйти из-под российского влияния. В. Урбелис отмечает, что процесс вступления Литвы в НАТО явился примером редкого единодушия политических элит страны: присоединение к Североатлантическому альянсу было поддержано всеми релевантными политическими партиями, что подтверждалось соответствующим письмом президента Литвы А. Бразаускаса Генеральному секретарю НАТО М. Вернеру в 1994 г. Впоследствии все парламентские партии регулярно подписывали основополагающие документы в области обороны и безопасности страны. Этот вопрос высокой политики исключен из внимания большинства населения (В. Урбелис утверждает, что «политическая элита Литвы способна добиваться общественной поддержки принятых уже заранее на высоком уровне решений»⁹). По оценкам на тот момент, литовское общество не видело своей роли в решении вопросов национальной безопасности, тем самым передавая этот мандат на высший государственный уровень¹⁰.

С 1999 г. в Литве регулярно проводились исследования общественного мнения, в рамках которых задавался вопрос: «Если бы завтра состоялся референдум по вопросу о вступлении Литвы в Европейский союз, как бы Вы проголосовали: за или против?». Количество ответивших «за» в начале опросов составляло 36–38%, на тот момент общественный консенсус о «европейском выборе» в Литве еще не сложился. Общество было расколото, поначалу воспринимая идею возвращения в Европу преимущественно через призму исторической памяти, воспоминаний о досоветском периоде, представлений о том, какой Литва могла бы быть, если бы не присоединение к СССР. Тезис «Возвращение на Запад», сначала имевший преимущественно историко-культурное содержание, поддержку в литовском обществе находил лишь по мере обретения реальной экономической составляющей (доступа к европейским фондам финансовой поддержки, допуска на общий европейский рынок товаров, денег и услуг и т. д.). В средствах массовой информации была развернута масштабная пиар-кампания, имевшая целью доказать, что рядовой литовец только выиграет от присоединения страны к Евросоюзу и НАТО. В Литве, где доверие к СМИ долгое время превышало даже доверие к Церкви и находилось по данному показателю на лидерских позициях в рамках всей Европы¹¹, это не могло не сыграть своей роли. Политической элите удалось убедить население в том, что наилучший путь к материальному благополучию и процветанию, достижению уровня жизни, сравнимому с аналогичным показателем во Франции или Германии, – это именно

европеизация при стратегической поддержке США. В результате к середине 2004 г., когда состоялся референдум о вступлении в ЕС, количество поддерживающих идею присоединения выросло до 66–68%. Более подробная динамика ответов населения представлена на графике.

Источник: по данным Vilmorus

В ходе присоединения Литвы к евроатлантическим интеграционным институтам одним из ключевых оснований аргументации того, почему страна должна вступить в ЕС и НАТО, служила формулировка «Литва, являясь малой страной с ограниченными экономическим и демографическими ресурсами, не способна в одиночку эффективно реализовать свои интересы в сфере внешней политики и вопросах безопасности»¹². Такой подход, впрочем, характерен и для иных стран Балтии, что подтверждает идею К. Уолтца о «примыкании» слабых стран к более сильным, например в целях военно-политической защиты. Причем эта геополитическая предрасположенность малых стран поддается влиянию доминирующей силы проявляясь даже в том случае, если сама эта сила служит источником опасности¹³. Е. Мотека и Н. Статкус указывают, что именно специфическим геополитическим положением Литвы, Латвии и Эстонии может быть объяснена ориентация политических элит стран Прибалтики на Запад. По их мнению, Литва придерживается проамериканской геополитической ориентации, считая США основным гарантом собственного суверенитета,

по двум основным причинам: в силу того, что США не признали законность присоединения стран Прибалтики к СССР, а также воспринимая США как противовес геополитическим устремлениям России в регионе Балтийского моря. В свою очередь, США рассматривают страны Прибалтики как «клин» между Европой и Россией, а также как «агентов влияния» в Евросоюзе (наряду с иными странами Центральной и Восточной Европы). Несмотря на все возможные издержки от выполнения данной роли, политическая элита Литвы считает проамериканскую ориентацию лучшим сценарием, чем отсутствие проамериканской ориентации вообще либо замена ее на исключительно проевропейскую¹⁴. Ироничная формулировка того, как Литва воспринимает Россию, Евросоюз и США (безусловно, эта оценка превалирует и на политическом уровне), принадлежит К. Паулаускасу из Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета: «Мировоззрение Литвы всегда отличалось простотой, окрашенной в черное и белое. Оно выражено тремя сильными образами. Первое, это образ господствующей в мировой политике большой и могущественной страны – Соединенных Штатов. Это наш добрый друг, поэтому все, что делают США, должно быть полезно для Литвы. Второе, существует образ большого злого медведя – России, которая, как мы думаем, делает все, чтобы сделать жизнь в Литве жалкой, поэтому все, что делает Россия, должно нести зло Литве. И последнее, но не менее значимое, это ЕС – щедрый источник социального и экономического благосостояния, чья сила притяжения заставила нас стать членом семьи. Когда ЕС соглашается с США, это хорошо для Литвы, когда ЕС соглашается с Россией, это плохо для Литвы»¹⁵.

Предложенная объяснительная схема, разумеется, упрощена, тем не менее она дает здравую оценку действиям властных групп Литвы в коридоре возможностей, обусловленном военно-стратегическими приоритетами Вашингтона и экономической логикой Брюсселя. Евроатлантические установки, имевшие в Прибалтике изначально больше элитистскую, нежели массовую, опору, приобрели нормативный характер. Укореняется и позиционирование России как объединяющей «угрозы». Данный лейтмотив политики прибалтийских государств не угас и после их вступления в НАТО. Несмотря на постоянную актуализацию в риторике прибалтийской элиты «русской угрозы», по состоянию на 2016 г. только военный бюджет Эстонии удовлетворял целевой установке НАТО о расходах на оборону не менее 2% от ВВП. Хотя бюджет на оборону Литвы и относится к числу быстрорастущих, в 2016 г. ее военные

расходы составили 1,48% ВВП (в 2015 г. – 1,11%). План на 2017 г. – 1,75%, 2018 г. – 2%, 2020 г. – 2,5%. Десятилетия эксплуатации темы «угрозы с Востока» не привели к раздутым военным бюджетам, но позволили получить значительные средства из европейских фондов на реализацию ряда инфраструктурных проектов (в первую очередь в сфере энергетики и транспорта). Это, однако, не дало возможности существенно укрепить конкурентоспособность национальных экономик.

Членство Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО не стало стимулом для снижения уровня напряженности отношений Североатлантического альянса с Россией, а скорее наоборот. Военные приготовления НАТО, которые ведутся у российских границ, объясняются именно «российской угрозой». По итогам саммита НАТО в Варшаве в июле 2016 г. принято решение о размещении в Латвии, Литве, Эстонии и Польше на ротационной основе батальонов численностью около 1 тыс. человек, сформированных из военнослужащих США, Канады, Германии, Великобритании. Страны Прибалтики при этом оцениваются как «удобная географическая точка» для дестабилизации России в военно-политическом смысле¹⁶. Риск потери контроля над отношениями России и НАТО в Балтийском регионе можно рассматривать как реальную угрозу¹⁷.

Примечания

¹ Первым документом, который независимая Литва подписала с Европейским сообществом, стало Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве от 11 мая 1992 г. Впоследствии Литва получала значительную помощь от европейских фондов, составляющую, по различным экспертным оценкам, до четверти бюджета. В 1995 г. подписано Соглашение о свободной торговле, которое впоследствии трансформировалось в Соглашение об ассоциированном членстве в ЕС. И с того же года в Литве начали действовать специальные госучреждения, ответственные за евроинтеграцию. В феврале 1996 г. Литва подала заявку на вступление в Евросоюз (в том же году это сделали Латвия и Эстония). С 1997 г. в Литве действовала делегация Европейской комиссии, с октября 1999 г. в стране реализовывалась Национальная программа по подготовке к членству в ЕС. В марте 2000 г. Литва начала официальные переговоры о вступлении в ЕС, в мае 2003 г. в Афинах был подписан Договор о вступлении в ЕС Литвы, а также еще девяти стран (Латвии, Эстонии, Кипра, Мальты, Чехии Польши, Венгрии, Словакии и Словении). В мае 2004 г. в Литве состоялся референдум по вопросу о вступлении в ЕС. В нем участвовали 63,37% жителей, имеющих право голоса, 91,07% из них высказались за членство в ЕС.

В июне 2004 г. Литва вместе с девятью другими государствами стала членом ЕС. В ноябре того же года в Литве состоялись первые выборы в Европейский парламент, в мае 2006 г. Сейм ратифицировал Конституцию ЕС. В мае 2008 г. Литва присоединилась к Шенгенскому пространству, в июне 2009 г. Сейм Литвы ратифицировал Лиссабонский договор.

- ² В ноябре 1990 г. Литва открыла в Брюсселе Балтийское информационное бюро, которое, несмотря на отсутствие официального дипломатического статуса, отвечало за отношения с НАТО и ЕС. В декабре 1991 г. Литва вместе с Латвией и Эстонией присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества, и уже в январе 1992 г. в Брюсселе открылось официальное представительство Литвы по связям с ЕС и по делам НАТО. В декабре 1993 – начале 1994 г. президенты стран Балтии заявили о намерении своих стран вступить в НАТО, в январе 1994 г. Литва присоединяется к программе «Партнерство ради мира». В январе 1998 г. президенты США, Литвы, Латвии и Эстонии подписали в Вашингтоне Американо-Балтийский устав, главная цель которого заключалась в оказании всесторонней поддержки процессу интеграции стран Балтии в Североатлантический альянс. В мае 2000 г. приступила к работе так называемая Вильнюсская группа, состоящая из девяти государств (в том числе Литвы), стремившихся к членству в НАТО. Официальное приглашение к началу переговоров о вступлении Литва получила на пражском саммите НАТО в 2002 г. В 2003 г. МИД Литвы официально уведомил генерального секретаря НАТО о готовности Вильнюса следовать всем обязательствам и требованиям в рамках Североатлантического договора. В марте 2004 г. премьер-министр Литовской Республики вручил ратификационные грамоты к Вашингтонскому договору госсекретарю США, после чего Литва была принята в НАТО.

- ³ *Gylis P.* Lithuanian Foreign Policy Challenges and Background 1992–1996 // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2004. № 13–14. P. 95–101.

- ⁴ Конституционный акт Литовской Республики о неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам от 8 июня 1992 г. № I-2622 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 17.02.2017).

- ⁵ Своего рода курьезным примером может служить случай директора Департамента промышленности Министерства хозяйства В. Будриса, который руководил интеграцией промышленности Литвы в ЕС, являясь одним из лидеров Национал-демократической партии, не поддерживающей вступление Литвы в Евросоюз. Возглавляемое им подразделение министерства отвечало за разработку в рамках европейского законодательства директив для промышленных предприятий, а также подготовку Стратегии развития промышленности Литвы. Подробнее см.: *Иванова Г.* Литовская Республика в июне 1999 года [Электронный ресурс] // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jun2000/litv.html#_ednref56 (дата обращения: 20.01.2017).

- ⁶ Авторство фразы «Возвращение в Европу» приписывается чешскому президенту В. Гавелу, произнесшему ее в ходе своего выступления «Европа как задача» (“Europe as Task”) в Аахене (ФРГ) 15 мая 1996 г. Из “Return to the Europe” позднее фраза трансформировалась в более широкую по смыслу “Return to the West”.
- ⁷ *Nekrasas E.* Is Lithuania a Northern or Central European Country? // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 1998. № 1. P. 19–46.
- ⁸ *Vilpisauskas R.* Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results // *Lithuanian Political Science Yearbook 2002*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, Vilnius Univ., 2003. P. 119–140; *Idem.* The Political Economy of Transatlantic Relations: The Implications of EU Enlargement // *Lithuanian Political Science Yearbook 2003*. Vilnius: Vilnius Univ., 2004. P. 141–160.
- ⁹ *Urbelis V.* Lithuanian Strategic Culture // *Lithuanian Annual Strategic Review 2006*. Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2007. P. 197.
- ¹⁰ *Janušauskienė D., Novagrockienė J.* Lietuvos gyventojų požiūrio į saugumą analize // Lietuvos metinė strateginė apžvalga 2002. Vilnius: Lietuvos Karo akademija, 2003. P. 289–290; *Šešelgytė M.* Security Culture of Lithuania // *Lithuanian Foreign Policy Review*. Vilnius: Foreign Policy Research Center, 2010. № 4. P. 23–40.
- ¹¹ По данным Литовского агентства изучения общественного мнения “Vilmorus”. [Электронный ресурс] URL: <http://vilmorus.lt/> (дата обращения: 10.01.2017).
- ¹² Аргументация целесообразности членства Литвы в НАТО в выступлениях политиков и комментариях экспертов наиболее часто встречается именно в такой формулировке. Фраза принадлежит министру обороны Литвы Л. Линкявичюсу (в настоящее время – глава МИД Литвы), подробнее см.: *Linkevičius L.* Membership of NATO is the Impulse for Reforms // *Lithuanian Annual Strategic Review 2002*. Vilnius: Strategic Research Center, 2003. P. 7–16.
- ¹³ *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979.
- ¹⁴ *Motieka E., Statkus N.* Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001–2003 // *Lithuanian Annual Strategic Review 2003*. Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2004. P. 9–39.
- ¹⁵ *Paulauskas K.* The Big, the Bad and the Beautiful: America, Russia and Europe’s Mellow Power // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2008. № 20. P. 120–126.
- ¹⁶ *Межевич Н.М., Зверев Ю.М.* Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности // Рабочая тетрадь. 2016. № 35. М.: НП РСМД, 2016.
- ¹⁷ *Timofeev I.* Russia and NATO in the Baltic // *The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered* / Ed. by M. Andžāns, I. Bruģe. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2016.

Миграционный кризис в Европе: взгляд из Италии

Чрезвычайное положение, вызванное прибытием в Европу тысяч беженцев, выявило трудность в разработке общей политики европейских стран по данному вопросу. Необходимые меры по поддержанию общественного порядка не сопровождались столь же необходимыми мерами по интеграции вновь прибывших, что породило напряженность между иностранцами и местными жителями. Анализ данных показывает, что следует думать о долгосрочной политике и что можно и должно без демагогии управлять таким явлением, как миграция. Италия, одна из стран, наиболее затронутых миграцией, находится на переднем крае претворения в жизнь глобального европейского подхода к проблеме, и различные предложения, достойные внимания, исходят как от политического руководства, так и от гражданского общества полуострова.

Ключевые слова: миграционный кризис, Италия, Дублинская конвенция, Migration Compact, гуманитарные коридоры, Маттео Ренци.

Мигранты у ворот Европы

В последние годы вопрос мигрантов и беженцев занял первостепенное место в Европейском союзе, многие наблюдатели считают эту тему ключевой, способной внести вклад в распад ЕС. Известно, что дискуссия на эту тему разделила европейские страны на средиземноморские (Испания, Италия, Греция, Мальта), северные и восточноевропейские.

Миграционная политика, высадки мигрантов, толпы беженцев на границах, теракты, прием мигрантов, отказ во въезде, контроль, политика безопасности, стены, потеря идентичности – эти темы все

больше господствуют на первых полосах газет, определяя повестку дня правительств и конфликты между ними, вызывая создание новых политических сил и изменяя европейские экономические, социальные и культурные сценарии.

Неспециалистов все это могло бы привести к мысли, что явление миграции в Европе – нечто чрезвычайное, случившееся в последние годы, и именно в таком ключе вопрос этот рассматривается политикой. Но на самом деле серьезные исследования показывают, что миграция представляет собой давнее явление, с глубокими корнями в истории каждой европейской страны, которая в разные периоды была и точкой отправления мигрантов, и пунктом их прибытия. Достаточно вспомнить о том, что в течение первых 100 лет существования Италии как единой страны, с 1861 по 1961 г., по меньшей мере 25 млн итальянцев эмигрировали за рубеж¹.

Такой тонкий исследователь современного мира, как недавно ушедший социолог З. Бауман, подчеркивая, что массовой миграцией сопровождалось все новейшее время, утверждал: «Производство “излишних” людей (*на данном месте* “бесполезных” или же количественно лишних, ненужных на рынке труда по причине экономического прогресса; или же *на данном месте* неприемлемых или отвергаемых – по причине беспорядков, конфликтов и столкновений, вызванных социальными/политическими преобразованиями и исходящей из них борьбой за власть) стало неотъемлемой частью нашего “современного стиля жизни”»².

Только используя долгосрочный подход, можно найти ключ к верной интерпретации миграции, преодолеть часто неточные представления обычных людей и серьезно рассматривать реальные данные. Это сложное и глобальное явление нуждается в глубоком понимании и грамотном политическом управлении.

Миграция в цифрах и взгляд на мир

Согласно данным Европейского агентства по охране границ и побережья (FRONTEX), которое координирует внешние границы стран Шенгенской зоны, в 2015 г. в Европу прибыло 1,8 млн беженцев³. Это много, если сравнить с 280 тыс. в 2014 г.⁴ Однако это мало, если сравнить с 1,3 млн сирийцев, принятых Иорданией (где 6 млн жителей), 1,4 млн – Ливаном (где проживает 4,5 млн человек) и более чем 2 млн – Турцией, что стало предметом переговоров между Анкарой и Брюсселем с целью воспрепятствовать дальнейшему потоку миграции в направлении европейских стран.

В Европе, в самых разных странах, говорят о нашествии. Общая атмосфера очень ухудшилась в последнее время, и, к сожалению, средства массовой информации не помогают понять явление миграции и увеличивают страхи. Передаваемые новости и видеоряд по большей части негативные. Нередко СМИ распространяют неверные или, по меньшей мере, неточные новости. Люди боятся. Нашествие ислама? Нехватка рабочих мест? Потеря идентичности? Проблемы безопасности? Увеличение преступности? Это очень серьезные вопросы, которые нельзя упрощать, но они не учитывают другую сторону медали – серьезные проблемы тех, кто вынужден оставить свою страну.

Если мы действительно хотим понять, что происходит сейчас в Европе в плане чрезвычайной ситуации, связанной с мигрантами, мы не можем уйти от хотя бы общего взгляда на международное положение: войны в Сирии, Ираке, Ливии и Сомали; «загнивание» некоторых африканских диктатур, которые лишают своих подданных не только свободы, но и надежды на достойную и безопасную жизнь; ложное примирение в Афганистане и других горячих точках планеты. Все это причины исхода тех, кто просит об убежище. Согласно статистике ООН, на международном уровне количество людей, вынужденных бежать из своей страны, сейчас больше, чем во время Второй мировой войны, и превышает 65 млн человек⁵. Не только война, но и широко распространенное насилие, отсутствие безопасности, коррупция или практически крах государственного управления вызывают опустошающие последствия, препятствуют труду и улучшению экономических условий и приводят к потокам эмиграции. Естественно, уезжают только те, у кого есть необходимые экономические ресурсы. Следовательно, наиболее бедные в основном не уезжают. Однако тех, кто подвергается опасности путешествия по морю по причинам, отличным от войны, нельзя назвать благополучными, иначе они не рисковали бы жизнью в надежде на лучшую судьбу.

Все мы с ужасом смотрим на сирийскую трагедию, мрачным результатом которой, к сожалению, совсем не окончательным, уже в конце 2015 г. – года великого исхода в Европу – стали 300 тыс. погибших, 7 млн внутренних переселенцев и 5 млн беженцев за пределы страны, среди которых 2 млн детей. Согласно подсчетам, содержащимся в исследовании американской организации OXFAM, из 5 млн сирийцев, бежавших за границу, лишь 1,39% были приняты европейскими странами⁶. А следовательно, многое можно было бы сделать для улучшения положения в тех странах, где находится наибольшее число сирийских беженцев (Турция,

Ливан, Иордания, Египет), в надежде, что они смогут выдержать эту нагрузку и что лагеря беженцев не станут вторым адом, лишь ненамного лучшим, чем тот, из которого люди бежали⁷. Но еще эффективнее было бы разделить их места убежища более справедливо и привлечь в большей степени страны, имеющие больше возможностей для интеграции и сетей, способных ее осуществить, в особенности если продолжение кризиса вынуждает беженцев к длительному (и порой окончательному) изгнанию. И в этом плане Европа могла бы играть решающую роль.

Очевидным представляется тот факт, что с увеличением потока миграции уже в 2015 г. Европейский союз не сумел выработать общей политики по вопросам миграции и, следовательно, не смог предложить адекватный ответ на глобальные вызовы, перед лицом которых оказался. В этом смысле быстрая постройка новых стен – в том числе в странах, которые долгие годы сами страдали за «железным занавесом» и Берлинской стеной, – стала лишь демонстрацией силы из-за незнания того, как справиться со столь сложной задачей. Построение стен становится символом эпохи страха, но было бы утопией думать, что посредством подобной стратегии можно решить проблемы миграции.

Юридический парадокс

Согласно правовым нормам, кодифицированным в директивах Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, существуют только три законные возможности защиты тех, кто бежал из своей страны от преследований или серьезных опасностей, вызванных вооруженным конфликтом: социальная интеграция в стране убежища; возвращение в страну происхождения, когда она вновь станет безопасной; переселение (resettlement) в страну, отличную от страны первого въезда, во всех тех случаях, когда эта первая страна не в состоянии обеспечить беженцу социальную интеграцию на своей территории⁸.

При отсутствии адекватных возможностей легального переселения, гарантированного государствами, многие миллионы беженцев из страны первого убежища, где они выживают в крайне нестабильных условиях, пытаются незаконно, с риском для жизни перейти границу с другими странами, чтобы попасть в Европу. По этой причине тысячи человек вынуждены предпринимать опасные и изнуряющие путешествия в Европу по морю, трагические результаты которых на виду у всех.

Несмотря на ежедневные новости о гибели в море тысяч человек (в том числе множества женщин, детей и даже стариков), Европейский союз противится тому, чтобы предложить себя в качестве места убежища даже для тех, кому удастся пересечь его границы. Внешние границы ЕС стали непроницаемыми без въездной визы, при отсутствии которой невозможно предпринять законное и безопасное путешествие.

Отсутствие каких-либо обязательств по международной защите до пересечения границы само по себе содержит парадокс: невозможность легального въезда в Европу, где можно подать запрос на предоставление убежища, предаёт дух Женевской конвенции о статусе беженцев, поскольку изначально нарушает принцип «запрещения высылки беженцев», являющийся первым основополагающим юридическим принципом данной Конвенции⁹. Так смертельная опасность, от которой лицо, запрашивающее убежище, должно быть защищено благодаря «запрещению высылки», заменяется смертельной опасностью, вызванной необходимостью подвергаться серьёзным рискам нелегального путешествия.

Такой парадокс стал одной из причин подлинной гуманитарной катастрофы: согласно неточным данным, за последние десять лет в море погибли свыше 30 тыс. человек. Это приводит к срочной потребности в размышлении о реформе права на убежище, которая регламентировала бы процедуры доступа к защите уже в третьих странах и, следовательно, предусматривала бы безопасный въезд в страны назначения¹⁰.

Улучшение регламентации права на убежище не означало бы автоматически безграничного расширения гуманитарной помощи ЕС – хотя у него и есть необходимые для этого ресурсы, – но внесло бы вклад в установление долгосрочных механизмов управления миграционными явлениями, не предавая духа европейских конвенций, в сочетании с необходимостью безопасности, экономического развития и социальной политики Евросоюза. Однако Европа, по всей видимости, не движется к дальновидной политике, ее блокирует обилие враждебных высказываний, не лишенных воздействия на общественное мнение. Об этом говорит тот факт, что единственные продвигающиеся европейские досье касаются в настоящее время раннего контроля на внешних границах, с соответствующими меморандумами и соглашениями о сотрудничестве, безусловно, необходимыми. Однако далекими от рассмотрения остаются предложения законодательной реформы права на убежище и Дублинского регламента.

Италия и миграционный кризис: реальные данные, проблемы и перспективы

В 2016 г., согласно данным Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, их поток в Европу по морю заметно сократился, остановившись на цифре 361 тыс. человек¹¹. Однако поток беженцев, прибывающих на южные границы Италии, остается постоянным с 2014 г. Более того, в 2015 г., «ужасном году» великого исхода беженцев в Европу, общее количество человек, высадившихся в Италии, было на 10 тыс. меньше по сравнению с 2014 г.¹²

Особое положение Итальянского полуострова в Средиземном море и политическая ситуация в странах на другом берегу (в первую очередь в Ливии, а также в Египте и странах Магриба) делают Италию страной первостепенной важности в региональных миграционных потоках. Положение в Италии отличается от ситуации в других странах Европы прежде всего тем, что сирийских беженцев значительно меньше и гораздо сильнее заметно присутствие выходцев из Африки южнее Сахары.

Несмотря на волну проблем – реальных или вымышленных, – которые миграция приносит в Европу, некоторые наиболее реалистические политические лидеры отдают себе отчет в том, что явление это имеет глобальный характер, что остановить его невозможно и что оно нуждается в серьезном и дальновидном политическом управлении. Учитывая тот факт, что мигранты уже находятся на европейской территории, единственный возможный выход представляется в их интеграции на всех уровнях. Речь идет не о мультикультурализме, уже показавшем свою ограниченность, но об интеграции представителей различных культурных миров в культуру страны прибытия. Есть много успешного исторического опыта в Соединенных Штатах, Аргентине, в некотором смысле и в России. Почему это не удастся Европе?

Многие факторы, в том числе экономического характера, подтверждают мысль о том, что верная политика интеграции могла бы оказать положительное влияние на Евросоюз. В частности, в Италии, по подсчетам Фонда Моресса, авторитетного исследовательского центра по вопросам миграции, в 2014 г. 8% ВВП было произведено иностранными гражданами (123 млрд евро). Кроме того, от иностранцев поступило 16,6 млрд евро налоговых сборов, в то время как на них было затрачено лишь 13,5 млрд евро. Таким образом, положительный баланс (для итальянцев) составил 3,1 млрд евро: поскольку доля пожилых людей и пенсионеров

среди иностранцев минимальна, расходы на их пенсии и медицинское обслуживание крайне незначительны¹³.

Помимо этого, различные исследования показали, что вопреки распространенному мнению на рынке труда иммигранты дополняют итальянцев, а не конкурируют с ними, поскольку большая их часть занимается так называемыми *ddd jobs* (Dirty, Dangerous and Demeaning Jobs), которых итальянцы могут позволить себе избегать¹⁴. Это разрушает общее представление о том, что иммигранты «крадут» рабочие места у местных жителей, о чем часто кричат многие политики.

В Италии знаком изменения подхода к вопросу миграции стало создание в 2011 г. Министерства по интеграции и сотрудничеству. Это была первая попытка вывести данный вопрос из компетенции исключительно Министерства внутренних дел и придать ему более широкое измерение, которое предусматривало бы посвященную мигрантам политику, сопрягающую проблемы общественного порядка с мерами по социальной интеграции. Интеграция – двусторонний процесс, касающийся не только тех, кто прибывает в Италию и должен интегрироваться в новую реальность, но и граждан, которым нужно помочь «интегрироваться» в новые условия современного общества. В этом смысле школа может играть основополагающую роль для интеграции молодых поколений в многообразное общество.

Кроме того, долгосрочная политика интеграции может внести вклад в преодоление маргинальности и отверженности, часто характеризующих положение мигранта и лежащих в основе девиантного поведения и преступности. Ведь если из статистики следует, что иммигранты совершают больше преступлений, чем местные жители, это объясняется не их «генетической предрасположенностью» к совершению определенных преступлений, но большей подверженностью ограничениям в культурном плане и в плане межличностных связей, иными словами, тем, что они оказываются маргинальными и, следовательно, более бедными. Ведь и среди местных жителей девиантное поведение не распределяется равномерно, но различается в зависимости от социального слоя, уровня образования, возраста¹⁵.

В отличие от того, что говорят на повышенных тонах некоторые национальные СМИ и наиболее популистские политические лидеры, проблема сегодняшней Италии заключается не в увеличении приплывающих мигрантов, поскольку нет никакого увеличения, по крайней мере в сравнении с последними двумя годами (количество прибывающих людей, при неизменной потребности,

зависит от климатических условий и логистических возможностей нелегальных перевозчиков¹⁶). Разница с прошлыми годами состоит скорее в более жестком применении «петли» Дублинской системы: согласно Дублинскому договору, беженцы остаются в стране первого въезда, в данном случае в Италии, итальянская система приема мигрантов с трудом отвечает на стоящие перед ней вызовы, в то время как Европа осторожно рассчитывает свои силы в вопросе переселения и отказывается от серьезной реформы Дублинской системы.

В последние годы итальянские правительства старались побудить Евросоюз к более широкому размышлению о миграционной политике. *Migration compact*, представленный правительством Ренци в 2016 г., стал новым словом в миграционной политике: Рим направил в Брюссель некоторые предложения по общему подходу к миграционному кризису, основанные на трех основополагающих предпосылках. Во-первых, миграция в Европу должна рассматриваться как *структурное явление*, которое нельзя разрешить мерами чрезвычайного характера. Во-вторых, необходимо работать с причинами миграционных потоков, интегрируя *внешнее измерение миграционной политики* со взглядом за пределы границ Европы. И наконец, в-третьих, с точки зрения Италии ключевым является *африканский контекст*: страны происхождения и транзита многих миграционных потоков должны были бы стать основными собеседниками, вместе с которыми нужно действовать через запуск многоуровневых обменов между Европой и африканскими странами¹⁷.

Неслучайно в последние годы итальянское правительство дало новое развитие отношениям со многими африканскими государствами. Государственные визиты премьер-министра Маттео Ренци в Анголу, Конго-Браззавиль и Мозамбик (июль 2014 г.), в Кению и Эфиопию (июль 2015 г.), в Нигерию, Гану и Сенегал (февраль 2016 г.) стали очевидными знаками изменения перспективы. К ним необходимо добавить визит президента Республики Серджо Матареллы в Эфиопию и Камерун в марте 2016 г. и созыв Первой министерской конференции Италия–Африка, прошедшей в Риме в мае 2016 г. в присутствии высших руководителей Италии и всех стран африканского континента.

В настоящее время, после эпохи миграции из Восточной Европы, именно Африка, в особенности Южная, стала наиболее значимым отправным пунктом миграции в Италию. Статистика за 2016 г. показывает, что на первом месте среди приплывающих в Италию граждане Нигерии (21%), на втором – Эритреи (11%).

Представленная как вынужденными, так и экономическими мигрантами, Африка больше, чем в прошлом, эмигрирует в Италию, рассматривая ее не только как возможность транзита, но и как страну, в которой африканцы хотели бы остановиться. И если Африка составляет настоящее миграционных потоков, совершенно не очевидно, что она должна составлять и их будущее. Это будет происходить лишь в случае, если Европа продолжит следовать политике защиты внешних границ, не стремясь к великому стратегическому альянсу с континентом, самым богатым с геологической и самым молодым с демографической точки зрения на планете¹⁸.

Действия гражданского общества в Италии: возможная модель для Европы

Перелом в европейских дебатах о миграции, если произойдет, станет следствием не столько просвещенной политики (взгляд которой в настоящее время замутнен возрождением опасных националистических течений, играющих на этой теме), сколько упорной и терпеливой работы внутри гражданского общества и действий его наиболее творческих элементов, свободных, в отличие от правительств, от парализующей силы приближающихся выборов.

Авторитетный голос на тему миграционного кризиса принадлежит Римско-католической церкви, в особенности папе Франциску, который не раз напоминал, что корни Европы укреплялись в истории, когда она училась интегрировать самые различные культуры, не имевшие явной взаимосвязи. Понтифик, сын иммигрантов, торжественно утверждал: «Я мечтаю о новом европейском гуманизме... Я мечтаю о Европе, где быть мигрантом – не преступление, но призыв к большему труду с достоинством всего человеческого существа... Я мечтаю о Европе, которая развивает и охраняет права каждого, не забывая об обязанностях по отношению ко всем. Я мечтаю о Европе, где нельзя сказать, что ее работа в защиту прав человека была ее последней утопией»¹⁹. Знаменательно, что папа совершил свой первый итальянский визит на Лампедузу, остров-символ высадки мигрантов, где почтил память «жертв надежды» и обратился с призывом против «глобализации равнодушия».

Особенно интересной с точки зрения действия гражданского общества в сфере иммиграции представляется инициатива так называемых гуманитарных коридоров, организованных в Италии начиная с февраля 2016 г. группой религиозных ассоциаций

(Федерацией евангелических Церквей, Вальденским сообществом и Общиной святого Эгидия). В январе 2017 г. был добавлен второй гуманитарный коридор для беженцев, укрывшихся в Эфиопии, организованный Итальянской епископской конференцией совместно с Общиной святого Эгидия.

Через гуманитарные коридоры определенному числу беженцев (тысяче человек из Ливана и пятистам из Эфиопии) гарантировано получение визы по гуманитарным соображениям в странах первого убежища. Те, кто имеет на это право, получают визы по гуманитарным соображениям не после того, как с риском для жизни пересекли море (как обычно происходит), а раньше, что позволяет им безопасно и легально прилететь в Италию (что было бы невозможным без визы), где уже приготовились заботливо их принять с «духом усыновления». Принимающие семьи и сообщества разбросаны по территории страны, чтобы избежать как концентрации беженцев в одном месте, так и их изоляции в периферийных населенных пунктах, где нет возможности социального взаимодействия²⁰.

Организаторы данной инициативы берут на себя транспортные расходы и дальнейший прием, а от Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел получают необходимую административную и юридическую поддержку. Это способ использовать средства для политики интеграции, а не только для мер по поддержанию общественного порядка, так или иначе имеющих высокую стоимость для всего общества.

Таким образом, организация гуманитарных коридоров становится легко воспроизводимой мерой для правительств повсюду, где есть готовность гражданского общества реализовать ее, без значительных экономических и политических затрат со стороны правительств, так как ответственность за въезд и прием полностью лежит на солидарном обществе. Подготовка к повторению подобного опыта уже начата в других европейских странах, в частности во Франции и Польше, и в нее вовлечены прежде всего различные церковные сообщества, объединенные экуменической идеей солидарности.

* * *

В настоящее время миграция считается одной из основных социально-политических проблем европейского континента. Осенью 2015 г. 58% граждан Евросоюза указали на миграцию как на наиболее тревожный вопрос, стоящий перед ЕС²¹. В 2016 г. число таких ответов снизилось до 48%, однако тема иммиграции остается приоритетной для европейских жителей²².

Политика иммиграции во всей Европе претерпевает неожиданное ускорение, немислимую эволюцию, радикальные изменения направлений и перспектив. Прибытие все более значительного числа беженцев привело и к неожиданной открытости (проявлением которой стала, например, позиция канцлера Германии, заявившей в сентябре 2015 г., что Германия будет готова принять миллион сирийских беженцев), и к новой замкнутости, в том числе в странах, традиционно открытых к приему беженцев (в последние два года на земле Евросоюза построено или строится девять стен, чтобы остановить волну миграции).

Рост неприятия мигрантов со стороны широких слоев населения (часто при недостатке рациональных оснований) содействует подъему политических партий, которые ставят в центр своей повестки дня вопрос иммиграции, порой проводя политические кампании явно ксенофобского тона. Страшные террористические акты в сердце Европы подлили масла в огонь сложной ситуации, запустив опасный механизм идентификации иммигранта – в особенности мусульманина – с потенциальным террористом. В этом сценарии политика обеспечения безопасности оказалась в центре внимания, приводя к росту экономических затрат на чрезвычайную ситуацию и порождая общее раздражение и ожесточение.

Акцент на проблемах, на связке «иммигранты–терроризм», на конфликтах цивилизации отражает глобальный пессимистический взгляд на возможности позитивного преобразования общества за счет миграции, оставляя в стороне происходящее и все более очевидное взаимное обогащение на всех уровнях, примеры которого политика долгосрочной интеграции должна была бы выявлять и демонстрировать гражданам Европы²³.

Растущая мобильность людей, по сути, является лишь одним из новых аспектов, связанных с великими преобразованиями, перед лицом которых находится современное общество, и должна рассматриваться именно в этом ключе. Речь идет не об упрощении ситуации или бесплодном оптимизме, но о выработке новых парадигм ответа на глобальную проблему, которые способствовали бы не только преодолению последствий, но и устранению причин столь масштабной миграции. Она является очевидным знаком экономического неравенства в мире, несправедливости, которой подвержены целые народы, серьезных последствий войн и природных катастроф.

Точными представляются размышления Э. Баумана о рисках недалековидного подхода к вопросу миграции: «Политика, основанная на взаимном отдалении и на сохранении дистанций, на

построении стен, а не мостов... не приводит никуда, разве что к пустыне недоверия, отчуждения и взаимного ожесточения. Подобного рода политика, которая в краткосрочной перспективе предлагает обманчивый комфорт (насиленно перенося вызов вне поля зрения), на самом деле аккумулирует динамит для будущих взрывов»²⁴.

Это суровое предостережение, а также отчаянный призыв переломить ход истории, пока не стало слишком поздно. Смелая и дальновидная европейская политика интеграции – в интересах прежде всего самого континента и уже потом – прибывающих мигрантов.

Примечания

- 1 Об эмиграции итальянцев см.: *Ciuffoletti Z., Degl'Innocenti M. L'emigrazione nella storia d'Italia, 1868–1975: storia e documenti.* Firenze: Vallecchi, 1978.
- 2 *Bauman Z. Stranieri alle porte.* Bari; Roma: Editori Laterza, 2016. P. 4–5.
- 3 Risk Analysis for 2016. P. 17 [Электронный ресурс] // Frontex. URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annula_Risk_Analysis_2016.pdf (дата обращения: 01.03.2017).
- 4 Ibid. P. 16.
- 5 Figures at a Glance [Электронный ресурс] // UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (дата обращения: 01.03.2017).
- 6 См.: *Bassoul J. Less than 3% of five million Syrian refugees resettled in rich countries* [Электронный ресурс] // OXFAM. 2016. Dec. 16. URL: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2016-12-16/less-3-five-million-syrian-refugees-resettled-rich-countries> (дата обращения: 01.03.2017); *Where there's a will, there's a way* [Электронный ресурс] // OXFAM. 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp-where-theres-a-will-syria-refugees-161216-en.pdf (дата обращения: 01.03.2017).
- 7 См.: *Del Re E.C. L'insostenibile precarietà dei campi profughi* // Limes. 2016. № 4. P. 221 и сл.
- 8 См.: *The Implementation of the Common European Asylum System* [Электронный ресурс] // European Parliament. Directorate-General for Internal Policies. Policy Department C. LIBE, 2016. Spec. P. 62. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556953/IPOL_STU\(2016\)556953_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556953/IPOL_STU(2016)556953_EN.pdf) (дата обращения: 27.02.2017).
- 9 См.: *Casas-Cortes M., Cobarrubias S., Pickles J. Changing borders, rethinking sovereignty: towards a right to migrate* // REMHU. 2015. № 44. P. 47 и сл.
- 10 На это уже направлен подход Европейского парламента к “Strategic guidelines for legislative and operational planning for the coming years within the area of freedom, security and justice”, представленный в июне 2014 г. См.: *Conclusions*

- of the European Council (26/27 June 2014). [Электронный ресурс] URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/143478.pdf (дата обращения: 20.03. 2017). Впоследствии подобный подход развивался в исследовании 2016 г.: The Implementation of the Common European Asylum System...
- ¹¹ Most common nationalities of Mediterrean sea arrivals from January 2016 [Электронный ресурс] // Operation portal: Refugee Situations. URL: <http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean> (дата обращения: 27.02.2017).
- ¹² Gli sbarchi in Italia nel 2016: alcuni dati per smentire l'allarmismo [Электронный ресурс] // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.it/risorse/carta-di-roma/fact-checking/gli-sbarchi-italia-nel-2016-dati-smentire-lallarmismo> (дата обращения: 01.03.2017).
- ¹³ La ricchezza prodotta dagli immigrati [Электронный ресурс] // Fondazione Leone Moressa. URL: <http://www.fondazioneleonemoressa.org/newsite/la-ricchezza-prodotta-dagli-immigrati> (дата обращения: 01.03.2017). По этой теме см. также: *Visco I.* Invecchiamento della popolazione, immigrazione e crescita economica // *Rivista italiana economica degli Economisti.* 2008. Vol. 13. № 2. P. 209–243; *Frattini T.* Immigrazione // *Rivista di Politica Economica.* 2012. № 3. P. 363–407.
- ¹⁴ См.: *Cingano F., Rosolia A.* Non sono concorrenti ma complementari // *Libertàcivili.* 2010. № 2. P. 45–56.
- ¹⁵ На эту тему см.: *Allievi S., Dalla Zuanna G.* Tutto quello che non vi hanno mai detto sull'immigrazione. Bari; Roma: Editori Laterza, 2016. Capitolo 5.
- ¹⁶ Вот лишь несколько фактов, основанных на статистике Министерства внутренних дел Италии. В 2016 г. в стране высадились 181 436 мигрантов (в 2015 г. – 153 842). Однако до 30 сентября 2016 г. людей, приплывших с начала года, было меньше, чем с 1 января по 30 сентября 2015 г. Затем благоприятные климатические условия привели к удвоению количества переплывающих море мигрантов в октябре и ноябре по сравнению с соответствующими месяцами 2015 г. При этом в январе 2017 г. в Италии высадилось значительно меньше мигрантов, чем в более мягком январе 2016 г. и январе 2015 г. (2790, 4071 и 3528 человек соответственно). См.: *Cruscotto statistico giornaliero.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/it/documentazione/statistica/cruscotto-statistico-giornaliero> (дата обращения: 20.03.2017).
- ¹⁷ См.: *Migration Compact: Contribution to an EU strategy for external action on migration* [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Италии. URL: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/immigrazione_0.pdf (дата обращения: 01.03.2017).
- ¹⁸ См.: *Pastore F.* Relazioni euro-africane e migrazioni: tra contenimento e sviluppo // *Aspenia.* 2016. № 72. P. 243 и сл.
- ¹⁹ Речь папы Франциска по случаю вручения ему премии Карла Великого 6 мая 2016 г. см.: *Conferral of the Charlemagne Prize: Address of His Holiness*

- Pope Francis. 2016. May 6. [Электронный ресурс] // Vatican. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2016/may/documents/papa-francesco_20160506_premio-carlo-magno.html (дата обращения: 01.03.2017).
- ²⁰ См.: *Impagliazzo M.* Le vie dell'integrazione "latina" // *Limes*. 2016. № 7. P. 127 и сл.
- ²¹ Standard Eurobarometer 84. First Results. Autumn 2015. P. 13. [Электронный ресурс] URL.: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKey/2098> (дата обращения: 01.03.2017).
- ²² Standard Eurobarometer 85. First Results. Spring 2016. P. 4.
- ²³ Для многогранного видения соотношения трудностей и преимуществ иммиграции в Европе см. убедительное заключение книги: *Allievi S., Dalla Zuanna G.* Op. cit.
- ²⁴ *Bauman Z.* Op. cit. P. 16–17.

Н.М. Емельянова

Эрдоган vs Гюлен:
новейшие тенденции
в политическом развитии Турции

Статья посвящена острейшей социально-политической проблеме современной Турции: противостоянию гюленовского движения «Хизмет» и нынешнего правительства Турции под руководством Р.Т. Эрдогана. Работа основана на впервые вводимых в научный оборот документах, включая материалы следственных дел и заключительные акты прокуратуры Турции, сведения биографического характера, а также материалы полевых исследований, проведенных автором в Турции. Автор прослеживает генезис и развитие сложных взаимоотношений движения «Хизмет», возглавляемого Ф. Гюленом, и правящих кругов Турции, вплоть до попытки государственного переворота 2016 г. и последовавших за этим репрессивных мер правительства. Делается вывод о том, что конфликт между последователями Гюлена и правительством Турции отнюдь не исчерпан и грозит дальнейшим осложнением внутривнутриполитической ситуации в стране.

Ключевые слова: Турция, политический ислам, Эрдоган, Гюлен, «Хизмет», государственный переворот 2016.

В 2010-е годы Турция столкнулась с обострением серьезных социальных проблем. К ним относятся растущая численность мигрантов внутри страны (более 3 млн человек, в основном – беженцы из стран Ближнего Востока), внутренний конфликт на востоке страны (курдская проблема и последовавшая за этим значительная внутренняя миграция), участие в боевых наземных операциях на территории сопредельных государств (Сирия и Ирак). Несмотря на всю серьезность упомянутых проблем, темой номер один в повседневной риторике политиков и медийных лиц на протяжении последних лет является борьба с «параллельной структурой»,

или «параллельным правительством», Фетхуллы Гюлена. После попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. движение Гюлена «Хизмет» («Служение») – организация, на протяжении не одного десятка лет активно действовавшая как внутри Турции, так и за рубежом, – стало рассматриваться как «Террористическая организация Фетхуллы Гюлена» (Fethullahçı Terror Örgütü – FETÖ). Несмотря на то что «Хизмет» никогда не провозглашала террор в качестве метода своей политической борьбы, а напротив, всячески осуждала и отрицала любые акты террористического насилия, со второй половины 2016 г. правительство Турции ведет с ней борьбу как с глобальной международной террористической структурой.

* * *

Как ни странно, но до 2013 г. правящая в Турции Партия справедливости и развития (ПСР) и движение Гюлена тесно взаимодействовали и уже почти поделили сферы влияния внутри страны. Организации «Хизмет» негласно были переданы сферы законодательной компетенции. Движение осуществляло широкие образовательные и культурные проекты внутри страны и за ее пределами, являясь негласным культурным представителем Турции за рубежом. Ф. Гюлен был ближайшим союзником Реджепа Тайипа Эрдогана, пользовался его покровительством, а также большими полномочиями и привилегиями в сфере продвижения культурных и образовательных программ. На международных Турецких олимпиадах в случае, если они проходили внутри Турции, неизменно участниками были самые высокие гости – президент и премьер-министр, министры образования и иностранных дел. По всей Турции и во многих зарубежных странах открывались турецкие школы, патронируемые движением Ф. Гюлена. Особым вниманием при этом пользовались постсоветские страны – Россия, республики Средней Азии и Закавказья, Белоруссия, Украина, Молдова.

После «коррупционного скандала», случившегося в декабре 2013 г., когда связанные с Гюленом официальные представители прокуратуры начали проверку в отношении ряда министров и лиц из ближайшего окружения действующего президента страны, отношение к движению «Хизмет» в Турции начало коренным образом меняться – сначала высокие гости стали игнорировать все мероприятия, связанные с Олимпиадами и культурными фестивалями, через короткое время движение было обвинено в создании «параллельных» политических структур. Во второй половине 2015 г. был нанесен удар по информационным структурам «Хизмет», в кратчайшие сроки закрыты такие издания, как «Бугюн» («Сегодня»),

«Заман» («Время») и другие, взяты под контроль финансовые холдинги, на средства которых содержались эти издания. Началась ликвидация сети зарубежных образовательных и культурных учреждений (в том числе в Азербайджане, Кыргызстане и других постсоветских государствах).

После попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. движение «Хизмет» получило название «Террористическая организация Фетхуллы Гюлена». Менее чем за месяц были арестованы и оказались под следствием, по некоторым данным, свыше 35 тыс. человек, прямо или косвенно связанных с «Хизмет». Масштаб развернутой против Гюлена борьбы говорит о том, что он стал настолько влиятельной фигурой, что гипотетическая вероятность взятия им под контроль всей власти в стране начала восприниматься как объективная реальность.

Что же представляет собой движение «Хизмет», кто такой Фетхулла Гюлен, каковы причины кардинальных перемен в отношении к нему официальных властей страны? Основываясь на данных, полученных из различных источников¹, можно выделить четыре этапа в развитии движения «Хизмет»:

- 1) 1966–1986 гг. – период становления;
- 2) 1986–1996 гг. – период подъема и выхода на мировую арену;
- 3) с 1996 г. – «американский» период;
- 4) с декабря 2013 г. по настоящее время – от «коррупционного скандала» до объявления «Хизмет» террористической организацией.

В данной статье автору хотелось бы более подробно остановиться на первом периоде – зарождении, формировании и создании упорядоченной организационной структуры движения, поскольку этот этап является прямым отражением многочисленных и сложнейших исторических процессов, кардинальным образом изменивших социально-политическую жизнь страны. Именно первый период дает ключ к пониманию механизмов функционирования и причин живучести движения, созданного организаторской волей и талантом фактически одного человека.

* * *

С момента своего создания и по настоящее время Турецкая Республика является светским государством. Однако отношение к исламу, его позиции и роль в управлении страной постоянно трансформируются, с каждым днем усиливая его потенциал и государственные позиции. Основы регулирования отношений государства и религии были заложены основателем Турецкой Ре-

спублики Мустафой Пашой Кемалем Ататюрком. В 1920-е годы был провозглашен светский характер государства, с 1930-х годов религия была едва ли не под запретом. Религиозное образование осуществлялось по большей части в домашних условиях и тайно. В связи с отсутствием официальных служителей культа большой популярностью в народной среде стали пользоваться религиозные тарикаты, относящиеся к той или иной ветви суфизма, и общинные объединения – джамааты.

1930–1940-е годы в Турции именуют временем «однопартийного менталитета». В это время изучение Корана было под запретом, призыв на молитву азан в мечетях мог читаться только по-турецки и ни в коем случае не по-арабски. Таким образом, с 1930-х и до начала 1960-х годов в стране выросло целое поколение, которое не слышало звуков азана с минаретов мечетей². Но традиционное общество не могло отказаться от основ своей веры, продолжая исполнять религиозные обряды и предписания втайне. Поскольку в сельские мечети не назначались имамы, население собирало денежные средства и самостоятельно нанимало религиозных учителей – ходжей. Роль такого учителя выполнял отец Ф. Гюлена, а мать обучала девочек Корану. В то время, когда в деревнях многие молодые девушки и женщины вовсе не умели читать Коран, в доме Гюлена непрерывно и зачастую тайно шло обучение Корану, арабскому и османскому языкам.

Из-за того, что чтение религиозных текстов было под запретом, а в деревне находился пост жандармерии, в доме Гюлена все были готовы к тому, что в любой момент могут нагрянуть с обыском. Ученики прятали Коран под обложками других книг. В комнате, где проводились религиозные уроки, была маленькая дверца, зашешанная шкурой, которая вела в хлев с домашними животными. Если приходили жандармы, то дети, получив сигнал, выбегали через эту маленькую дверцу наружу. Ф. Гюлен сам рассказывал о таких обысках, проведенных в дни его детства³. Таким образом, можно сказать, что буквально с ранних лет Ф. Гюлен был запрограммирован на устойчивое и скрытное ведение борьбы и отстаивание собственных позиций и идеалов.

В период однопартийной системы (1923–1945) правительство начало активно строить светские школы, особенно в сельской местности, чтобы повысить уровень грамотности населения. Это было частью национальной политики. В 1944 г. в деревне Корджук провинции Эрзерум, где жила семья Гюлена, открылась начальная светская школа, обучение в ней было обязательным, в отличие от религиозного образования, которое было под запретом и осуществлялось втайне.

Как известно, в период предвыборной кампании 1947 г. правительство дало больше свобод религиозным образовательным программам, таким как факультативное религиозное образование, специальное обучение проповедников в школах. В 1949 г. был создан теологический факультет в Университете Анкары. После победы на выборах в 1959 г. Демократическая партия заметно расширила религиозное образование, нарушая таким образом секулярные принципы кемалистского государства. Это были первые признаки ослабления государственного контроля в религиозной сфере. Народный ислам, сохранявшийся тайно почти на протяжении четверти века, начал выходить из подполья, стал добиваться возможности внедрения в государственные структуры и системы.

* * *

Когда Фетхулле было 10 лет, их семья переселилась в село Алвар, находящееся в восьми километрах от Коруджука. Здесь его отец стал исполнять обязанности местного имама⁴. К этому времени Ф. Гюлен уже завершил начальное светское образование в Коруджуке, но не стал продолжать обучение в Алваре. Оно было полностью заменено на домашнее религиозное обучение – изучение Корана и хадисов, арабского и староосманского языков⁵. В 1952 г. отец отправил 14-летнего сына на учебу в одно из медресе Эрзерума. Будучи выпускником начальной светской школы, Гюлен мог сдать экзамен на получение удостоверения специалиста, работающего в религиозной сфере, и в дальнейшем выполнять обязанности муэдзина и религиозного наставника⁶.

В возрасте 15 лет Гюлен познакомился с трудами религиозного проповедника Саида Нурси (1871–1960). Среди зарубежных исследователей движение, созданное С. Нурси, известно под названием «Нурджулар» и названо так по комплексу догматических книг «Послание Света» («Рисале-и-Нур»). Исламоведы сходятся во мнении, что особенностью нурсизма является то, что он предлагает слияние норм шариата с идеями модернизма. Нурсизм считает незаконными реформы создателя Турецкой Республики М.К. Ататюрка, поскольку они противоречат исламу. На протяжении всей своей жизни Ф. Гюлен сохранил идейный запал нурсизма, особенно в области отрицания светских реформ Ататюрка, методично и настойчиво прививая антикемалистские установки членам своей общины. Когда Саид Нурси скончался, Гюлену было 22 года. Хотя он не был лично знаком с Нурси и не был его учеником, но взял многое из его учения, развил, дополнил и реформировал его, наполнив собственными идеями и практиками оболочку нурсизма.

Можно согласиться с мнением современного грузинского исследователя нурсизма Эмзара Макарадзе, который относит Ф. Гюлена к лидерам второго поколения нурсистов⁷, говоря о том, что если на начальном этапе Гюлен берет многое из идей нурсистов, то впоследствии дистанцируется от них, чтобы идти собственным путем.

* * *

В 1960 г., после военного переворота, к власти в стране вернулась Республиканская народная партия, основанная Ататюрком. Произошло расширение сети специальных агентов (особенно во внутренней части страны, Анатолии), ведущих пристальное наблюдение за религиозными школами. После переворота политическая обстановка была напряженной. Студенческие митинги и протесты, облавы и аресты студентов привели к тому, что жить в студенческих общежитиях стало опасно, и родители, посылая своих детей в город на учебу, заставляли их арендовать жилье. К этому времени Ф. Гюлен отслужил в армии и впоследствии переехал в Измир, где стал имамом в одной из мечетей. По роду службы Гюлен активно взаимодействовал с людьми, в том числе с молодежью. Он советовал молодым людям помогать друг другу. Тогда группа студентов, знакомых с ним, сняла свой первый дом на окраине Измира, в местечке под названием Кестанепазары. Изначально в доме поселились пять человек; когда студенческая община увеличилась, сняли еще один дом по соседству. К 1970 г. у этой группы было уже 12 арендованных домов.

Гюлен постоянно приходил на вечерние собрания, где читалось «Послание Света» Саида Нурси, рассказывались истории сахибов – сподвижников пророка Мухаммада⁸. Эти устные истории накладывались на картину современного мира и современной турецкой действительности, служили базой для обсуждения перспектив, целей и задач, стоящих перед собственной общиной и турецким обществом в целом. На первых порах «Хизмет» именовалось «Тарикатом Света» (Işık Tarikatı). Название было связано с деятельностью «Домов Света» («Домов энергетической зарядки», «Домов-маяков»), открываемых по всей стране. Это название сохранялось и впоследствии на протяжении почти двух десятков лет⁹. В названии прослеживалась связь общины с движением Саида Нурси и его «Посланием Света». Прежние нурсисты один день в неделю собирались у кого-либо дома, и кто-то, более знающий, читал Рисале-и-Нур. Однако Гюлен постарался изменить эту систему. С 1966 по 1986 г. студенческие общежития и «Дома Света» внутри общины стали называться «медресе», чтобы отличать их от существующих «дерсхане». Таким образом,

даже номинально Гюлен хотел отделить себя от нурсистов, которых он считал устаревшими. В этот период увеличивалась численность внутренне закрытого общества, община была занята привлечением новых членов и созданием своей кадровой базы. В качестве экономических источников привлекались собранные средства и помощь богатых и зажиточных людей¹⁰.

Для «Домов Света» Гюлен лично написал свод правил из 18 пунктов. К ним прилагался текст присяги. Дающие присягу обязались соблюдать все правила общежития: хранить верность своему наставнику, работать на благо воспитания, открывать школы для бедных, создавать общежития, прививать студентам понятия чести и достоинства, быть примером для других учеников. Молодые люди искренне верили, что для страны будет полезен их вклад в дело воспитания подрастающего поколения. Принюся присягу, положив руку на Коран, каждый говорил, что тому, кто нарушит клятву, не будет искупления. То есть это была клятва, которая исключала всякое ее нарушение¹¹. Таким образом, можно сказать, что уже в этот период закладывались основы полугайной организации, члены которой были безгранично преданы своему лидеру.

* * *

В 1970-е годы Турция вновь вошла в период политических беспорядков. Повсеместно наблюдались жестокость и насилие, противостояние между правыми и левыми, ежедневно организовывались забастовки, митинги протестов. Часть педагогов и академических сотрудников выступали против правительственной политики, студенчество также оказалось в эпицентре событий. К этому времени большинство университетских кампусов уже были безнадежно устаревшими, и «Дома Света» становились все более популярными у простого населения, желавшего уберечь своих детей от различных непредвиденных ситуаций, которые могли случиться в студенческих кампусах¹².

Непрекращающаяся политическая борьба привела к очередному ослаблению контроля властей над религиозной жизнью. По всей Турции стали открываться центры подготовки мусульманских кадров, именуемые школами имам-хатыбов (imam hatip okulları). Особый акцент в образовательной программе данных заведений делался на изучение религиозных предметов, но в остальном учебные планы школы имам-хатыбов были похожи на программы профессиональных училищ. В этот период в Измире начала официально действовать Ассоциация по изучению Корана под руководством Али Реза Гювена¹³.

Вскоре данная Ассоциация стала выражать беспокойство по поводу отношений Гюлена со студентами и создания молодежных религиозных общин в Кестанепазары. В Ассоциации обучение проводилось только для учеников из бедных семей и только летом, а в круглогодично действующей общине, сформированной Гюленом, принимали участие студенты университета. Были замечены явно выраженные лидерские и проповеднические качества Гюлена, в связи с чем было принято решение убрать его из Кестанепазары. Тогда общиной Гюлена был арендован дом в другом месте. Через некоторое время хозяин этого дома – человек по имени Нефи Акъязылы – предложил передать для общины участок в местечке под названием «Розовая вилла», где снимался фильм «Королек – птичка певчая». Взамен он попросил предоставить ему членство в создаваемом объединении¹⁴. С 1971 г. началась работа по строительству на этой земле общежития. Пять лет члены общины, в том числе прихожане мечети, в которой служил Гюлен, сдавали деньги, работали на строительстве студенческого общежития. В первую очередь возводилось здание, но также прорабатывались и теоретические вопросы. Впоследствии из-за опасности конфискации было решено перевести все имущество на фонд, и таким образом был создан первый финансовый Фонд “Акуазılı”. Надо отметить, что через 30 лет, к 2006 г., Акъязылский фонд стал одним из крупнейших финансовых доноров системы Гюлена, через который осуществлялось финансирование большинства международных образовательных и культурных проектов. В целом же активы финансовой пирамиды «Хизмет» оценивались в объемах, превышающих 25 млрд долл. США¹⁵. В 1970-е годы создание фонда нашло широкую поддержку у родителей и прихожан мечети, поскольку люди думали о помощи студентам и общине. Аналогичные общежития стали создаваться в других городах. Число людей, симпатизирующих Гюлену, росло.

Власти не могли не обратить внимания на активность этой группы, и в 1971 г. Ф. Гюлен был осужден на три года за деятельность, направленную на создание в Турции государства, базирующегося на религии. За весь период существования организации Гюлен неоднократно попадал под следствие, но каждый раз выходил из всех передряг, усиливая свои позиции, и методично возвращался к продолжению своего дела¹⁶.

В день очередного военного переворота 12 сентября 1980 г. Ф. Гюлен снова был в списке разыскиваемых. На этот раз ему пришлось долго скрываться – так, что никто из приближенных не знал о его местонахождении. Он был задержан повторно силами безопасности в 1986 г., однако в 1987 г. усилиями нового президента

Тургута Озала был освобожден. После прихода к власти Озала все изменилось. Гюлен превратился в духовного отца нации и едва ли не главного проповедника Турции. В мечети одного из районов Стамбула – Ускударе – каждую пятницу толпы народа собирались с целью послушать молитвы и проповеди Гюлена. Их транслировали многие телеканалы.

* * *

На протяжении XX в. шел процесс непрерывной политической модернизации Турции. Три Конституции (1924, 1961 и 1982 гг.) постепенно меняли формы государственного правления. В результате активного формирования многопартийной системы в 1983–1987 гг. выделились четыре типа политических организаций: правоцентристские, левоцентристские, националистические и происламские. В 1995 г. выборы выиграла партия умеренных исламистов «Рефах», однако через год она была запрещена Конституционным судом страны. В этот период вновь преследуемый турецкой властью Ф. Гюлен принимает решение уехать из страны. С 1996 г. начинается новый этап в жизни общины, управление которой теперь идет извне, а все шаги огромной разветвленной организации координируются из штаб-квартиры Ф. Гюлена в Пенсильвании. В 2002 г. на смену прозападным кабинетам, правившим страной в течение шести лет, пришла близкая к «Рефах» происламская Партия справедливости и развития. Стоящее на прочных исламских позициях движение Ф. Гюлена вновь оказалось реабилитированным.

В 2008 г. главный редактор прогюленовской газеты «Заман»¹⁷ Абдулхамид Биличи в своем интервью так охарактеризовал эти перемены: «К 1980-м годам развитие Турции было остановлено. До 70% населения жило в деревнях. Вся экономика, как и средства массовой информации, находилась в руках государства. В настоящее время 80% экономики перешло в частные руки, 80% населения теперь живет в городах. Сегодня мы видим совершенно другую Турцию, это только на карте не меняются ее очертания. Имя Фетхуллы Гюлена связано с восьмым президентом Турции Тургутом Озалом, который фактически провел перестройку Турции. Раньше граждане страны не могли получить паспорт для выезда за границу, нам было запрещено иметь иностранную валюту, 10–15 лет мы стояли в очереди на подключение телефона, все деньги находились в руках государства. Но сегодня дети из деревень стали взрослыми, получили хорошее образование, а сейчас они хотят иметь право управлять страной, высказывать новое мнение. Однако люди, управляющие страной, не желают делиться своей властью, поэтому

в стране возникают серьезные политические проблемы, бывшая и новая действительность входят в противоречие. Вовлеченным в этот процесс оказался и фактор ислама, потому что люди старой генерации настаивают на недопустимости вовлеченности ислама в официальную жизнь страны, как того требуют принципы кемалистского государства. Но страна не может отказаться от своей религии, и в новой модернизированной форме ислам входит в систему государственного управления. В этих процессах во многом лежит ключ к пониманию современных политических процессов, происходящих в Турции. Мы – люди нового поколения, и Фетхуллы Гюлен – это человек, который олицетворяет современную Турцию»¹⁸.

В 2016 г. организация Гюлена всесторонне изучалась правоохранительными органами страны. Генеральная прокуратура Анкары на основании допросов десятков подозреваемых сделала всеобъемлющий вывод о деятельности организации в разные периоды ее существования. Что касается начального периода, то в обвинительном заключении прокуратуры говорилось: «Базу кадрового состава организации составили люди, которые после 1950-х годов начали переселяться из деревень в города. Эти мигранты, жившие в трущобах на окраинах городов, владели нищенским существованием, и государство должно было удовлетворять потребности этой новой социальной структуры. Особенно студентов, которые приезжали в города, чтобы учиться, для них надо было предоставлять кров, обеспечивать общежитиями, и организации наподобие движения Фетхуллы Гюлена и аналогичные ему рассматривались в качестве меры, способствующей тому, чтобы эта молодежь не оказалась вовлечена в круг леворадикальных идей. Это было одной из целей созданного движения “Хизмет”»: направляя, держать под контролем интересы молодежной среды»¹⁹. В заключении прокуратуры подчеркивалось, что после 1970-х годов государство само установило тесные отношения с политизированными исламскими кругами, потворствуя им, и движение Ф. Гюлена стало закономерным продуктом этой политики.

Нельзя не отметить чрезвычайную живучесть и приспособляемость созданной Ф. Гюленом системы. На протяжении длительной истории существования все преследования, попытки применения санкционных мер и закрытия организации в конечном счете усиливали ее, и каждый раз «Хизмет» возрождалась и с новой энергией принималась за методичное продвижение к своей цели. Нынешний президент Турции Р.Т. Эрдоган, осознав опасность этой организа-

ции, пытается самым кардинальным образом искоренить «Хизмет» как в социально-политической среде своей страны, так и на международной арене. Только за вторую половину 2016 г. ликвидированы все школы и университеты движения в Турции и большинство таковых за рубежом. Члены движения подвергаются массовым арестам и уголовным преследованиям, даже ставится вопрос о введении смертной казни, которая могла бы помочь покончить с таким явлением, как «Хизмет». Представляется, однако, что эта история еще не закончена и в дальнейшем мы станем свидетелями новых витков политической борьбы, битвы за умы и души, за господство в идеологическом пространстве.

Не исключены и достаточно неожиданные повороты.

Примечания

- ¹ В 2000-е годы на постсоветском пространстве распространялись многочисленные переводные издания о деятельности организации «Хизмет», включая книги самого Ф. Гюлена. Многие книги издавались на русском языке в Стамбуле, а затем привозились для распространения в Россию. См.: *Гюлен Ф. Критерии, или Огни в пути*. Стамбул, 2006; *Он же. Сомнения, порожденные веком*. Т. 1–2. Стамбул, 2010; *Он же. Диалог и толерантность*. Стамбул, 2010; *Толерантность религий и цивилизаций: Взгляды Фетхуллага Гюлена / Сост. В.А. Ставицкий, С.И. Табасаранцев*. М.: Экономика, 2012; *Одилов Н. Идейное пространство Гюлена*. Стамбул, 2010; *Токак Х. Они не дождалась утра*. Минск, 2011; *Кэрролл Б.Дж. Диалог цивилизаций: Исламское учение и гуманистический взгляд Гюлена*. Стамбул, 2010; *Тарасов С. Турция: загадки и тайны коррупционного скандала*. М.: Экономика, 2014. Среди турецких трудов по биографии Ф. Гюлена можно отметить работу Шемсинур Оздемир «Мать и семья ходжи: достопочтеннейшая мать М. Фетхуллы Гюлена Ходжи эфенди Рефия Гюлен» (*Özdemir S. Носа anne ve ailesi: M. Fethullah Gülen Носаefendi'nin Muhterem Validesi, Refia Gülen*. İstanbul, 2014). Один из главных консультантов по «Хизмет», Нуреттин Верен, находился рядом с Ф. Гюленом на протяжении 35 лет. В начале 2000-х годов между Гюленом и Вереном произошел разрыв, после чего Верен опубликовал в Турции книгу под названием «Осада: американский троянский конь Фетхуллы Гюлен» (*Veren N. Kuşatma. ABD'nin Truva Atı: Fetullah Gülen Hareketi*. İstanbul, 2007). В конце 2016 г. в Турции вышло новое исследование Верена – «Террористическая организация Фетхуллы Гюлена: 1966–2016, с документами и именами» (*Veren N. FETÖ: 1966–2016. İsimler ve belgelerle*. İstanbul, 2016). О движении «Хизмет» писали такие авторы, как Сёнер Ялчин в ряде своих работ (среди них можно выделить исследование под названием «Эти фундаменталисты не похожи на тех

- мусульман»), Зубейр Кындыра («Дубинки джамаата), Явуз Селим Демираг («Месть имамов: структуры Джамаата в турецких вооруженных силах»), Неджип Хаблемитоглу («Крот»), Агил Алесгер («Бесшумное вторжение: организации FETÖ в Азербайджане») и др. См.: *Yalçın S.* Bu dinciler o müslümanlara benzemiyor. İstanbul, 2009; *Kındıra Z.* Cemaatin Copları. İstanbul, 2010; *Demirağ Y.S.* İmamların Öcü. Türk Silahlı Kuvvetleri,nde Cemaat Yapılanması. 10. Basım. İstanbul, 2015; *Hablemitoğlu N.* Köstebek. İstanbul, 2016; *Alesger A.* Sessiz İşgal. Azerbaycan'da FETÖ Örgütlenmesi. İstanbul, 2016; *Çalışır K.T.* 15 Temmuz ve FETÖ: Bür Terrör Örgütünün Anatomisi. İstanbul, 2016.
- 2 *Özdemir S.* Hoca anne ve ailesi... S. 65.
- 3 Ibid. S. 66.
- 4 Ibid. S. 90.
- 5 Ibid. S. 97.
- 6 *Veren N.* Kuşatma... S. 17.
- 7 *Макарадзе Э.* Исламское движение современной Турции. Нурджизм: Докл. для конф. «Культурные традиции Египта и Востока: от древности к глобализации». Архив автора.
- 8 *Veren N.* Kuşatma... S. 15.
- 9 В следственных документах 1999 г. движение «Хизмет» проходит именно под этим названием. См.: *Kındıra Z.* Cemaatin copları. İstanbul, 2010.
- 10 FETÖ'nün "çatı iddianamesi" mahkemeye gönderildi (4) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.haberturk.com/yerel-haberler/haber/8916715-fetonun-cati-iddianamesi-mahkemeye-gonderildi-4> (дата обращения: 20.03.2017).
- 11 *Veren N.* Kuşatma... S. 17.
- 12 *Kındıra Z.* Cemaatin Copları... S. 44.
- 13 *Veren N.* FETÖ... S. 29.
- 14 *Veren N.* Kuşatma... S. 19.
- 15 *Макарадзе Э.* Принципы ислама в экономике современной Турции // Ближний Восток и Кавказ. Тбилиси, 2006. С. 105.
- 16 Возможно, предчувствие больших будущих потрясений заставило Гюлена оставить Турцию, избрав для нового места обитания США. Переезд был осуществлен в 1996 г. под предлогом выезда для лечения, но из своего имения в Пенсильвании Ф. Гюлен продолжал неустанно работать над сохранением и развитием организации.
- 17 Газета закрыта в марте 2016 г., большинство ее сотрудников арестовано.
- 18 Встреча в редакции газеты «Заман». Видеозапись от 03.05.2008. Архив автора.
- 19 FETÖ'nün "çatı iddianamesi" mahkemeye gönderildi (4)...

Д.А. Данилин

Перспективы «перезагрузки» американо-кубинских отношений в президентство Д. Трампа

Статья посвящена перспективам развития американо-кубинских отношений в президентство Д. Трампа. Автор предпринимает попытку спрогнозировать действия его администрации в отношении Кубы на основе заявлений, сделанных в период предвыборной кампании, анализируя такие факторы, как полномочия президента США, влияние общественно-го мнения и экспертно-аналитических центров.

Ключевые слова: внешняя политика США, Куба, экспертно-аналитические центры, президентские выборы в США.

Администрацией Б. Обамы были предприняты шаги, направленные на перезапуск отношений с режимом Ф. Кастро. Среди наиболее важных следует выделить восстановление дипломатических отношений (июль 2015 г.), а также визит Б. Обамы на Кубу (март 2016 г.). Эти меры позволяют говорить о том, что отношения США и Кубы перешли на новую стадию развития. Однако в ноябре 2016 г. на президентских выборах в США победил республиканец Д. Трамп, который в ходе своей президентской кампании неоднократно критиковал режим Ф. Кастро и заявлял о необходимости возвращения «старого курса». Какой будет его политика в отношении Кубы и сможет ли он «свернуть» то, чего удалось добиться Б. Обаме?

Потенциальная возможность свертывания процесса «перезагрузки», начатого Б. Обамой, существовала всегда, учитывая неоднородность настроений в Конгрессе США и среди населения по данному вопросу. Однако всерьез об этой возможности начали говорить во время предвыборной президентской кампании

в 2016 г. Наиболее радикальным в этом отношении кандидатом от Республиканской партии стал Д. Трамп. Одно из его ключевых выступлений, посвященное видению кубинской политики США, состоялось в Майами 16 сентября 2016 г.¹, когда он уже являлся официальным кандидатом на президентский пост. В частности, Трамп заявил, что политика «односторонних действий» США полностью провалилась, а политический режим Кастро только усилился. Если же говорить о значительных сдвигах в политике США в отношении Кубы, то они, по его мнению, были осуществлены Б. Обамой только благодаря имевшимся у него полномочиям президента США, на которые Конгресс не имел возможности повлиять. Данное выступление нашло самый теплый отклик в рядах кубиноамериканцев. О поддержке кандидату-республиканцу заявили конгрессмены США – члены кубинской диаспоры братья Линкольн Диас-Баларт (Lincoln Diaz-Balart) и Марио Диас-Баларт (Mario Diaz-Balart)².

В результате выборов 8 ноября 2016 г. Д. Трамп одержал победу над Х. Клинтон, получив 304 голоса выборщиков против 227, поданных за Клинтон. «Кубинская тема» вновь актуализировалась после смерти Ф. Кастро в конце ноября 2016 г. Тогда Трамп назвал кубинского лидера «диктатором», Кубу – «тоталитарным островом», а смерть Кастро – движением «к свободному будущему, которого заслуживают кубинцы»³. Проведя четкую линию между правящим режимом и населением Кубы, Трамп еще раз дал понять, что его политика не предполагает переговоров с «диктаторской верхушкой» Кубы. Напротив, США будут предпринимать совершенно иные меры⁴.

Каким образом в настоящий момент законодательно возможно реализовать те или иные шаги в отношении Кубы? В первую очередь отметим, что в соответствии с Конституцией США законопроекты администрации президента в обязательном порядке должны пройти через Конгресс и получить по 2/3 голосов в обеих палатах. На сегодняшний момент в Палате представителей республиканцы занимают 247 из 435 мест, а в Сенате – 54 из 100. Логично, что через парламент в случае рассмотрения также должен пройти вопрос об отмене экономического эмбарго против Кубы, которое существует с 1962 г.⁵ Ключевым является закон Хелмса–Бертон от 1996 г. (Helms–Burton Act), в котором говорится о том, что, пока члены семьи Кастро находятся у власти на Кубе, президент США не может вносить в Конгресс предложения об отмене эмбарго. Таким образом, становится очевидным, по какой причине Б. Обаме не удалось отменить эмбарго, несмотря на то что он неоднократно давал обе-

щения об этом в своих выступлениях. Во-первых, он не имел на это права, а во-вторых, не набрал бы и ½ голосов в Конгрессе.

Вместе с тем у президента США существуют определенные полномочия, которые позволяют ему действовать в обход решений Конгресса. Именно с помощью этих полномочий администрации Б. Обамы в период с 2009 по 2016 г. удалось добиться ряда шагов, не отменяющих, но значительно смягчающих блокаду Кубы⁶:

- в 2009 г. был снят запрет на посещение семей и денежные переводы членам семей на Кубе для кубинских иммигрантов, проживающих в США;
- в 2011 г. было разрешено посещение Кубы с целью образовательной, религиозной или журналистской деятельности. В каждом отдельном случае желающим следовало лично обращаться в Департамент казначейства для получения специального разрешения. Были сняты ограничения на денежные переводы не для членов семей. В том же году международным аэропортам США было разрешено предоставлять техническое обслуживание чартерным рейсам на Кубу и с Кубы;
- в 2012 г. был снят запрет на коммерческую деятельность туристических компаний США на Кубе;
- в 2015 г. туристические агентства получили право выдавать разрешения для путешествий на Кубу по расширенному списку, однако обычные туристические поездки до сих пор находятся под запретом, поскольку данный вопрос сначала должен быть рассмотрен в Конгрессе;
- летом 2016 г. целому ряду авиакомпаний были выданы лицензии на осуществление постоянных авиaperевозок между США и Кубой.

Таким образом, благодаря полномочиям Б. Обамы его кабинету удалось начать «перезагрузку» политики США в отношении Кубы. Как отметил президент Экономического и торгового совета США – Куба Дж. Кавулич (J. Kavulich), основными игроками в данном вопросе были Государственный департамент, департаменты казначейства, торговли, транспорта, юстиции⁷.

Каковы потенциальные шаги нового президента США после вступления в должность?

Первое возможное действие Трампа – восстановление ограничений, снятых с Кубы в период нахождения у власти Б. Обамы. Это не составит особого труда, учитывая наличие тех же президентских полномочий.

Следующий шаг – реализация предвыборных обещаний, связанных с миграционной политикой. Напомним, что в отношении

кубинцев с 1966 г. действует Закон о кубинском урегулировании (Cuban Adjustment Act), который реализуется в форме политики «сухих и мокрых ног» (wet foot dry foot policy). На практике она означает, что, если кубинский мигрант сумел достичь берега США, он получает право на убежище. Если же береговая охрана перехватывает его по пути, он будет депортирован на Кубу. Кроме того, данный закон подразумевает право кубинцев на получение вида на жительство в США спустя год непрерывного пребывания в стране.

Еще одна возможная мера – возвращение Кубы в список стран – пособников терроризма, из которого она была исключена в 2015 г. Безусловно, это может ударить по ее позициям в региональных структурах (например, в Организации американских государств) и повлиять на двусторонние отношения со странами – союзниками США.

Для прогноза действий администрации Трампа стоит также обратиться к публикациям экспертно-аналитических центров, имеющих связь с его предвыборным штабом. Как отметил политолог Дж. Макгэнн, президентская гонка открывает отличные возможности для активного участия «фабрик мысли» в политике. Хотя они могут и не поддерживать того или иного кандидата в ходе президентских кампаний, эксперты этих организаций активно привлекаются для работы в предвыборных штабах⁸.

Безусловно, прямую связь определить довольно сложно, учитывая ряд обстоятельств. Во-первых, успех «мозговых центров» связан с их независимой от правительства США и политических партий позицией. Во-вторых, согласно Д. Абельсону, вовлеченность центров в президентские кампании может быть опасна и тем, что в случае проигрыша кандидата организация рискует потерять свое финансирование и влияние⁹.

Одним из основных экспертно-аналитических центров, тесно связанных с предвыборным штабом Трампа, был Фонд «Наследие» (The Heritage Foundation), который традиционно занимается политическим консультированием кандидатов от Республиканской партии. О его роли говорит и тот факт, что многие сотрудники фонда в переходный период участвовали в формировании президентской администрации. Сравнительно недавно была создана переходная команда (transition team), задачей которой является обеспечение передачи полномочий от одной президентской администрации к другой, а также предоставление подробных рекомендаций новому кабинету. В состав команды вошли сразу несколько ведущих экспертов Фонда «Наследие»: его вице-президент Дж.Дж. Карафано (J.J. Carafano), бывший президент фонда Э. Фюльнер

(E. Feulner); генеральный прокурор США в период правления Р. Рейгана Э. Миз (E. Meese); бывший чиновник администрации Рейгана Б.Н. Данлоп (B.N. Dunlop); член совета директоров фонда Р. Мерсер (R. Mercer)¹⁰. Карьера этих экспертов является яркой иллюстрацией того, как функционирует «система вращающихся дверей», когда представители «фабрик мысли», сотрудничающие с предвыборным штабом кандидата, в случае его победы получают должности в администрации нового президента и активно консультируют его кабинет¹¹. Например, переходная команда Р. Рейгана также в значительной степени состояла из сотрудников Фонда «Наследие», и большинство их рекомендаций в дальнейшем были реализованы администрацией президента¹².

Важно обратить внимание и на состав так называемых «десантных групп» (landing teams), создаваемых для анализа и предоставления докладов федеральным агентствам исполнительной ветви власти (Federal Agencies), тесно сотрудничающих с представителями предыдущей президентской администрации и сопровождающих процесс передачи полномочий от одной администрации другой. На этот раз в «десантные группы» были включены 16 представителей Фонда «Наследие»¹³. В целом в переходной команде Трампа количество экспертов этого фонда в разы превышает число экспертов любого другого «мозгового центра»¹⁴. Характерно, что вице-президент фонда Дж. Уолнер (J. Wallner) в своем интервью не скрывал его вовлеченности в формирование президентской администрации¹⁵.

Учитывая это, логично предположить, что идеи и рекомендации экспертов центра, занимающихся проблемами внешней политики и взаимоотношениями с Кубой, будут реализованы администрацией Трампа.

Вот лишь некоторые из идей, которые прослеживаются в публикациях специалистов. Эксперт по Латинской Америке А. Кинтана (A. Quintana) отмечает, что политика Б. Обамы по трансформации Кубы не оправдала себя и в конечном итоге провалилась. Действия администрации привели к усилению «военной диктатуры». Приоритетами политики США в отношении Кубы, по мнению эксперта, должны быть:

- максимально жесткое давление на правящий режим;
- поддержка диссидентского движения;
- продолжение торгового эмбарго с целью ослабления экономического фундамента режима¹⁶.

Э. Фюльнер также полагает, что политика Б. Обамы в отношении Кубы «не принесла своих плодов» и закончилась крахом.

Из-за всплеска туристического интереса граждан США к Кубе ее ВВП увеличился на 4%, что способствовало усилению правящего режима. По заявлению эксперта, задача США – не идти на односторонние уступки, а наоборот – оказать силовое давление. Смягчение политики со стороны США возможно лишь при выполнении следующих условий: освобождение заключенных, осужденных по политическим и религиозным мотивам; предоставление свободы слова диссидентам; возвращение кубинских беженцев из США ну Кубу¹⁷.

М. Гонсалес (M. Gonzalez) обращает внимание на количество арестов по политическим мотивам, которое резко увеличилось с момента восстановления дипломатических отношений между США и Кубой (с 2074 в 2010 г. до 8616 в 2015 г.). Таким образом, политика, которую реализовывал Б. Обама совместно с советником по безопасности Б. Родсом, привела, по мнению эксперта, лишь к «концентрации власти в руках нового поколения Кастро». Речь идет о «новой коммунистической династии» по образцу Северной Кореи. Действия президента Трампа, считает Гонсалес, должны быть максимально жесткими и направленными конкретно против представителей семьи Кастро, так как рассчитывать на автоматическую смену режима после смерти обоих Кастро не приходится¹⁸.

Т.Р. Бромунд (T.R. Bromund) отмечает, что подход администрации Б. Обамы к Кубе продемонстрировал свою несостоятельность, а шаги, осуществлявшиеся им в течение президентского срока, не совпадали с идеями, содержащимися в его выступлениях¹⁹.

Таким образом, в случае если Трамп возьмет на вооружение рекомендации экспертов Фонда «Наследие», его «жесткая политика» на кубинском направлении будет связана со следующими трендами:

- переговоры с правящей кубинской верхушкой прервутся, а в отношении конкретных представителей семьи Кастро можно ожидать санкций;
- дипломатические отношения и работа представительств США на Кубе сохранятся, так как именно благодаря им у США имеется возможность тесного сотрудничества с диссидентским движением и оппозицией (по той же причине сохранится право определенных групп лиц осуществлять путешествия из США на Кубу);
- наряду с экономическим эмбарго, которое продолжит действовать, стоит ожидать введения ряда ограничений на ту деятельность американских компаний, которая ведет к росту кубинской экономики.

Несомненно, политика США в отношении Кубы будет выстраиваться с учетом ожиданий сторонников Трампа, особенно в лице кубинской диаспоры. По данным исследования, проведенного Международным университетом Флориды (Florida International University), в 1990 г. около 84% кубиноамериканцев выступали против отмены торгового эмбарго. К 2016 г. этот показатель упал до 37%²⁰. Об изменении настроений диаспоры свидетельствовали и опросы Pew Research Center, ABC News и др.²¹ Согласно тем же опросам, политика Б. Обамы в целом получила значительную общественную поддержку в США²².

Накануне президентских выборов политологи предсказывали успех Х. Клинтон в ряде южных штатов, основываясь на данных центров анализа общественного мнения. Согласно предвыборным опросам, проведенным “Bendixen & Amanti International” и “The Tarrance Group” в сентябре 2016 г., Клинтон поддерживали 53% кубиноамериканцев²³. Тогда же Трамп выступал в Майами с целью получить поддержку представителей этой диаспоры. В конечном итоге ему это удалось: во Флориде он сумел опередить Клинтон на 1%²⁴. Успех в этом штате дал кандидату от Республиканской партии значительный шанс победить на выборах, отметил накануне их проведения колумнист “Miami Herald” А. Оппенгеймер (Andrés Oppenheimer)²⁵.

Почему же при столь значительной популярности курса Обамы, который Клинтон должна была продолжить, Флорида предпочла Трампа? Ответ на этот вопрос, по мнению А. Оппенгеймера, кроется в том, что в опросах общественного мнения участвовали представители диаспоры, въехавшие в США недавно и еще не имеющие права на голосование. Старшее же поколение кубиноамериканцев, которое традиционно массово участвует в выборах, проголосовало против курса Клинтон. О решающей роли старшего поколения свидетельствует также недавнее назначение адвоката М. Клавера-Кароне (M. Claver-Carone) членом переходной команды, работающей с Департаментом казначейства США. М. Клавер-Кароне является членом лоббистской группировки “US–Cuba Democracy PAC”, действующей с 2003 г. Одна из ее основных целей – блокирование законопроектов, способствующих сохранению режима Кастро у власти²⁶. Стоит подчеркнуть, что в составе департамента находится Бюро по контролю за международными активами (Office of Foreign Assets Control), которое обладает полномочиями устанавливать экономические санкции²⁷.

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день очевидно изменение общественного мнения США по поводу эмбарго в отно-

шении Кубы. Однако, несмотря на данные опросов, результаты выборов свидетельствуют о том, что «жесткий курс» Трампа оказался популярнее политики Обамы. Высока вероятность того, что действия нового президента на кубинском направлении будут прямо противоположны политике «перезагрузки», причем ни Конгресс США, ни общественное мнение не смогут на них повлиять.

Примечания

- ¹ In Miami, Trump morphs back into a Cuba hardliner [Электронный ресурс] // Politico. 2016. Sept. 16. URL: <http://www.politico.com/story/2016/09/donald-trump-miami-cuba-hardliner-228314> (дата обращения: 15.12.2016).
- ² FL Congressman Mario Diaz-Balart commends Trump for hard-line stance on Cuba [Электронный ресурс] // Fox News. 2016. Sept. 19. URL: <http://www.foxnews.com/politics/2016/09/19/florida-diaz-balart-commends-trump-for-hardline-stance-on-cuba.html> (дата обращения: 15.12.2016).
- ³ Trump and Obama offer divergent responses to death of Fidel Castro [Электронный ресурс] // The Guardian. 2016. Nov. 26. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/26/fidel-castro-death-obama-trump-response> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁴ How Donald Trump responded to the death of Fidel Castro, ‘a brutal dictator’ [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2016. Nov. 26. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/26/here-is-donald-trumps-reaction-to-fidel-castros-death/> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁵ Cuba Sanctions [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/e/eb/tfs/spi/cuba/> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁶ Cuba: U.S. Restrictions on Travel and Remittances [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. 2016. Nov. 14. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL31139.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁷ How Trump could roll back Obama’s Cuba policies – and why he might not want to [Электронный ресурс] // Vox. 2016. Nov. 29. URL: <http://www.vox.com/world/2016/11/28/13763520/trump-obama-cuba-policy> (дата обращения: 15.12.2016).
- ⁸ *McGann J.* Think Tanks and Policy Advice in the United States. Routledge, 2007. P. 133–134.
- ⁹ *Abelson D.* Policy Experts in Presidential Campaigns: A Model of Think Tank Recruitment // *Presidential Studies Quarterly*. Vol. 27. № 4. Rules of the Game: How to Play the Presidency. N.J.: Wiley, 1992. P. 679–697.
- ¹⁰ Meet Donald Trump’s think tank [Электронный ресурс] // CNN Politics. 2016. Dec. 7. URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/06/politics/donald-trump-heritage-foundation-transition/> (дата обращения: 15.12.2016).

- 11 *Haas R.* Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy Maker's Perspective U.S. Foreign Policy Agenda. The Revolving Door [Электронный ресурс] // U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. Nov. URL: https://books.google.ru/books?id=C9sa-QdP3GYC&pg=PA39&dq=haass+think+tanks+and+us+foreign+policy+system+of+doors&hl=en&sa=X&ei=F5R_UerlGujL4AS89IHgAg#v=onepage&q=haass%20think%20tanks%20and%20us%20foreign%20policy%20system%20of%20doors&f=true (дата обращения: 12.01.2017).
- 12 Reagan and Heritage: A Unique Partnership [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. 2004. June 7. URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2004/06/reagan-and-heritage-a-unique-partnership> (дата обращения: 15.12.2016).
- 13 Agency Landing Teams [Электронный ресурс] // Great Again. 2017. Jan. 12. URL: <https://greatagain.gov/agency-landing-teams-54916f71f462#.ign6hwjkw> (дата обращения: 12.01.2017).
- 14 Presidential Transition Timeline. Federal Agencies [Электронный ресурс] // Center for Presidential Transition. URL: <http://presidentialtransition.org/timeline/agencies/index.php> (дата обращения: 15.12.2016).
- 15 Trump's Shadow Transition Team [Электронный ресурс] // Politico. 2017. Nov. 22. URL: <http://www.politico.com/story/2016/11/trump-transition-heritage-foundation-231722> (дата обращения: 12.01.2017).
- 16 Top Priorities for U.S. Policy toward Latin America and the Caribbean in 2016 [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. 2016. Jan. 29. URL: <http://www.heritage.org/americas/report/top-priorities-us-policy-toward-latin-america-and-the-caribbean-2016> (дата обращения: 15.12.2016).
- 17 Encouraging Real Change in Cuba [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. 2016. URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2016/3/encouraging-real-change-in-cuba> (дата обращения: 15.12.2016).
- 18 Fidel Castro's Death Is an Opportunity to End Cuba's Communist Dynasty [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. 2016. Nov. 26. URL: <http://dailysignal.com/2016/11/26/fidel-castros-death-is-an-opportunity-to-end-cubas-communist-dynasty/> (дата обращения: 15.12.2016).
- 19 Freedom Is in Retreat under Obama Presidency [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. 2016. March 26. URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2016/3/freedom-is-in-retreat-under-obama-presidency> (дата обращения: 15.12.2016).
- 20 2016 FIU Cuba Poll [Электронный ресурс] // Florida International University. 2016. URL: <https://cri.fiu.edu/research/cuba-poll/2016-cuba-poll.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
- 21 Poll: Support Increases for Lifting Cuba Embargo, Travel Restrictions [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2014. Dec. 23. URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2014/12/23/poll-support-increases-for-lifting-cuba-embargo-travel-restrictions/?utm_term=.143f0b81bae8 (дата обращения: 15.12.2016).

- ²² Growing Public Support for U.S. Ties with Cuba – And an End to the Trade Embargo [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2015. July 21. URL: <http://www.people-press.org/2015/07/21/growing-public-support-for-u-s-ties-with-cuba-and-an-end-to-the-trade-embargo/> (дата обращения: 15.12.2016).
- ²³ Florida Hispanics Prefer Clinton over Trump, but She Still Has Work to Do [Электронный ресурс] // Miami Herald. 2016. Sept. 13. URL: <http://www.miamiherald.com/news/politics-government/election/hillary-clinton/article101553237.html> (дата обращения: 20.12.2016).
- ²⁴ 2016 Florida Presidential Election Results [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2016. Dec. 13. URL: <http://www.politico.com/2016-election/results/map/president/florida/> (дата обращения: 20.12.2016).
- ²⁵ Trump Could Win Florida, Thanks to Cuban Americans [Электронный ресурс] // Miami Herald. 2016. Nov. 2. URL: <http://www.miamiherald.com/news/local/news-columns-blogs/andres-oppenheimer/article112080317.html> (дата обращения: 20.12.2016).
- ²⁶ Purpose of the US–Cuba Democracy PAC. [Электронный ресурс] // US Cuba Democracy PAC. URL: <http://www.uscubapac.com/purposeandagenda.html> (дата обращения: 15.12.2016).
- ²⁷ Office of Foreign Assets Control [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasury.gov/about/organizational-structure/offices/Pages/Office-of-Foreign-Assets-Control.aspx> (дата обращения: 20.12.2016).

А.Н. Комаров

Канада в системе глобального
международного сотрудничества
на рубеже XX–XXI вв.

Статья посвящена анализу международного сотрудничества Канады на рубеже XX–XXI вв. в контексте эволюции международных отношений в эпоху глобализации. Особое внимание уделяется поиску внешнеполитических ориентиров этой страны после Второй мировой войны, заключению Соглашения о свободной торговле с США и Североамериканского соглашения о свободной торговле с США и Мексикой.

Ключевые слова: Канада, международное сотрудничество, Канадско-американское соглашение о свободной торговле, НАФТА, США, Мексика, Б. Малруни.

Международные отношения новейшего времени всегда отличались многогранностью и противоречивостью. Они часто характеризовались образованием военно-политических союзов ведущих государств мира, стремящихся к его территориальному переделу исходя из своих геополитических интересов. Так, сущность международных отношений в годы Первой мировой войны определялась противостоянием Антанты и Тройственного союза, боровшихся за передел колоний, а в период Второй мировой войны – борьбой стран антигитлеровской коалиции с нацистской Германией, фашистской Италией, милитаристской Японией и их союзниками.

Холодная война, в основе которой лежал идеологический фактор, была вызвана противостоянием двух сверхдержав – США и СССР, вместе со своими партнерами по НАТО и Варшавскому договору активно формировавших биполярную систему международных отношений.

После завершения холодной войны, приблизительно с начала 90-х годов XX в., на международные отношения большое влияние стала оказывать глобализация и, прежде всего, интернационализация торгово-экономических связей. Ее наглядной иллюстрацией является североамериканская интеграция. Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА, *англ.* North American Free Trade Agreement, NAFTA), действующее с 1 января 1994 г., способствовало созданию единого континентального рынка. Важнейшим условием соглашения с самого начала являлась ликвидация таможенных барьеров и тарифов между тремя государствами.

* * *

Внешняя политика Канады всегда во многом определялась ее географическим положением, природными условиями и ресурсами, непосредственным соседством с США, многоэтническим составом населения и, прежде всего, наличием франко- и англоканадцев, оказывающих существенное воздействие на деятельность федерального правительства.

Немаловажную роль в формировании канадского внешнеполитического курса сыграли и следующие геополитические тенденции, влиявшие также в целом на расстановку сил на международной арене в XX в. Во-первых, только в 1931 г. Канада получила фактическую возможность проведения собственной внешней политики. Это было связано с формированием Британского содружества наций и принятием имперской конференцией 1931 г. Вестминстерского статута.

Во-вторых, победа во Второй мировой войне над фашистской Германией и ее сателлитами в составе стран антигитлеровской коалиции, с одной стороны, и формирование биполярной системы международных отношений, основанной на длительном противостоянии США и СССР, с другой, также оказывали непосредственное воздействие на динамику канадской внешней политики и ее приоритеты.

В-третьих, начало становления многополюсного мирового пространства, основанного на демократическом и поступательном взаимодействии государств, в свою очередь, способствовало пересмотру в Канаде некоторых ранее принятых внешнеполитических установок.

В-четвертых, как уже было подчеркнуто выше, географическое соседство с мировым лидером – США, а также серьезная зависимость Канады от американских рынков сбыта своей продукции всегда ставили вопрос о характере и глубине ее внешнеэкономиче-

ческого и военного сотрудничества с Соединенными Штатами, которое всегда оставалось приоритетным.

В-пятых, образование в 1867 г. Канады как самостоятельного государства мирным, поступательно эволюционным, а не революционным, стихийным и скачкообразным путем способствовало формированию аналогичной тенденции не только во внутренней, но и во внешней политике страны. Это особенно ярко проявилось во второй половине XX в. в ее активной миротворческой деятельности, стремлении избежать эскалации различного рода конфликтов и международной напряженности в целом.

Вследствие перечисленных особенностей в послевоенные десятилетия происходили интенсивный поиск ориентиров и выработка концептуальной составляющей канадской внешней политики. Политики, дипломаты, общественные деятели и журналисты в течение многих лет вели полемику о ее приоритетах: необходимости дальнейшего углубления канадо-американских отношений (континентализма) или поиска противовесов этому направлению за счет развития сотрудничества со странами Европы и Азии для сохранения государственного суверенитета Канады и недопущения ее фактического поглощения соседними США.

В 1984 г. после прихода к власти консервативного правительства Б. Малруни был взят курс на усиление канадо-американских внешнеторговых связей. Он формировался под непосредственным влиянием неоконсерватизма, который со второй половины 70-х годов XX в. стал играть решающую роль в общественно-политической жизни ряда государств Европы и Америки. Наиболее ярким проявлением этого процесса можно считать приход к власти Консервативной партии во главе с М. Тэтчер в Великобритании в 1979 г. и республиканца Р. Рейгана в США в 1980 г.

Причины популярности неоконсервативной идеологии заключались в том, что она способствовала решению ряда серьезных экономических и социальных проблем, с которыми Европа и Северная Америка столкнулись на рубеже 70–80-х годов XX в. Неоконсерваторы стремились совместить традиционные либеральные принципы свободной рыночной инициативы и конкуренции с такими важными и проверенными годами ценностями, как нравственность, порядок, семейные устои, преемственность поколений и т. д. В своей политике неоконсерваторы опирались на наиболее монолитную часть общества – средний класс, пытаясь с его помощью обеспечить переход к информационному обществу конца XX – начала XXI в.

В социально-экономической сфере это проявилось в частичном отказе от кейнсианства, т. е. государственного регулирования эко-

номики, в борьбе с профсоюзным движением, сокращении пособий по безработице. В то же время меры, предпринятые неоконсерваторами, привели к значительному оживлению экономической конъюнктуры и деловой активности.

Во внешнеполитической сфере на рубеже 70–80-х годов XX в. происходило сближение государств, особенно англосаксонского типа, в которых проводился неоконсервативный курс. Канада не стала исключением.

Переориентация внешней политики, осуществлявшаяся Б. Малруни, была связана с несколькими важными обстоятельствами.

Во-первых, свою роль сыграл фактор смены правящей партии. Одержав победу на всеобщих выборах 1984 г., консерваторы должны были продемонстрировать избирателям отличия своей внешней политики от прежнего курса либералов эпохи П. Трюдо, связанного с концепцией «третьей альтернативы», т. е. расширением торгово-экономических связей со странами ЕЭС и Японией в противовес тесным отношениям с США и Великобританией. Поэтому консерваторы подчеркнуто отходят от политики «третьей альтернативы» во внешней политике, а касаясь внутренних проблем, заявляют о необходимости скорейшего решения франкоканадского вопроса, чего не удалось сделать П. Трюдо.

Во-вторых, попытки правительства П. Трюдо найти замену такому важному стратегическому партнеру, как США, за счет усиления сотрудничества с Японией и Западной Европой не увенчались успехом. Канадским консерваторам было очевидно, что необходима либо новая внешнеполитическая стратегия, либо, по меньшей мере, существенная коррекция предшествующих установок.

В-третьих, нахождение у власти неоконсерваторов М. Тэтчер и Р. Рейгана в Великобритании и США само по себе придавало кабинету Б. Малруни дополнительный стимул для улучшения отношений с этими государствами и значительного расширения сотрудничества в самых разных областях.

Поэтому главной особенностью внешнеполитического курса правительства Б. Малруни стало стремление развивать его континенталистскую составляющую, связанную с развитием взаимодействия с США, прежде всего в экономической сфере.

Подписанию Канадско-американского соглашения о свободной торговле (ФТА, *англ.* Canada – United States Free Trade Agreement, CUSFTA) предшествовал ряд двусторонних встреч, проведенных в 1985–1987 гг. В ходе встречи Р. Рейгана и Б. Малруни была достигнута принципиальная договоренность о дальнейшем пере-

говорном процессе по вопросам свободной торговли между двумя странами, получившая свое воплощение в декларации о торговле. В сентябре 1985 г. был опубликован доклад Королевской комиссии имени Дж. Макдональда, которая была образована еще при П. Трюдо. Комиссия высказалась в пользу заключения соглашения о свободной торговле между двумя странами. В октябре 1985 г. Б. Малруни, выступая в канадском парламенте, заявил, что его правительство заключит с США соглашение о свободной торговле, которое существенно облегчит возможность выхода канадских товаров на американский рынок. Тогда же премьер-министр обратился к Р. Рейгану с письмом, в котором предложил на переговорах достичь максимально широкого соглашения, которое бы сняло все торговые барьеры, касавшиеся обмена товарами и услугами между двумя странами. Президент США ответил согласием, за которым последовали переговоры, начавшиеся в мае 1986 г. и завершившиеся осенью 1987 г. подписанием меморандума о намерениях.

В ходе подготовки ФТА Б. Малруни пришлось идти на серьезное политическое противоборство с либералами и новыми демократами во главе с Д. Тернером и Э. Бродбентом, которые не желали ратифицировать соглашение. Серьезная оппозиция в парламенте по этому вопросу вынудила Б. Малруни провести досрочные всеобщие выборы в ноябре 1988 г. Вопрос ратификации соглашения о свободной торговле стал ключевым для избирательных кампаний консерваторов, либералов и новых демократов¹. Оппоненты Б. Малруни утверждали, что это подорвет суверенитет Канады. В частности, в предвыборном телевизионном ролике Либеральной партии говорилось о том, что правительство Б. Малруни демонтирует границу между США и Канадой после ратификации соглашения². Однако консерваторы выиграли выборы, и новый парламент ратифицировал ФТА.

Следующей инициативой Б. Малруни явилось заключение НАФТА, всеобъемлющего соглашения между США, Канадой и Мексикой, после согласования с президентом Соединенных Штатов Дж. Бушем-старшим.

НАФТА предусматривало устранение таможенных тарифов на товары, произведенные в Канаде, США и Мексике, стимулировало движение товаров и услуг между ними, поддерживало условия для справедливой конкуренции, привлекало инвестиции в страны-участники, формировало основу для единого континентального рынка, создавало необходимые механизмы для разрешения споров. Объем взаимной торговли государств, подписавших соглашение, превышал 300 млрд долл.³ Как подчеркивала российский иссле-

дователь Е.Г. Комкова, «права и обязанности, которыми США и Канада обладали с 1989 г., были осовременены и улучшены, а само ФТА уступило место НАФТА. Соглашение НАФТА позволило Канаде сохранить гарантии, предоставленные ей по Автопакту 1965 г., квоты для поддержания национального канадского (регулируемого) птицеводства и молочного животноводства, изъять из сферы действия НАФТА культуру и подтвердить свободу действий государства в социальной области»⁴.

Итоги подписания соглашения были для Канады очень весо-
мыми.

Во-первых, это означало не только продолжение североамериканской интеграции, но и вывод ее на новый рубеж своего развития, что стало крайне выгодным для Канады с экономической точки зрения.

Во-вторых, НАФТА, как и ФТА, повысило конкурентоспособность канадских товаров.

В-третьих, партнерство с Мексикой в рамках НАФТА способствовало укреплению внешнеэкономического сотрудничества Канады со странами Латинской Америки.

Несмотря на глубокий раскол в канадском обществе, вызванный ФТА и НАФТА в период их обсуждения и принятия, они полностью доказали свою состоятельность. Примечательно, что сменившие консерваторов либеральные правительства Ж. Кретьена и П. Мартина, находившиеся у власти с 1993 по 2004 г., не только не аннулировали НАФТА, но и продолжили континентальную интеграцию. В 2006–2008 гг. при консервативном правительстве С. Харпера она вышла на принципиально новую стадию развития.

Все это доказывает, что в эпоху глобализации международное сотрудничество направлено на усиление экономической и политической интеграции. Именно вовлеченность в мировую экономику является залогом успешного развития современных государств.

Сегодня невозможно повторение ситуации Нового времени, когда одна держава возвышалась в экономическом плане над остальным миром, пытаясь осуществлять тотальный экономический диктат, подобно Французской колониальной империи времен Наполеона I, требовавшего безусловного присоединения к континентальной блокаде против Англии всех европейских государств, в том числе и России. Или ситуации второй половины XIX – начала XX в., когда Британская колониальная империя, считавшая себя «мастерской мира», экономически доминировала над другими государствами и только в самых крайних случаях вступала в между-

народные коалиции (например, в Крымскую войну 1853–1856 гг., объединившись с Францией и Османской империей против России, или в 1904–1907 гг., примкнув к союзу Франции и России для ограничения территориальных притязаний Германии). В настоящее время даже такой мировой лидер, как США, несмотря на свое стремление к гегемонии, является частью глобальной экономики, развивает интеграционные процессы со своими соседями Канадой и Мексикой и стремится к подписанию Трансатлантического соглашения с ЕС.

В свою очередь, Канада в результате долгих переговоров осенью 2013 г. заключила всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение с ЕС, которое предусматривает договоренности о ликвидации большинства таможенных барьеров в торговле продукцией передовых отраслей, в том числе авиационно-космической, транспортного машиностроения и т. д.⁵ Тем самым был реализован принцип многовекторности международного сотрудничества Канады, предлагавшийся еще либеральными кабинетами П. Трюдо в 60–70-е годы XX в., когда премьер-министр укреплял взаимодействие с Японией, встречался с руководством СССР в целях установления выгодных внешнеэкономических связей.

Таким образом, анализ канадской внешней политики позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, она эволюционировала в течение длительного времени с точки зрения ее концептуальной сущности. Если в период Англо-бурской войны 1899–1902 гг., Первой и Второй мировых войн Канада, и особенно англоязычная часть ее населения, поддерживала ценности Британской колониальной империи, то после Второй мировой войны внешнюю политику страны отличает многовекторность, о чем свидетельствует заключение ФТА и НАФТА для развития интеграции на североамериканском континенте и всеобъемлющего торгово-экономического соглашения с ЕС;

во-вторых, становление многовекторности канадской внешней политики происходило поэтапно. Если в 60–70-е годы XX в. либеральное правительство П. Трюдо стремилось активизировать отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, то в 1980-е годы основной особенностью курса консервативного правительства Б. Малруни стало стремление к развитию континентализма, направленного на углубление и расширение взаимодействия с США, прежде всего во внешнеэкономической сфере;

в-третьих, многовекторность внешней политики Канады способствует ее активному участию в глобальном международном сотрудничестве начала XXI в.

-
- ¹ Подробнее см.: *Данилов С.Ю.* Канада: мандат консерваторов продлен // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 2; *Он же.* История Канады. М.: Весь мир, 2006. С. 222–223; *Комкова Е.Г.* Этапы североамериканской интеграции // Канадский ежегодник: Тр. Росс. о-ва изучения Канады / Отв. ред. В.А. Коленеко. Вып. 10. М.: РОИК, 2006. С. 120–121; *Bliss M.* Right Honourable Men: The Descent of Canadian Politics from Macdonald to Mulroney. Toronto: Harper Collins, 1994. P. 295; *Morton D.A.* Short History of Canada. Toronto: McClelland & Stewart, 1994. P. 318–319; *Saywell J.* Canada: Pathways to the Present. Toronto: Stoddart Publishing Co. Ltd, 1996. P. 57–58.
- ² См.: *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian General Election of 1988. Ottawa: Carleton Univ. Press, 1989. P. 19; *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. С. 174.
- ³ См.: *Комкова Е.Г.* Указ. соч. С. 124.
- ⁴ Там же. С. 126–127.
- ⁵ См.: *Немова Л.А.* 2013 – трудный год для «правительства большинства» консерваторов // Канадский ежегодник: Тр. Росс. о-ва изучения Канады / Отв. ред. А.Н. Комаров. Вып. 17. М.: РОИК, 2013. С. 89.

А.И. Харитонов

Миграционная политика КНР как инструмент «мягкого» влияния в мире

Экономическая модернизация Китая совпала с процессом глобализации, информационной революцией и растущим потоком международной миграции, тем самым предоставляя новые возможности и создавая новые проблемы для авторитарного правительства КНР. Устаревшая миграционная система страны стала препятствием на пути к распространению «мягкого» влияния за рубеж. На этой волне руководство КНР приняло решение реформировать миграционную систему с целью привлечения в страну высококвалифицированных специалистов, противодействия нелегальной миграции и повышения эффективности своей «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», миграция, КНР, США, Коммунистическая партия Китая.

«Мягкая сила» представляет собой концептуальный подход к пониманию внешней политики государства, который был впервые озвучен американским политологом Джозефом Найем. Най полагал, что иммиграция является важным компонентом американской «мягкой силы»¹. Конструктивная миграционная политика, правовые рамки и административные структуры, позволяющие мигрантам чувствовать свободу и самореализовываться в принимающей стране, позволяют увеличивать сферы влияния «мягкой силы» государства и делать его все более привлекательным для людей по всему миру. Най заявлял, что правильная иммиграционная политика будет способствовать тому, что миллионы людей прибудут в США, интегрируются в американскую экономику, общество и политическое устройство, тем самым повысив привлекательность страны в глазах зарубежных граждан и увеличив сферу

влияния ее «мягкой силы». В статье «Иммиграция и американская власть» Най также отмечал, что «Америка – это магнит, и многие иностранцы могут представить себя гражданами нашей страны, так как она многонациональна»². Действительно, последовательная политика Вашингтона по поддержке академического и научного обмена между США и другими государствами усилила «мягкое» воздействие страны. Более того, Джозеф Най также утверждал, что недостаточно лишь заявлений о наличии «мягкой силы». Государства должны расширять свои возможности, принимая и успешно реализуя политические решения внутри страны, чтобы сделать ее более привлекательной³.

Преимущества американской миграционной политики в качестве орудия «мягкой силы» государства уже оказали влияние на представителей элиты КНР, чьи дети предпочитают получать образование и переезжать жить в США. Увеличение потока высококвалифицированных мигрантов из КНР и рост числа студентов по обмену, включающий в себя детей лидеров Китая⁴, стал примером использования миграционной политики в увеличении «мягкой силы» государства. К 2016 г. Америка лидирует по числу приема зарубежных студентов с показателем 1 044 000 человека в 2015/16 уч. г., который вырос на 7% по отношению к прошлому. На протяжении последних шести лет из КНР в США приезжает самое большое число учащихся. В 2015/16 уч. г. это число составило 31,5% от общего количества прибывающих студентов и превысило в два раза показатели прибывающих из второй по счету страны – Индии, с показателем 15,9%, и в пять раз из Кореи – 5,8%⁵. Граждане КНР, имеющие временные студенческие визы, получили 4983 из 54 070 докторских степеней, присвоенных американскими университетами в 2014 г., что вдвое больше, чем представители из Индии. Более 93% докторских степеней, присвоенных китайским гражданам, были в области науки и техники⁶. Примерно 93 % этих студентов после выпуска остаются в США. Не иммиграционные визы типа H1-B, предоставляемые соискателям, специализирующимся в научно-технической области, часто используются работодателями для трудоустройства иностранных граждан. В 2014 г. было выдано 26 393 виз типа H1-B сотрудникам китайского происхождения⁷. В 2013 г. 71 798 китайских граждан получили официальное разрешение на проживание в США, а 35 387 получили гражданство⁸.

В качестве ответа на успешную миграционную политику «мягкой силы» США китайское руководство прилагает усилия и создает конкурирующую программу по возвращению высокообра-

зованных китайских граждан на родину. В период с 1978 по 2007 г. более 1,21 млн китайцев уехали за рубеж получать образование и лишь четверть из них вернулась назад⁹. В 2013 г. миграционные статистические данные ООН показали, что из 231 522 215 мировых мигрантов 9 342 485 составили китайские граждане, проживающие за рубежом, а 848 511 – число иностранцев, проживающих в КНР больше года¹⁰, более чем в два раза превышающее показатель 1985 г. в 324 000 человек¹¹. Такой обширный процесс «утечки мозгов» подрывает усилия по модернизации китайских университетов, снижает потенциал технологических достижений, а также сказывается на уровне развития политической и экономической сфер государства. В работе “Exit, Voice, and the Fate of the German Democratic Republic: An Essay in Conceptual History” американский экономист Альберт Хиршман отметил: «...когда большое число граждан государства мигрирует, это подрывает преданность у тех, кто остается, и побуждает их озвучивать свои недовольства, в результате чего подрывается политическая стабильность режима»¹².

В 1960-х и 1970-х годах Мао представлял Китай в окружении «ревизионистских» (СССР) и «империалистических» (США) врагов и выступал против миграции и эмиграции. В период Anti-Rightist Campaign в 1957 г. и Культурной революции с 1966 по 1976 г., когда Китай погрузился в экономическую и политическую изоляцию, под угрозой находилось все население КНР, в особенности граждане с зарубежными связями¹³. Лица с международными контактами представлялись в качестве классовых врагов и агентов империализма, а вернувшиеся в тот период в страну подвергались преследованию.

По мере того как китайское правительство отказалось от идеологизированной политики под руководством Дэн Сяопина, было положено начало положительного отношения к согражданам, проживающим за границей, или «зарубежным талантам». Коммунистическая партия Китая (далее КПК) осознала, что китайские иммигранты могут предоставить прекрасные возможности для развития международных отношений КНР и ее экономического роста¹⁴. К 1993 г. поток иностранных инвестиций в Китай из Тайваня и Гонконга в три раза превысил суммы инвестиций всех остальных стран-инвесторов¹⁵. Существуют мнения о том, что большую часть этих инвестиций могли предоставить этнические китайцы из Юго-Восточной Азии, Японии, Америки и Австралии¹⁶. Как утверждает профессор Пекинского технологического университета Лиу Гофу, администрация Дэн Сяопина «разработала новую миграционную стратегию с четко определенным правом приезжать в страну и покидать ее», в целях

увеличения экономического роста и улучшения государственного имиджа в сфере защиты прав человека¹⁷. В начале 1980-х годов китайское руководство начало процесс реформирования миграционного законодательства и ослабления ограничений на въезд для одаренных иностранцев, в особенности для «одаренных иностранных граждан китайского происхождения»¹⁸. К примеру, 26 сентября 1983 г. Госсовет КНР обнародовал *Временный закон о въезде одаренных иностранных граждан*. Государственный совет Китая в 1984 г. обнародовал ряд законодательных актов, чтобы ослабить ограничения на выезд и въезд китайских граждан и иностранцев. Эти статуты заложили основу для комплексной реформы иммиграционного законодательства Китая. Наконец, в ноябре 1985 г. КПК приняла закон КНР о Контроле по въезду и выезду иностранных граждан. Он вступил в силу 1 февраля 1986 г.

С середины 1990-х годов китайское правительство запустило по крайней мере 12 подобных программ по привлечению высокообразованных китайских граждан на родину. Среди них программа «1000 талантов», обнародованная в 2008 г. и предоставляющая дополнительную помощь возвращающимся. Тем не менее данный проект не смог способствовать возвращению китайских граждан, в особенности для продолжительного периода пребывания в стране¹⁹. Китайский политолог Цун Цао объяснил, что существует несколько факторов, снижающих успешность подобного проекта. Среди них – отсутствие социальных и политических связей в китайских слоях общества (关系 guanxi, гуаньси), различные стандарты качества исследований и нерадушный прием со стороны директоров институтов и руководителей подразделений, опасющихся конкуренции со стороны возвращающихся²⁰. Более того, те, кто планируют вернуться, также опасаются возникновения новых проблем, таких как получение официального разрешения на работу в Китае, поиск рабочего места для супруга и учебного заведения, предоставляющего образование на двух языках для детей. В связи с этим высококвалифицированные китайские специалисты если и возвращаются, то не на постоянной основе, оставляя свою семью за рубежом. В свою очередь, другие выбирают не сталкиваться с подобными сложностями и предпочитают не возвращаться.

Таким образом, по причине отсутствия координации между указами КПК и государственными органами единый законодательный процесс по вопросам въезда и выезда не был осуществлен. Многочисленные указы, директивы и официальные документы никогда не были узаконены в единой нормативно-правовой базе. По мнению Лиу, такая малоэффективная модель может быть связана

с влиянием плановой экономики, в которой отдельные государственные органы отвечают за управление различными секциями национальной экономики и социального развития²¹. Вот почему реформы в 1980-х и 1990-х годов не смогли решить фундаментальных проблем миграционной сферы. Структурные недостатки иммиграционных законов страны особенно препятствовали развитию эффективной эмиграционной системы даже после вступления Китая в ВТО в 2001 г., когда государство уже было открыто миру. По мнению Лиу, иммиграционные реформы тех лет были слишком поверхностными, чтобы добиться соответствия системы международным стандартам, что требовало последующих правовых реформ и улучшения миграционного законодательства²². В данной ситуации политические лидеры страны с 2001 г. способствовали участию Китая в международном сотрудничестве по миграционным вопросам. Так, с июня 2001 г. Китай занимает место наблюдателя в Международной организации по миграции. В качестве члена Международной организации труда, Всемирной туристической организации, ВТО и ООН Китай все более активно участвует в их программах в области иммиграции.

В 2004 г. китайское правительство начало рассматривать проект миграционного закона с целью содействия возвращению квалифицированных китайских граждан и их потомков, а также позволяющего китайскому правительству эффективнее регулировать въезд и пребывание других квалифицированных иммигрантов, которые не являются этническими китайцами. К декабрю 2004 г. была создана рабочая группа по созданию проекта закона. В октябре 2007 г. Бюро по Законодательным вопросам Государственного совета направило проект закона провинциальным властям и центральным государственным органам для замечаний и предложений. Новый закон об иммиграции – Административный закон по въезду и выезду КНР (EEAL)²³ – был принят ВСНП 30 июня 2012 г. и вступил в силу 1 июля 2013 г.

После принятия нового нормативного акта китайское правительство сосредоточило силы на разработке новых административных правил в соответствии с ним. 3 мая 2013 г. Законодательное управление Государственного совета опубликовало *Положение КНР по администрированию въезда и выезда иностранцев* на собственном веб-сайте для того, чтобы узнать общественное мнение по пунктам документа²⁴. Положения проекта были существенно пересмотрены в соответствии с замечаниями общественности. 22 июля 2013 г. Государственный совет Китая обнародовал новые *Правила по администрированию въезда и выезда иностранцев*, которые

вступили в силу 1 сентября 2013 г. Кодекс охватил вопросы въезда, выезда, иностранных виз, регуляций временного пребывания и постоянного проживания, а также установил соответствующие штрафы и процедуру депортации. Эти усилия по реформированию иммиграционных законов Китая можно рассматривать в качестве углубленной и расширенной программы реформирования страны новым поколением коммунистических лидеров.

Новые иммиграционные законы и нормативные акты представляют собой важный шаг вперед на пути управления иммиграционными потоками страны. Однако Китаю потребуется время, прежде чем появится набор всеобъемлющих законов об иммиграции, которые будут эффективно выполнять регулирующие функции. Например, необходимо дальнейшее уточнение гражданских прав, экономических возможностей и социальных льгот, предоставляемых постоянным владельцам вида на жительство. Во время своей встречи с зарубежными экспертами в Пекине 30 сентября 2015 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян пояснил, что китайское правительство должно активно совершенствовать такие сферы, как сохранение прав и законных интересов иностранцев, равнозначное отношение к китайским и иностранным специалистам и предоставление условий для развития их самостоятельной инновационной инициативы²⁵.

Кроме того, новые иммиграционные законы Китая и нормативные акты призваны облегчить въезд и выезд мигрантов, а также создать более комфортные условия для их пребывания в Китае. Тем не менее сами по себе эти изменения вряд ли позволят запустить процесс социальной и политической интеграции иностранцев и этнических китайцев, которые родились за границей или проживали за рубежом в течение многих десятилетий.

Наконец, иммиграционная реформа является лишь частью комплексной политической и социальной реформы. Без проведения необходимых политических реформ решение сложных экономических и социальных конфликтов, возникающих из-за увеличения иммиграционных потоков, вряд ли возможно. Только реальная политическая реформа может стать ответом на обостряющиеся экономические и социальные вызовы. Кроме того, без политического плюрализма и верховенства закона новые меры по «наступательному очарованию» Китая в аспекте привлечения иностранных талантов в конечном счете покажут ограниченные возможности «мягкой силы» страны. Китайскому правительству предстоит долгий процесс по осуществлению успешного управления миграцией и повышению эффективности в условиях глобальной конкуренции за талантливых и высококвалифицированных специалистов.

- ¹ *Nye J.S.* Immigration and American Power [Электронный ресурс] // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/obama-needs-immigration-reform-to-maintain-america-s-strength-by-joseph-s--nye?barrier=true> (дата обращения: 28.01.2017).
- ² Ibid.
- ³ *Nye J.S.* Soft Power: The means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. 55–57.
- ⁴ Children of the Revolution [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424053111904491704576572552793150470> (дата обращения: 28.01.2017).
- ⁵ Open Doors Report 2016 [Электронный ресурс] // Institute of International Education. URL: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Data/International-Students/Leading-Places-of-Origin> (дата обращения: 28.01.2017).
- ⁶ Doctorate Recipients from U.S. Universities: 2014 Data Tables [Электронный ресурс] // National Science Foundation. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsf16300/digest/nsf16300.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).
- ⁷ Characteristics of H1B Specialty Occupation Workers, Fiscal Year 2014 Annual Report to Congress October 1, 2013 – September 30, 2014 [Электронный ресурс] // U.S. Citizenship and Immigration Services, Department of Homeland Security. URL: <https://www.uscis.gov/sites/default/files/USCIS/Resources/Reports%20and%20Studies/H-1B/h-1B-characteristics-report-14.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).
- ⁸ 2013 Yearbook of Immigration Statistics, tables 3 and 21 [Электронный ресурс] // Office of Immigration Statistics, U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ois_yb_2013_0.pdf (дата обращения: 28.01.2017).
- ⁹ *Caو C.* China's Brain Drain and Brain Gain: Why Government Policies Have Failed to Attract First-Rate Talent to Return? // Asian Population Studies. 2008. № 4. P. 331–345.
- ¹⁰ Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin [Электронный ресурс] // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2013.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹¹ World Population Policies 2009 [Электронный ресурс] // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2009/Publication_complete.pdf (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹² *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and the Fate of the German Democratic Republic: An Essay in Conceptual History // World Politics. 1993. № 45. P. 173–202.

- ¹³ *Brady A.M.* Making the Foreign Serve China: Managing Foreigners in the People's Republic. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. P. 143–176.
- ¹⁴ *Chang C.Y.* Overseas Chinese in China's Policy // *The China Quarterly*. 1980. № 82. P. 281–303.
- ¹⁵ *Weidenbaum M., Hughes S.* The Bamboo Network: How Expatriate Chinese Entrepreneurs are Creating a New Economic Superpower in Asia. N.Y.: The Free Press, 1996.
- ¹⁶ *Shambaugh D.* Greater China: The Next Superpower? Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. P. 278.
- ¹⁷ *Liu G.* The Right to Leave and Return and Chinese Migration Law. Leiden [The Netherlands]: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. P. 129.
- ¹⁸ *Liu G.* Chinese Immigration Law. Farnham [UK]: Ashgate, 2011. P. 9.
- ¹⁹ *Zweig D., Wang H.* Can China Bring Back the Best? The Communist Party Organizes China Search for Talent // *The China Quarterly*. 2013. № 215. P. 590–615.
- ²⁰ *Cao C.* Op. cit. P. 331–345.
- ²¹ *Liu G.* Chinese Immigration Law. P. 144.
- ²² *Liu G.* Changing Chinese Immigration Law: From Restriction to Relaxation // *International Migration and Integration*. 2009. P. 311–333.
- ²³ EEAL [Электронный ресурс] // International Labor Organization. URL: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=92908&p_country=CHN&p_count=1160 (дата обращения: 28.01.2017).
- ²⁴ 国务院法制办公室关于“中华人民共和国外国人入境出境管理条例（征求意见稿）”公开征求意见的通知。[Электронный ресурс] // 国务院法制办公室。URL: <http://www.chinalaw.gov.cn/article/cazjgg/201305/20130500386562.shtml> (дата обращения: 28.01.2017).
- ²⁵ Chinese premier calls foreign talent to China [Электронный ресурс] // Xinhuanet. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-09/30/c_134676156.htm (дата обращения: 28.01.2017).

Некоторые вопросы совершенствования регулирования внешнеэкономической деятельности в России

Статья посвящена вопросам совершенствования институциональной структуры регулирования внешнеэкономической деятельности в России, в первую очередь ее национальной составляющей. Обосновывается необходимость обеспечения взаимной согласованности всех элементов системы и ориентации на конечные результаты. Рассмотрены принятые в последнее время нормативные правовые акты, концептуальные и программные документы; проведен анализ их реализации в отдельных видах ВЭД.

Ключевые слова: регулирование внешнеэкономической деятельности, государственная программа, приоритетный проект.

В соответствии с законодательством РФ под внешнеэкономической деятельностью (ВЭД) понимается внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них)¹.

ВЭД – весьма сложное и многоаспектное явление, включающее в себя различные формы и направления международного обмена коммерческих, некоммерческих, государственных организаций и компаний различных регионов, отраслей и секторов экономики.

Регулирование ВЭД значительно отличается для разных ее направлений, видов и участников. На современном этапе оно осуществляется в России в первую очередь государством, с участием общественных и бизнес-структур, а также «с учетом передачи растущего объема полномочий на уровень Евразийского экономического союза»².

Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности представляет собой правовые, административные и экономические (в том числе налоговые, финансовые) и другие меры, направленные на создание для субъектов ВЭД благоприятных условий, обеспечивающих максимально возможную реализацию внешнеэкономической политики.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (далее – Концепция-2020) содержится следующее определение: «Целью внешнеэкономической политики в долгосрочной перспективе является создание условий для достижения лидирующих позиций России в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда и повышения глобальной конкурентоспособности ее национального хозяйства»³.

Среди сформулированных в Концепции-2020 основных принципов российской внешнеэкономической политики выделим следующие: ее обусловленность целевыми ориентирами и приоритетными направлениями внутренней экономической политики; активное обеспечение реализации национальных интересов во внешнеэкономической сфере, включая поддержку экспорта и прямых инвестиций российских компаний за рубежом, защиту интересов российского бизнеса в случае дискриминации или нарушения его прав; расширение участия предпринимательского сообщества в выработке и реализации внешнеэкономической политики⁴.

Для осуществления этой политики создана и постоянно совершенствуется система регулирования ВЭД. Ее институциональную структуру мы рассматриваем как совокупность государственных, негосударственных, международных институтов и принимаемых ими актов, регулирующих деятельность непосредственных субъектов ВЭД. Исходя из этого определения, данная структура состоит из двух частей: национальной (внутригосударственной) и внешней, международной, которая функционирует с использованием экономической дипломатии в широком смысле⁵.

Во второй части институциональной структуры регулирования ВЭД государственные институты, включая российские представительства в странах и международных экономических организациях, во взаимодействии с отечественными общественными и бизнес-структурами обеспечивают национальные интересы путем международных согласований и заключения договоров с иностранными партнерами. Нормы международных договоров имплементируются, в соответствии с российским законодательством, в национальное право и становятся обязательными для исполнения всеми

хозяйствующими субъектами, участвующими в ВЭД, определяют «внешнюю среду» для коммерческих контрактов с иностранными партнерами.

В настоящей статье основное внимание уделено первой составляющей системы регулирования ВЭД – национальной, прежде всего последним изменениям в нормативных правовых актах, концептуальных и программных документах, а также некоторым организационным формам поддержки ВЭД компаний.

Система регулирования ВЭД во многом влияет на динамику, объемы, структуру и географические направления внешнеэкономических связей страны.

Функции высших органов власти в сфере внешнеэкономической политики и регулирования внешнеэкономической деятельности определяются Конституцией России. Полномочия правительства конкретизированы в соответствующем законе. Основными органами исполнительной власти, регулирующими ВЭД на федеральном уровне, являются Министерство экономического развития, Министерство иностранных дел, Министерство промышленности и торговли и ряд других.

Главным законодательным актом, определяющим нормы регулирования ВЭД в России, является Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Среди важнейших принципов государственного регулирования ВЭД названы: единство системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности; единство применения методов государственного регулирования внешнеторговой деятельности на всей территории страны⁶.

Одним из обязательных условий эффективного функционирования системы регулирования ВЭД является взаимная согласованность всех ее звеньев, в том числе нормативных правовых актов и программных документов. Кроме того, необходимо доводить до конечного результата как можно большее количество проектов в сфере ВЭД. Узковедомственный подход, ориентированный на выполнение только отдельных этапов реализации целей, недопустим.

Основные положения внешнеэкономической политики страны сформулированы в документах общегосударственного уровня, в первую очередь в Концепции внешней политики РФ, которая периодически обновляется.

Особое значение для рассматриваемой сферы представляет раздел «Международное экономическое и экологическое сотрудничество» новой Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г.

Концепция-2020 содержит разделы, посвященные развитию мировой экономики, внешнеэкономических связей страны, регулированию ВЭД.

Для воплощения в жизнь внешнеэкономической политики, определения задач отдельных звеньев регулирования ВЭД требуется ее поэтапная конкретизация в документах более низкого иерархического уровня, учитывающих особенности каждой отрасли и направления ВЭД, конкретных видов субъектов международного обмена.

Наряду с отдельными разделами о ВЭД в общенациональных долгосрочных документах за последние годы было разработано несколько долгосрочных программных документов разного уровня, специально посвященных внешнеэкономической деятельности. Так, в ноябре 2008 г. Правительство РФ одобрило Внешнеэкономическую стратегию страны до 2020 г., подготовленную Минэкономразвития. В Стратегии были зафиксированы отраслевые и географические приоритеты внешнеэкономической политики России в увязке с долгосрочными целями внутренней политики страны⁷.

Программно-целевыми инструментами управления экономикой являются государственные программы Российской Федерации (далее – ГП) и федеральные целевые программы (далее – ФЦП). Так, ГП РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности» (далее – Госпрограмма) была утверждена Правительством в апреле 2014 г. Ее цель сформулирована следующим образом: «усиление позиций Российской Федерации в глобальной экономике, улучшение качественных параметров внешнеэкономической деятельности, повышение вклада внешнеэкономической сферы в решение задач модернизации национального хозяйства»⁸.

Среди задач Госпрограммы – совершенствование системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в РФ и в рамках Таможенного союза (ТС) для эффективной защиты экономических интересов Российской Федерации и других государств ТС в процессе дальнейшей интеграции в систему мирового хозяйства.

Документ состоит из шести подпрограмм, включая «Создание национальной системы поддержки развития ВЭД», «Совершенствование системы государственного регулирования ВЭД», «Совершенствование таможенной деятельности».

В Госпрограмме определены следующие целевые индикаторы и показатели: темпы роста экспорта несырьевых товаров; доля машин, оборудования и транспортных средств в экспорте товаров;

темпы роста числа организаций – экспортеров товаров; позиция России в рейтинге Всемирного банка “Doing Business” по показателю «Международная торговля»; динамика пропускной способности пунктов пропуска через государственную границу РФ.

Для создания благоприятного предпринимательского климата Минэкономразвития в качестве ответственного исполнителя разработало ГП «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁹.

Наряду с усилиями государственных структур, в качестве примера полезной деятельности некоммерческих организаций по совершенствованию регулирования ВЭД можно отметить разработанную Агентством стратегических инициатив Национальную предпринимательскую инициативу «Улучшение инвестиционного климата в РФ» (далее – НПИ), которая содержит проекты, направленные на снижение административных барьеров в экономике и улучшение инвестиционного климата в России. Рабочие группы НПИ создали более двух десятков «дорожных карт», планов мероприятий по упрощению, удешевлению и ускорению действующих на территории РФ процедур ведения бизнеса¹⁰.

Реализация вышеуказанной ГП и предпринимательской инициативы в определенной мере способствовала улучшению инвестиционного климата в России, что нашло отражение в быстром повышении места страны в рейтинге Doing Business: с 124-го в 2011 г. до 40-го (из 189 стран) в 2017 г.¹¹

Вместе с тем условия для ведения бизнеса в сфере внешней торговли в РФ пока значительно хуже, чем в других промышленно развитых странах. В отчете “Doing Business Report 2017” по разделу «Международная торговля» Россия заняла только 140-е место, хотя по остальным девяти разделам имеет рейтинг от 9 до 53. Внутри раздела «Международная торговля» по большей части показателей РФ занимает места с 43-го по 96-е, а по таким касающимся импорта показателям, как затраты времени на оформление документов и прохождение таможенных процедур и контроля, стоимость пограничного и таможенного контроля, отстает от стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 10 раз¹².

Для повышения стимулирования участия малых и средних предприятий в ВЭД предпринимаются различные меры. Так, в конце 2016 г. президиумом Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвержден паспорт приоритетного проекта «Системные меры развития международной кооперации и экспорта», рассчитанного на девять лет

(до декабря 2025 г.). Его ключевая цель – создание для среднего бизнеса удобных инструментов финансовой и нефинансовой поддержки несырьевого экспорта и более благоприятной для экспортеров регуляторной среды¹³. Предусматривается, что компании-экспортеры получат поддержку от АО «Росэксимбанк», субсидирование по линии АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ); появится новая программа кредитования коммерческими банками несырьевого экспорта с фокусом на приоритетных отраслях. Ожидается, что к 2025 г. РЭЦ окажет поддержку не менее 12 тыс. компаний-экспортеров.

Паспортом приоритетного проекта предусмотрено снижение издержек экспортеров за счет снятия административных и инфраструктурных барьеров. Так, количество документов, требуемых для пропуска нерисковых товаров, к 2018 г. должно сократиться с 9 до 3 часов, а время прохождения таможенных процедур для таких товаров в портах – с 96 часов в 2016 г. до 3 часов в 2018 г. и до 30 минут к 2025 г. Это позволит существенно сократить издержки экспортеров и сделает российские товары более конкурентоспособными¹⁴. Отметим, что конкретных показателей сокращения затрат на таможенное и пограничное оформление не установлено.

Значение второй, международной, составляющей системы регулирования ВЭД состоит в следующем. Динамика и объем ВЭД во многом зависят от состояния сотрудничества с теми или иными странами, которое формируется в процессе переговоров, закрепляется в межгосударственных и межведомственных соглашениях. На этой основе, в заданных на государственном уровне условиях заключаются коммерческие контракты, развиваются торговые, инвестиционные, финансовые и прочие виды внешнеэкономической деятельности.

Решающее значение имеют контакты на высшем государственном уровне, которые становятся необходимым и обязательным способом существенной корректировки внешнеэкономической политики в сложные периоды развития мирового хозяйства либо в моменты решения глобальных проблем внешнеэкономических связей, которые невозможно урегулировать на более низком уровне (например, «поворот на Восток», строительство газопровода «Северный поток», согласование с основными нефтедобывающими странами объемов добычи нефти и др.)

Неблагоприятная конъюнктура привела в последние годы к сокращению стоимостных объемов нашей внешней торговли, хотя физические объемы экспорта важнейших товаров практически не изменились, а некоторых даже увеличились. При этом анализ

свежих данных показывает изменение вектора внешних экономических связей России. По итогам 11 месяцев 2016 г., доля стран – участников Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во внешнеторговом обороте России выросла с 28 до 30%, а доля стран ЕС снизилась с 45,5 до 43%¹⁵.

Следует учесть, что в ближайшие годы должна начаться отдача от крупнейших инвестиционных проектов российских компаний с Китаем.

Другой важный вопрос – участие российских представителей в деятельности Всемирной торговой организации (ВТО) и прежде всего в разработке многосторонних правил международной торговли. Например, принятое по итогам Министерской конференции ВТО в декабре 2015 г. решение по экспортной конкуренции предоставляет реальные преимущества российским производителям сельскохозяйственной продукции (в особенности молочной продукции, некоторых видов мяса и зерна). Ратифицированное РФ в 2016 г. Соглашение об упрощении процедур торговли после его вступления в силу существенно снизит издержки российских экспортеров на внешних рынках. Это даст возможность нашим компаниям значительно улучшить показатели своей ВЭД¹⁶.

Предпосылкой, а нередко и составной частью или вспомогательным материалом для долгосрочных программ являются прогнозы и оценки перспектив развития мировой экономики и участия в ней России. Однако быстрое изменение экономической и политической обстановки в мире приводит к утрате актуальности многих программных документов и прогнозов еще до их опубликования либо вскоре после него. Так, в долго и широко обсуждавшейся Концепции-2020, утвержденной в ноябре 2008 г., не были учтены громадные изменения в мировой экономике, вызванные финансовым кризисом, начавшимся в США летом 2007 г.¹⁷

Вероятно, мировое хозяйство снова стоит на пороге серьезных перемен. Сложившиеся несколько лет назад тенденции сменяются новыми. Достаточно вспомнить стремительное развитие новых технологий добычи углеводородов, оказывающих огромное воздействие на мировой энергетический рынок; неустойчивое соотношение сил между транснациональными компаниями и государствами; новые аспекты взаимодействия процессов глобализации, регионализации и создания трансконтинентальных альянсов; едва наметившийся в ряде крупнейших стран акцент на приоритет вопросов внутреннего социально-экономического развития по сравнению с неограниченной интернационализацией производства.

Новые тенденции необходимо своевременно отслеживать для адекватного изменения механизма реализации внешнеэкономической политики и, соответственно, системы регулирования ВЭД. Для этого требуется постоянно совершенствовать существующие системы ее прогнозирования и программирования. Одним из основных требований является динамичность системы, которая позволит ликвидировать отставание оценок от стремительно меняющейся практики мирохозяйственных связей. С учетом этого имеет смысл рассмотреть вопрос о скользящем прогнозе и, соответственно, изменении сроков подготовки долгосрочных стратегических документов. Иными словами, такие документы должны регулярно обновляться, например каждые один, два или три года. Один из возможных вариантов реализации предложения – это формирование на основе предыдущего опыта «стандартной» методики подготовки подобных документов. Данная методика должна охватывать все этапы создания программного документа, содержание каждого раздела, необходимые показатели и индексы, сроки, исполнителей и другие элементы. Наполнение уже готовой «стандартной» методики актуальной информацией может происходить достаточно быстро в условиях отлаженной автоматизированной системы обмена информацией и статистики. Сама методика, так же как и информационно-техническое обеспечение, естественно, может регулярно усовершенствоваться, обеспечивая при этом преемственность и сопоставимость основных индексов и других показателей за разные периоды.

Наличие хорошо отработанного методического и программного обеспечения и технической базы, которые уже много лет используются при ежегодных объемных расчетах прогнозов и проектов федерального бюджета, позволяет предположить, что на их основе можно создать методики и программы для более оперативной подготовки стратегических документов в области ВЭД.

Примечания

- ¹ Федеральный закон «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ (с посл. изменениями) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_23850/ (дата обращения: 01.02.2017).
- ² Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс] // Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/reg/plans/enhance_ved/state_program/ (дата обращения: 01.02.2017).

- ³ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/194365/> (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁴ См., например: *Иванов И.Д.* Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. М., 2001. С. 4.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: http://base.garant.ru/12133486/1/#block_100 (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁷ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁸ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 330 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие внешне-экономической деятельности”». Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544016/> (дата обращения: 01.02.2017).
- ⁹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70644224/> (дата обращения: 01.02.2017).
- ¹⁰ Система работ по улучшению инвестиционного климата в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/investclimate/> (дата обращения: 01.02.2017).
- ¹¹ Благоприятность условий ведения бизнеса: Российская Федерация [Электронный ресурс] // Всемирный банк: Doing Business. URL: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia#trading-across-borders> (дата обращения: 01.02.2017).
- ¹² Там же.
- ¹³ Утвержден паспорт приоритетного проекта «Системные меры развития международной кооперации и экспорта» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. 2016. 09 дек. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSvod/2016091202> (дата обращения: 01.02.2017).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ О состоянии внешней торговли в январе–ноябре 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/14.htm (дата обращения: 01.02.2017).

- ¹⁶ Максим Медведков: Многие проблемы мы снимаем без обращения в суд ВТО [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Департамент торговых переговоров. 2016. 18 авг. URL: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depTorg/20160818> (дата обращения: 01.02.2017).
- ¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/194365/> (дата обращения: 01.02.2017).

Gazprom as an Energy Weapon. Perception of Threats to Energy Security of the EU

The article is written within the constructivist approach and focuses on the perception of Gazprom in Western academic and expert community as a source of threats to the EU's energy security. The review of works by European and American researchers, published from 2009 to 2015, shows that the list of perceived threats is significantly wider than the one usually mentioned by Russian authors. As a result a gap arises between the concerns that are expressed by Western academic and expert community, and the explanatory model that is suggested in Russian works. Described differences require, firstly, greater attention to carrying out explanatory work on the corporate level and, secondly, resolution of the dilemma of using state-owned companies as a policy tool on the state level.

Key words: energy security, energy weapon, Gazprom, constructivism, perception, academic and expert community.

It is well known that energy trade between Russia and the EU plays a crucial role for both parties. At the same time the parties often have different approaches on how to evaluate current patterns of their cooperation and on what principles it should be based in the future. These differences bring about disputes and uncertainty on further perspectives of Russian-European energy cooperation. Tough negotiations on proposed gas transit routes, South Stream and Nord Stream-2 as well as debate about Gazprom activity in the EU, which led to the European Commission investigation, are recent examples of the clash of approaches.

Russian and Western (and the latter covers European countries and the US in this paper) academic literature and expert analysis provide various explanations as to why energy trade has become such a topical issue in given bilateral relations. The dominant explanation rests

on neorealist assumptions, focusing on competition among involved actors, which are mostly states and supranational institutions such as the European Commission, and the interest to enhance their political and economic power. There is a major difference between most common Russian and Western interpretations regarding which party bears greater responsibility for instability in cooperation. Obviously, these variations are usually closely connected with scholars' origin and location. A common approach for Russian scientific and expert discourse usually attributes Russian-European gas energy disputes to the involvement of the European Commission, the US and transit countries. This explanatory model makes the following assertions:

Firstly, it emphasizes the linkage of energy security threats and conflicts with the activity of the European Commission. Brussels bureaucracy is thought to strive for "getting rid of equal mutual dependency of Russia and the EU"¹. Security of supply can be seen to be under threat due to unreasonable European energy policy².

Secondly, attention is paid to the role of the US, which tries to drive a wedge between two partners by acting through the European Commission³.

Thirdly, opposition from transit states to new supply routes, for instance from Poland and Baltic states to the construction of Nord Stream, is seen as being caused by fear of losing their transit role, and as a result, transit fees and political influence.

Finally, fears of ordinary European citizens are explained by supply interruptions in 2006 and 2009⁴.

This point of view is rather different from Western approaches. Russian energy policy is often criticized as inappropriate in terms of American and European legal or ideational standards. This faultiness is expressed within an "energy weapon" concept and closely connected with Gazprom activity. One of the important topics of the discussion is a role that Gazprom plays for energy security of European countries. Topicality of this discussion and the fact that it is not restricted only within academic and expert discourse became evident during an investigation launched by the European Commission on Gazprom activity.

Methodology, research issue

Constructivism is another significant methodology employed for shedding light on energy disputes. The authors involved focus on the difference in values and culture as a nature of misunderstanding between the parties. Issues of legal investigation, viewed as a means

of political pressure, and the creation of new transit pipelines based on geopolitical locations can be typical situations for state interactions from a realist standpoint. However from constructivist perspective, the above mentioned issues cannot be taken for granted. To constructivists, the disputes are seen as stemming from the difference of interpretations, since the reality is “a product of our perceptions, values, ideas, practices and material factors...”⁵. If the differences in counterparts’ positions are clear, hope rises that disputes will be overcome. This is why it seems to be of great importance to have closer look on the perception of energy security issues in Europe.

The scope of this paper is set by the following framework. It rests on the constructivist approach and focuses on the perception of Gazprom threats instead of the analysis of their reasonableness. It is not intended to find out which party explains current issues in a more precise way, since constructivists view perception as a more important factor than statistical data.

The author meant to limit the issue of perception by academic literature and research as a primary source of information in order to separate it from mass-media commentaries. There is a major difference in explanatory power of the above mentioned sources of information, since the latter is often used for public policy objectives. The range of papers written by scholars and experts is also narrowed by two additional considerations. Firstly, from a methodological point of view, the problem of “energy weapon” mostly lays in neorealist literature. Secondly, the range of employed sources is limited by a temporal frame (2009–2015). The starting point is chosen due to gas supply disruption in 2009 that affected the EU countries. From the author’s point of view, this disruption led to a wide usage of the term “energy weapon” (which was used for Russia in 2006 for the first time) regarding Gazprom in Western academic and expert literature. The final year is defined by the available literature present when the paper was written.

This paper focuses on Gazprom activity on the European market as one of the major actors in Russian-European natural gas trade. It is devoted to the perception of Russian company as a source of threats to the EU and European countries. This paper has the following major goals:

Firstly, it is meant to identify available explanations as to why Gazprom is able to act as an energy weapon and what conditions are deemed necessary for the company to be a foreign energy policy tool;

Secondly, it is aimed to give an overview of the threats Gazprom is seen to pose to the EU and find out what instruments and methods are considered unacceptable.

While trying to create a general picture of Gazprom as a foreign energy policy tool, we take into consideration that the perception of Gazprom as a foreign policy tool differs within the academic community dealing with Russian-European gas relations. Scholars stem from different countries and regions of the world, and therefore, views expressed in academic papers reflect ideas integral to various political agenda, national security perceptions and cultures on the whole. However, in this paper I would rather not differentiate academic views in accordance with scholars' origin in order to create a general picture of Gazprom as an energy policy tool. Therefore, I don't separate academic scholars based on European countries and the US, and instead, refer to them as the "Western" approach, as distinct from Russian views.

How can European energy security be affected by Russia or Gazprom?

Academic literature and expert analysis that focus on energy security in Europe provide plenty of examples demonstrating that energy or, more precisely, Gazprom is perceived as a foreign policy tool or weapon of Kremlin. Examples include:

"Kremlin... has shown no compunction in using energy as a geopolitical weapon"⁶;

Gazprom "...acts as an arm of Russian foreign policy. Russia does exploit its energy card in order to serve wider foreign policy goals"⁷;

"Moscow has already proved that it is willing to... use energy as a foreign policy tool"⁸;

"The Russian Federation sees benefits in a destabilized Europe. This may take the form of "soft" leverage – low gas prices for those who take a pro-Kremlin line, while squeezing those states it finds less amenable"⁹;

"It is in the dependence of some of its member states on Russian pipeline gas that constitutes the EU's most acute vulnerability"¹⁰.

The paper will go into detail over various allegations against Gazprom, available in Western academic literature so that they are structured in accordance with the following logic:

1. Preconditions for exercising power;
2. Methods;
3. Aims.

Preconditions for Gazprom power: internal and external

Much attention is paid to why Gazprom is able to act as an energy weapon. Ability of the company to exercise power on the European market is believed to stem from various preconditions. We can divide them into two groups. One of them covers preconditions that are external to Europe. They include the advantages of Gazprom itself. Usually these arguments cover economic powers, ability due to monopolization to represent the whole Russian export to Europe, and political ones – tight relations of Gazprom management with state authorities. Political advantages of Gazprom being a national energy company are underlined in a number of papers. Usually the authors emphasize the following facts, explaining or illustrating close ties between the company and the government.

1. The Russian state is very interested in supporting Gazprom business activity due to large financial earnings for the budget (8% of GDP¹¹),

2. There are close ties between the Gazprom management and the Russian government with top management positions serving as a “revolving door”¹².

In this connection I would like to mention the energy weapon model proposed by Karen Smith Stegen, which allows one to “analyze the capacity of any supplier to convert its energy resources into political power”¹³. In accordance with this model, a few required steps were accomplished by Russia that allowed the conversion of energy capital into political power. The author pointed out that the state has already managed to consolidate resources and take control over transit routes. Gazprom is taken as an example of successful consolidation of the gas energy sector. A few components of this model, such as consolidation of resources and energy routes, are in focus of other papers as well¹⁴.

Another group of factors providing Gazprom with power is thought to be preconditions internal to Europe, i.e. weaknesses of the European market. They can also be structured as political and economic components. Political weaknesses are considered by some as absence of common energy policy¹⁵ or “weak, disunited... action in face of Russian coercion”¹⁶. Economic issues are connected with insufficient diversification of supplies and market development issues, including low level of hub activity and the absence of a wide network of transport infrastructure. These economic issues usually concern weak interconnections of Central and Eastern European countries.

Preconditions for Gazprom power		
	Internal to Europe (weaknesses of European market)	External to Europe (strengths of Gazprom itself)
political	absence of common foreign policy	tight relations of Gazprom management with state authorities
economic	market development (low level of hub activity), absence of transport infrastructure, insufficient diversification of suppliers	ability to represent the whole Russian export to Europe due to monopolization

Presumed instruments and methods

Gazprom is thought to employ specific instruments that are not used by typical enterprises in energy sector. I would like to make a short overview to demonstrate a toolbox that covers a whole range of economic and non-economic methods available in Western academic literature. Economic instruments represent Gazprom's ability to change the price or keep it on the desired level via contract conditions. Firstly, they are connected with Gazprom's adherence to the traditional model of the gas market. This model is based on Groningen netback pricing system and is notable for long-term contracts, destination clauses, take-or-pay obligation and indexation to the cost of alternative non-gas fuels, which is usually oil-indexation. Initially, this model was created to satisfy the interests of both producers and consumers, and it did so, however later the situation changed. After the dissolution of the Soviet bloc its former members had to negotiate supply contract conditions with independent Russia.

The traditional gas market model is thought to provide advantages for the dominant party in such a situation. Filip Černoč argues that "LTC indexed to the costs of alternative non-gas fuels and destination clauses enabled Gazprom to charge different markets with different prices. That enables company to extract not only economical but also political gains linking the prices and condition of contracts with economical and political concessions"¹⁷. A separation effect of the traditional model is highlighted by Gal Luft and Anne Korin too, where "Moscow prefers to deal with the EU member states separately rather than as a group. This way it can price discriminate among its customers, charging each country as close to its full paying potential as possible"¹⁸.

It is crucial that supplier's ability to change the price can lead not only to price increase but to its decrease as well, i. e. the provision of subsidies. Within the scope of the energy weaponry discussion the fact of subsidies raises the question of conditions, on which subsidies were provided. The variety of views on subsidies is quite indicative. Agnia Grigas pointed out to the case of Baltic states that demonstrated high topicality of "unfair pricing" issue during the recent years. The scholar argues that "the fact that Baltic states continued to benefit from concessionary gas prices for nearly 17 years after independence, even as EU member states, clearly challenges the widespread Baltic perception of price discrimination"¹⁹. However, there is another perspective expressed by Newnham. From his point of view, subsidized prices generally prove that states passed under control of energy-exporter²⁰, and so the fear arises that policy making in those states might be constrained as a result. Newnham suggests that oil and gas profits can be used as carrots in order to "reward (allied states) with ample amounts of subsidized energy", "support... pro-Russian enclaves in less compliant states", "bribe individuals and corporations", "win over politically important individuals" or as sticks in the form of "punitive price increases and demands for debt payment"²¹. At the same time, the author considers the reduction of subsidies to be a means of undermining the credibility of economic reforms and wealth of Western allies. "The Ukrainian economy has suffered a real drain thanks to Gazprom... the Ukraine's economic problems have imposed a political cost on Yuschenko and his pro-Western allies, weakening both political support and their ability to implement their campaign promises. Every Ukrainian hryvnia sent to Moscow for gas is one that cannot be spent on popular programs such as health, education or public works"²². This is a good example of introducing a purely normative approach into international energy studies. Overall, the discussion on subsidies demonstrates that if fears of energy weapon exist, any price deviation from the gas hub level may be seen as a proof of pressure or backstage deals.

A few basic elements of the traditional gas market model turned out to be in focus of attention during the EC investigation. In 2015, the EC sent a Statement of Objection to Gazprom, alleging that the Russian company may be abusing EU antitrust rules by employing destination clauses, carrying out unfair pricing policy and linking natural gas sales with infrastructure commitments²³. The investigation did not initially result in any legally binding commitments for Gazprom, but it did question the compliance of Gazprom contracts with the EU anticompetitive law. It proved that Gazprom's adherence to traditional gas market practices is now encountering opposition not only within the academic

community but also on the very top EU level. The EU investigation is likely to be one of the major reasons behind numerous revisions of gas supply contracts between Gazprom and its customers in Europe²⁴.

The infrastructure commitments mentioned above concern Russian export pipelines, but an issue of infrastructure assets is much broader. Some fear that Gazprom can not only affect prices to manage its export pipelines, but that it can also misuse its control over supply infrastructure to affect prices. "Russia's increasingly assertive policy has prompted concern... that Russia will exploit existing debts for energy supplies or other economic weakness in energy consuming countries to... buy or take over assets in those countries' energy sectors or other sectors, with a view to use those assets for political leverage"²⁵.

A non-economic toolbox includes instruments that affect the access to natural gas resources, as opposed to its price. One example of this is supply interruptions. Robert Orttung and Indra Overland mention pipeline shutoffs and explosions as a means of putting pressure on customers²⁶. Indeed there are few cases of shutoffs and no cases of explosions when Russian involvement was proved. This is often mentioned in Russian academic literature and expert analysis. However Russian ability to cut off supply brings about «...fears that freedom of action in foreign and security policies will be constrained, particularly for European countries which are wholly or largely dependent on Russian gas; and that these countries may not support general European policies in relation to Russia, or be unable to resist Russian political and economic initiatives, because of their gas dependence"²⁷.

Secondly, the Russian activity against European diversification policy is thought to be the threat to European gas energy security within an accessibility dimension. "...Russia pushes to maintain control over energy transportation routes and opposes any projects that could provide Europe with alternative energy supplies"²⁸. Gal Luft and Anne Korin express similar concerns that "the second prong of Russia's strategy is to lock in supply by consolidating control over strategic energy infrastructure throughout Europe and Eurasia"²⁹. Consolidation of supply routes from the Western perspective leads to dominant position in the market and eventually strengthens negotiation position of the party during negotiation process. The fear is caused by "...potential abuse of this dominance, whether motivated economically or politically. This abuse could have a form of company excluding rivals (foreclosing) or directly harming consumers (their exploitation, for example by raising the prices)"³⁰. Here one can see that dominance in the market has a two-fold nature and can be considered as both an instrument and an aim. Except for the consequences, which Federico pointed out, dominance

can be seen as political and economic capital that consequently guarantees political and economic gains in the future. This is why Russian argument claiming its complete reliability as a natural gas supplier does not avert the process of diversification on the European gas market.

Presumed Gazprom aims

There are two different perspectives on Gazprom. On the one hand, it is a commercial entity, and as such, is expected to strive to increase profit. Economic gain is an integral objective for any commercial enterprise, and it can bring about fears only in the case of a company's dominant position in the market. On the other hand, Gazprom is closely connected with the Russian state, and therefore, it is perceived as providing opportunities to attain certain political goals. Political goals are usually seen as to attain political concessions by exerting power on government institution, with an objective to undermine EU energy policy or make a European state carry out a more friendly policy towards Gazprom.

Agnia Grigas provides a detailed example as to how Gazprom was brought into court for allegations of increasing prices, presumably as a way to apply political pressure. "These claims most likely resulted from statements in 2010 and 2011 by Gazprom and Lietuvos Dujos, suggesting that Lithuania was charged higher gas prices than Latvia and Estonia because Vilnius sought to implement the EU's Third Directive while Tallin and Riga had opted for less stringent "unbundling" policies and to delay them until 2014"³¹.

Academic and research papers on Russian-European gas energy relations written by Russian authors often comprise two following ideas. Firstly, the reliability of Russian energy supply to Europe is taken for granted. The idea that "Russia... regularly supplied energy sources during many decades that didn't depend on political and ideological factors of the Cold war and proved its reliability by meeting all its commitments"³² is often used in one way or another to prove security of Russian energy supply. Secondly, complications of energy trade are ascribed to the activity of transit countries, the US or the EC that are not interested in strengthening Russian-European cooperation. The conclusion drawn from the above mentioned assertions calls forth deliverance from transit dependency and implementation of different policies for the EU members. One of the policies should be bilateral cooperation with pragmatic member-states that are interested in close collaboration. Another is oriented towards those that

are not interested. Possible solutions to calm down fears seem to be assurances of unacceptability of politically motivated supply cuts and construction of supply routes that bypass transit countries.

These ideas were carried out successfully, as seen by the construction of the Nord Stream pipeline, for instance. However, the process of South Stream project implementation has confirmed the necessity to pay greater attention to the situation in the whole EU. The problem identified in this paper is that the fear of unexpected supply cuts is not the central one for Gazprom perception in Europe. The list of threats associated with Gazprom activity is much broader, and supply short-cuts in 2006 and 2009 should not be considered the main cause. There are a number of factors as to why Gazprom is being perceived as a Russian energy weapon. Firstly, as the paper explains, the Russian company is described by European authors to be very powerful. It has the potential to put pressure on its customers due to a number of preconditions, which can be divided into internal and external groups. Preconditions external to the European gas market are Gazprom's monopoly on gas export to Europe via pipelines and its close relations with Russian authorities. Whereas internal preconditions are European gas market weaknesses, which are considered to be absence of common foreign energy policy and the low development of gas market mechanisms. Secondly, Gazprom is considered to resort to a number of economic and non-economic instruments allowing the company to convert its power into favorable conditions of contracts or political concessions. Gazprom tries to keep long-term contracts, destination clauses, take-or-pay obligations and indexation to the cost of alternative fuel. The Russian monopoly is thought to reach and preserve its dominant position by acquiring infrastructure assets, promoting new export pipeline routes and hindering competing projects. Some scholars mention supply shutoffs as an asset at Gazprom's disposal. Thirdly, Gazprom is seen to be an instrument of Russian foreign policy, since it presumably seeks political goals of the Russian state in addition to its own commercial ones. It should be noted that Gazprom's activity outside the EU is not distinctly separated from its activity in the EU. Therefore, when the company's toolbox is employed in different spatial and temporal conditions, the resulting impact can alter and influence Europeans' perception as well.

Obviously, the academic and expert community is not unanimous. There are scholars who question Gazprom's ability to influence significantly political decisions in the EU countries. However,

the important fact is that the idea of Gazprom as an energy weapon is not just a fuzzy concept used for political purposes. This view is widely spread in Western academic and expert discourse. Preconditions for Gazprom's power, its toolbox and aims as an instrument of Russian foreign policy are theoretically explained and grounded. This promotes a negative perception of Gazprom in Europe and unfavorably affects the implementation of its projects. It is a difficult task to prove or refute that political pressure was truly used by Gazprom to achieve its goals, because price mechanisms of contracts contain a number of various conditions and are classified. Referring back to the mentioned conditions, any conflict between Gazprom and its customers or transit partners can negatively influence customer's decision making and public opinion. Therefore, the issue of company's public image gains in importance and requires more efficient explanatory work to carry Gazprom's view to academic and expert energy discourse. The complications encountered by Gazprom should be taken into consideration by other Russian companies, such as Rosneft and Novatek that will be able to open up the European LNG market in the near future.

In regards to the state level, Russian energy policy is likely to be inefficient in the future if it is oriented on bilateral cooperation. This is a result of enhanced mechanisms implemented in the European gas energy market and the growing role of the EC in market regulation. Close cooperation with a few pragmatic EU member-states will no longer be sufficient to put bilateral projects into practice. Therefore the relations with the whole EU and the EC need to be revised. Taking into account that the European energy market is shifting towards a "buyer's market", Russia is facing a dilemma whether it should keep using state energy corporations to promote the state's goals or if it should preserve its share.

The important divergence between Russian and Western views on Gazprom's activity demonstrated in the paper calls forth further research on the reasons as to why the "energy weapon" concept has been applied to the Russian company. Statistical analysis of Gazprom's prices to prove or refute pressure on customers is complicated due to the lack of reliable data. Therefore, the application of the Copenhagen school approach appears logical and promising. It can be oriented towards the securitization of Gazprom issue in Europe and can expose the interests of European actors to create a negative perception of the Russian company.

- ¹ *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Энергобезопасность ЕС и Россия [Электронный ресурс] // Вестн. МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 22. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/politologiya/energobezопасnost-es-i-rossii> (дата обращения: 11.11.2016); *Конопляник А.А.* Россия: сложная адаптация к новым реалиям европейского газового рынка // Энергетика Евразии: Новые тенденции и перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 6–7.
- ² Реформирование газового рынка Европы: чужие туфли могут натереть мозоли: Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Фонд национальной энергетической безопасности. 2013. С. 39–41. URL: <http://www.energystate.ru/catalog/files/Reformirovanie-gazovogo-rynka-Evropy.pdf> (дата обращения: 02.11.2016).
- ³ *Медведев А.И.* Как Газпром выполняет поручения Госдепа США. [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1565> (дата обращения: 03.09.2016); *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Указ. соч. С. 20.
- ⁴ *Медведев А.И.* Газпром и энергобезопасность Европы. [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1310> (дата обращения: 02.09.2016).
- ⁵ *Алексеева Т.А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир. [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 8. URL: http://old.mgimo.ru/files2/z08_2014/Tatiana_Alexeyeva_Think_like_Construc-tivist_Discovering_a_Polyphonic_World.pdf (дата обращения: 24.11.2016).
- ⁶ *Luft G., Korin A.* Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 346.
- ⁷ *Proedrou F.* Sensitivity and Vulnerability Shifts and the New Energy Pattern in the EU-Russia Gas Trade. Prospects for the Near Future. [Электронный ресурс] // Studia Diplomatica. Vol. 63. 2010. № 1. P. 93. URL: https://www.academia.edu/24050684/SENSITIVITY_AND_VULNERABILITY_SHIFTS_AND_THE_NEW_ENERGY_PATTERN_IN_THE_EU-RUSSIA_GAS_TRADE_PROSPECTS_FOR_THE_NEAR_FUTURE (дата обращения: 05.10.2016).
- ⁸ *Cohen A.* Russia: The Flawed Energy Superpower // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century... P. 91.
- ⁹ *Riley A.* Sapping Europe's Energy Security. [Электронный ресурс] // The New York Times. 2014. May 5. URL: <http://nyti.ms/1mp31F5> (дата обращения: 27.09.2016).
- ¹⁰ *Buchan D.* Europe's energy security – caught between short-term needs and long-term goals [Электронный ресурс] // Oxford Energy Comment. 2014. P. 6. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/07/Europes->

- energy-security-caught-between-short-term-needs-and-long-term-goals.pdf (дата обращения: 26.09.2016).
- ¹¹ *Stegen K.S.* Deconstructing the Energy Weapon: Russia's Threat to Europe as Case Study // *Energy Policy*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 6506.
- ¹² *Cohen A.* Op. cit. P. 98; *Stegen K.S.* Op. cit. P. 6506; *Grigas A.* The Gas Relationship between the Baltic States and Russia [Электронный ресурс] // The Oxford Institute for Energy Studies. 2012. P. 32. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-gas-relationship-between-the-baltic-states-and-russia-politics-and-commercial-realities-2/> (дата обращения: 27.09.2016).
- ¹³ *Stegen K.S.* Op. cit.
- ¹⁴ For instance: *Cohen A.* Op. cit. P. 92–100.
- ¹⁵ Roadmap towards an Energy Union for Europe: Non-paper addressing the EU's energy dependency challenges [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. 2014. Apr. 22. URL: <http://www.msz.gov.pl/resource/34efc44a-3b67-4f5e-b360-ad7c71082604:JCR> (дата обращения: 21.09.2016); *Saunders P.J.* Russian Energy and European Security. The Nixon Center, 2008. P. 15. [Электронный ресурс] URL: http://site-298132.mozilla.com/files/298132/conf2008_experts_saunders.pdf (дата обращения: 13.10.2016).
- ¹⁶ *Luft G., Korin A.* Op. cit. P. 344.
- ¹⁷ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 382.
- ¹⁸ *Cohen A.* Op. cit. P. 93.
- ¹⁹ *Grigas A.* Op. cit. P. 10.
- ²⁰ *Newnham R.* Oil, carrots, and sticks. Russia's energy resources as a foreign policy tool [Электронный ресурс] // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2. № 2. P. 138–142. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187936651100011X> (дата обращения: 03.09.2016).
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. P. 141.
- ²³ Antitrust: Commission sends Statement of Objections to Gazprom – Factsheet [Электронный ресурс] // European Commission. 2015. Apr. 22. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-15-4829_en.htm (дата обращения: 23.08.2016).
- ²⁴ See more on contract revisions: Газовый рынок Европы: Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 42. [Электронный ресурс] URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropa.pdf (дата обращения: 06.07.2016).
- ²⁵ *Saunders P.J.* Op. cit. P. 1.
- ²⁶ *Ortung R.W., Overland I.* A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy [Электронный ресурс] // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 80. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366510000394> (дата обращения: 04.06.2016).

- ²⁷ Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics [Электронный ресурс] // The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. P. 68. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (дата обращения: 10.08.2016).
- ²⁸ *Cohen A.* Op. cit. P. 91, 94.
- ²⁹ *Ibid.* P. 93.
- ³⁰ Federico cited in: Energy Security in Central and Eastern Europe... P. 378–379.
- ³¹ *Grigas A.* Op. cit. P. 14.
- ³² *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Указ. соч. С. 22.

Международные отношения: история и социокультурная практика

М.М. Сиротинская

Идея «предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в.

В статье прослеживается происхождение формулировки «предопределение судьбы» (Manifest Destiny) и рассматривается восприятие концепции «явного предначертания» американскими сенаторами и некоторыми периодическими изданиями в контексте приезда в республику Нового Света венгерского патриота Л. Кошута в 1851–1852 гг. Представления американцев о Manifest Destiny отражали их партийные, политические, секционные предпочтения и расовые предубеждения. Именно в данный период принцип вооруженной интервенции в дела Европы, сам конструкт Manifest Destiny стали прямо увязываться демократами, сторонниками «Молодой Америки», с расширением пространства революции.

Ключевые слова: «предопределение судьбы», Дж.Л. О’Салливен, «Молодая Америка», “Democratic Review”, интервенция.

Концепция «предопределения судьбы» или «явного предначертания» (Manifest Destiny) была предметом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей¹. В последнее время они придают ей большое значение при объяснении так называемой «американской исключительности», рассматривая эту концепцию скорее не как политическую доктрину, а как важную составляющую американской национальной идентичности, подчеркивая ее мифический характер и вплетенность в традицию «гражданской религии» в США. Некоторые идеалы Manifest Destiny, с их точки зрения, в значительной степени характеризуют внешнеполитическую ментальность многих американцев до сих пор². В этом смысле изучение восприятия американцами идеи «явного предначертания» в исторической перспективе представляет немалый интерес.

В ноябрьском 1839 г. номере журнала “United States Magazine and Democratic Review” (редакторы – Дж.Л. О’Салливен³ и С. Лэнгтри) содержалась статья «Великая нация грядущего». В ней говорилось об особом положении североамериканской республики в мире, имелись в виду обстоятельства ее образования, ее обращенность в будущее. «Наше рождение как нации явилось началом новой истории», – утверждал автор. Он был полон оптимистических надежд по поводу необратимости прогресса: «Мы – нация прогресса», «нация многих наций», «кто, или что, сможет создать препятствия нашему продвижению вперед?». «Полею деятельности США будет Западное полушарие, их крышей – небосвод, усыпанный сверкающими звездами, их собранием – союз многих республик, населенных миллионами счастливых людей... управляющихся Божественными естественными и моральными законами равенства»⁴. Республиканские политические институты, специфические качества американского народа, по мнению автора, предполагают особую «миссию» Соединенных Штатов – способствовать «полному развитию принципов нашей организации», таких как свобода совести, личности, торговли и предпринимательства, «универсальность свободы и равенства»⁵.

Конечно, идеи, высказанные в статье, не были абсолютно новыми, но впервые видение уникальных роли и места США в мировой истории было сформулировано в столь концентрированном виде.

Словосочетание «предопределение судьбы» появилось в том же журнале (в то время он выходил в Нью-Йорке под редакцией О’Салливена) в номере от июля–августа 1845 г. в статье «Аннексия», посвященной техасскому вопросу. Проблема Техаса (Техасская республика объявила свою независимость от Мексики в 1836 г.) явилась одной из центральных тем президентской избирательной кампании 1844 г. Подписанный президентом США Дж. Тайлером в апреле 1844 г. договор об аннексии Техаса вызвал серьезную оппозицию в американском обществе и ожесточенные дебаты в Конгрессе. В конечном итоге в последние дни пребывания в Белом доме 1 марта 1845 г. Тайлеру все же удалось подписать билль о присоединении Техаса к США (Техасская республика вошла в состав Союза в качестве 28-го штата в декабре 1845 г.) Успеху сторонников экспансии способствовала победа на ноябрьских выборах кандидата от демократов Дж. Полка⁶.

В статье проводится мысль о том, что включение Техаса в состав Соединенных Штатов абсолютно правомерно и неотвратимо: «Крыло нашего орла уже простирается над значительной частью его прекрасной, плодородной земли». Техас (для образности

использован французский язык) уже более не отдельная страна (pays), а часть «нашей родины» (“la patrie”), он влился в «нашу общую национальность», и все споры по этой проблеме должны быть прекращены. Поглощение Техаса истолковывается как результат действия «общего закона», который движет поселенцев на Запад. Развивая провозглашенный в доктрине Монро принцип невмешательства держав Старого Света в дела Западного полушария, автор заявляет о том, что Великобритания и Франция не могут контролировать продвижение США, – и здесь, судя по всему, впервые используется знаменитая формулировка: «наше явное предназначение – заполнить весь континент, предназначенный Провидением для свободного развития ежегодно умножающихся миллионов нашего населения»⁷. Соединенные Штаты, таким образом, будто бы призваны распространить «зону свободы» по всему континенту (ряд исследователей считает, что автор статьи имел в виду не только североамериканский континент⁸). «Судьба» США очевидна, поскольку она предначертана Всевышним.

Поднимается проблема «особого института». Категорически отвергается точка зрения, что аннексия – прорабовладельческая мера, призванная увековечить особый институт. Последний будто бы не имеет к ней никакого отношения. Система рабства умрет сама собой, ибо подневольный труд не сможет конкурировать со свободным в западных и северо-западных штатах, принимающих возрастающее число эмигрантов из Европы и иных регионов Союза (в другой статье даже устанавливается конкретная дата, когда труд раба станет абсолютно нерентабельным для хозяина, – 1926 г.⁹). Ассимиляция цветных с белыми не допускается. «Негритянскую расу», по словам автора, будет принимать «испано-индейско-американское население Мексики, Центральной и Южной Америки». Признавая, что рабство является одной из наиболее сложных социальных проблем современности, он высказывается против его немедленной отмены – здесь приводится в пример будто бы худшее, нежели темнокожих на Юге США, положение трудящихся масс в Великобритании, их якобы «деградация и нищета». Публицист бросает стрелу в ярых противников «особого института», аболиционистов, «с колоколом, библией и свечой»¹⁰ (намек на их религиозный фанатизм). Как показывают материалы этой и других статей, Manifest Destiny, в ее интерпретации журналом, включает идею расового превосходства «нашей высшей цивилизации», пренебрежительное отношение к афроамериканцам, аборигенам, мексиканцам¹¹.

К сожалению, статьи в американских периодических изданиях того времени были в основном анонимными. Дж. Прэтт стал пер-

вым исследователем, обратившимся к изучению происхождения формулировки «предопределение судьбы», авторства данного словосочетания. Американский историк пришел к выводу, что статья «Аннексия» принадлежит перу редактора “Democratic Review” Дж.Л. О’Салливена¹².

Авторство О’Салливена не так давно было оспорено Л. Хадсон. На основании проведенного компьютерного анализа статей «Аннексия» и «Великая нация грядущего» исследовательница приходит к заключению, что они принадлежат перу американской журналистки Дж. МакМанус Казно, публиковавшейся под псевдонимом Кора Монтгомери. Биограф О’Салливена Р. Сэмпсон опровергает выводы Хадсон, считая, что использованная ею компьютерная программа “Grammatik” для исправления грамматических ошибок конца XX – начала XXI в. не может быть применена для определения авторства текстов 1840-х годов. Хадсон, с его точки зрения, избрала в качестве образцовой статью, которая, скорее всего, не принадлежала перу О’Салливена и в этом смысле не репрезентативна¹³.

Фраза “Manifest Destiny”, однако, не была замечена широкой общественностью. Прэтт объясняет это тем, что проблема Техаса, будучи фактически решенной (в конце июня 1845 г. техасский конгресс, а 4 июля – конвент представителей населения Техаса в Остине одобрили аннексию), уже не вызывала широкого интереса.

Внимание американской просвещенной общественности к этой формулировке было привлечено несколько позднее, в связи с выступлением 3 января 1846 г. в нижней палате Конгресса вига от штата Массачусетс Роберта Уинтропа, потомка знаменитого Дж. Уинтропа, одного из основателей колонии Массачусетс и ее первого губернатора. Оно касалось проблемы Орегона. В это время усилилась напряженность в отношениях с Великобританией по данному вопросу в связи с переговорами относительно территориального размежевания на Северо-Западе США. Дж. Полк выдвинул претензии на весь Орегон и установление границы между английскими и американским владениями по 54°40′ северной широты, требовал одностороннего прекращения договора 1818 г. (в конце концов в условиях начавшейся войны с Мексикой в июне 1846 г. спор был решен мирным путем, граница была проведена по 49° с.ш.). Р. Уинтроп, выступая против резолюции о завершении совместной оккупации Орегона, сослался на материал во влиятельном нью-йоркском органе, близком к администрации, – имелась в виду передовая под заголовком «Истинное право» в нью-йоркской газете “Morning News”¹⁴ от 27 декабря 1845 г.¹⁵ По словам, предположительно, ее редактора О’Салливена, решительного защитника

аннексии всего Орегона до 54°40' и противника компромисса с Англией, притязания Соединенных Штатов на Орегон бесспорны, ибо «нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии: установить свободу и федеративное самоуправление»¹⁶.

Уинтроп, приверженец мирного урегулирования конфликта с Великобританией, с иронией отзывался об этом «новом откровении», «праве нашей “Manifest Destiny” распространиться по всему нашему континенту»¹⁷.

Историки, подвергавшие анализу доктрину «явного предназначения», справедливо подчеркивали, что она послужила оправданием экспансии США на Запад, к Тихому океану, войны с Мексикой, присоединения Орегона. Акцентировалось внимание на ее расовой окрашенности. По мнению некоторых специалистов, концепция «явного предназначения» была с энтузиазмом подхвачена политической элитой США и использовалась для обоснования политики Вашингтона в Западном полушарии.

В конце 1845 – начале 1846 г. стали обостряться отношения США с Мексикой, которые в конечном итоге привели к войне между двумя государствами (1846–1848). Журнал “Democratic Review” самым решительным образом выступал за территориальную экспансию. Какими методами, согласно редактору журнала, должно было осуществляться «предопределение судьбы»? Предполагалось, что народы сами обратятся к Соединенным Штатам с просьбой о включении в Союз. С точки зрения ряда историков, О’Салливан, в то время близкий к сторонникам движения за мир, не имел в виду применение оружия и первоначально выражал надежду на то, что военных действий с Мексикой удастся избежать. Впрочем, прямого ответа на вопрос о том, что надо делать в том случае, если Мексика не захочет добровольно отдать часть своей территории, не давалось. В конечном итоге, по-видимому, О’Салливан поддержал Мексиканскую войну. Достоверными сведениями об этом мы не располагаем – в то время он уже не был редактором ни газеты “Morning News”, ни журнала “Democratic Review”. В середине мая 1846 г. он был уволен из газеты (в последнее время он мало ею занимался, увлекшись различными бизнес-проектами) и продал свою долю акций журнала¹⁸.

“Manifest Destiny” становится крылатой фразой. Корреспондент “New York Herald” в июне 1846 г. практически повторяет слова из “Democratic Review”: «Заселить этот огромный континент – предопределенная судьба англосаксонской расы». С пренебрежением отзываясь об афроамериканцах, индейцах, мексиканцах,

мулатах и метисах, он развивает мысль о превосходстве англосаксов¹⁹. Рассуждения Р. Уинтропа оказались близки американским современникам, преимущественно вигам, противникам рабства и политики территориальных захватов. Тема оппозиции «войне г-на Полка», деятельность сил, противостоявших экспансии, хорошо изучена в научной литературе²⁰. По существу, концепция «предопределения судьбы» связывается с политикой кабинета Полка в Западном полушарии.

Согласно базе данных американских исторических газет “Chronicling of America: Historic American Newspapers”, за период 1846–1847 гг. можно встретить около 155 упоминаний о Manifest Destiny. Но в 1849–1850 гг., после окончания Мексиканской войны, судя по результатам поискового запроса в этой базе (60), внимание современников к ней в известной степени угасает.

В 1852 г. в США состоялись очередные президентские выборы (подходил к концу срок пребывания у власти вигской администрации М. Филлмора). В конце 1851 г. – первой половине 1852 г. республику Нового Света посещает лидер венгерского национального движения Л. Кошут, который ратует за оказание помощи мадьярскому народу. Многие жители Северо-Востока и Северо-Запада США оказывают ему горячий прием, истолковывая интервенцию России в Венгрию в 1849 г. на стороне Австрийской империи как нарушение права народов. В январе 1852 г. сенатор-виг от штата Род-Айленд Дж. Кларк вносит резолюции о невмешательстве в дела Европы.

Представляется интересным проследить, преимущественно по материалам Конгресса США и некоторых периодических изданий²¹, каково было восприятие американскими современниками Manifest Destiny в этот период.

Словосочетание и риторика «явного предназначения» нередко присутствуют в заявлениях лидеров «Молодой Америки» – группировки в Демократической партии США – в ее печатном органе, журнале “Democratic Review” (редактор – Дж.Н. Сэндерс). Положение североамериканской республики после завершения Мексиканской войны кардинальным образом изменилось, подчеркивают «молодые демократы», и теперь она должна играть более активную роль на международной арене.

При обсуждении в Конгрессе резолюций Кларка уроженец Франции, сенатор от Луизианы П. Сулэ в марте 1852 г. призывает отказаться от политики невмешательства в дела других стран. По его словам, политики «прогрессивной школы» пытаются инициировать «систему вмешательства (interference) в дела других наций».

Он взывает к «печати судьбы», которая лежит на североамериканской республике, к «Божественной мудрости». Сочувствующий «Молодой Америке» конгрессмен-демократ из Огайо Д. Дисни в декабре 1851 г. высказывается практически в том же духе, говоря о «судьбе», которая «зовет нас вперед»²². Сулэ дает теологическую трактовку «судьбы», а в интерпретации Дисни и сенатора из Висконсина А. Уокера она носит скорее политический характер. Дисни ведет речь и об «обязанности» США противодействовать нарушениям международного права в Европе.

Провидение поставило нас во главе человеческой расы, разглагольствует один из публицистов “Democratic Review”. Он выражает уверенность в том, что жители Соединенных Штатов «поддержат очевидный интерес (manifest interest), который является предопределенной судьбой (manifest destiny) американцев»²³. “Democratic Review” высказывается за кандидатуру сенатора от Иллинойса С. Дугласа на пост президента США. После того как на Балтиморском конвенте Демократической партии в июне 1852 г. побеждает компромиссная фигура, «темная лошадка» Ф. Пирс, журнал оказывает ему поддержку. Предполагается, что его избрание даст импульс борьбе «угнетенных национальностей» Европы – немцев, итальянцев, поляков, венгров, ирландцев – и осуществлению молодым поколением американцев «замечательной (magnificent) судьбы»²⁴. В репрезентации многих «младоамериканцев», таким образом, «судьба» и «миссия» Соединенных Штатов в отношении Европы переплетаются.

Особая «миссия» североамериканской республики выступает в двух версиях – «миссия» посредством интервенции и «миссия примера» (exemplarist). Первая предполагает интервенционизм, или, как его еще принято называть, «интернационализм», «либеральный интернационализм»²⁵, вторая – политику невмешательства, отказ от заключения союзов с другими государствами. «Миссия» посредством интервенции, в ее истолковании многими «младоамериканцами», нередко допускает и возможность вмешательства силой оружия. Термины «интервенция» и «вмешательства» (interference) зачастую употребляются как синонимы. Насильственная, а также дипломатическая интервенция трактуется как право и долг североамериканской республики оказывать помощь национально-освободительной борьбе народов Старого Света. Правда, принцип интервенции, в представлении, к примеру, С. Дугласа, необязательно подразумевает политику вмешательства. В то же время «молодые демократы» не отказываются и от «миссии примера».

Таким образом, принцип интервенции в дела Европы напрямую ассоциируется с расширением пространства революции. Понятие интервенции в определенной степени отделяется от войны и приобретает современное значение. «Миссия» интервенции в отношении европейских народов никак не увязывается с проблемой рабства в республике Нового Света.

Идея интервенции подразумевает военное вмешательство не только в европейские конфликты. Она ассоциируется с безудержной экспансией, которая по существу не знает границ и порой абсурдна до карикатуры. Необходимо, заявляет “Democratic Review”, «громко протестовать против всех узурпаций в Европе и в Азии», подтвердить «самым решительным образом» доктрину Монро в Центральной и Южной Америке, осуществить «*широкомасштабную экспансию* на Север, Юг, Запад и, более того, на *Восток*», добиваться расширения торговых связей США и продвижения их коммерции в Южную Америку, к Тихому океану, Южно-Китайскому и Восточно-Китайскому морям²⁶.

Иным было восприятие «предопределения судьбы» большинством сенаторов-южан. Некоторые из них, например демократ из Алабамы Й. Клеменс, не отрицают существования «предопределенной судьбы» североамериканской республики. Однако, считают они, время ее проведения в жизнь еще не пришло. Виг от штата Кентукки Дж.Р. Андервуд вообще отвергает наличие уникальной «миссии» Соединенных Штатов в отношении других народов. «Миссия» Соединенных Штатов – в просвещении всех наций земного шара, этих «маленьких девочек и маленьких мальчиков» общей семьи народов, заявляет он. Пропагандируется «миссия мира», теория и практика абсолютного невмешательства. Революции в Старом Свете, как представляется, не имеют ничего общего с понятиями свободы в США²⁷.

Доктрина «явного предначертания», визит Кошута в Америку в конце 1851 – начале 1852 г. являлись одними из любимых тем влиятельной вигской газеты Вашингтона “National Intelligencer”. Венгерский патриот провозгласил себя политическим миссионером, «поучающим» «наследников ‘76»²⁸, ворчит ее редактор. Огромную опасность представляют попытки Кошута вовлечь Соединенные Штаты в хитросплетения европейской политики. Его цель – обучать американцев «обязанностям в отношении других наций»²⁹. При этом газета демократов Бруклина “Brooklyn Daily Eagle” и вашингтонская аболиционистская газета “National Era” справедливо указывают на то, что “National Intelligencer” предпочитает не публиковать полностью выступления мадьярского лидера (порой

приводятся лишь выдержки из них, представляющие «гостя нации» в неблагоприятном свете), предвзято относится к Кошуту³⁰. “National Intelligencer” широко использует такой пропагандистский прием, как письма «с мест» о доктрине «явного предназначения» (например, от «Старого фермера», «Мэдисона»). Приводятся мнения изданий, к примеру, газеты Огайо “Cincinnati Chronicle”³¹, которые совпадают с точкой зрения редакции.

Немного позднее, в 1854 г., колумнисту “National Intelligencer” удастся высветить мифический характер Manifest Destiny. Автор рассматривает ее как некую субъективную реальность, плод воображения, конструкт, как бы мы сейчас сказали, «Молодой Америки». Он даже придумывает специальный термин – *manifest destinarians* – для обозначения ее сторонников. Идею наличия каких-то «судеб» и «миссий» у наций он не одобряет³².

Публицист “National Intelligencer” связывает доктрину «предопределения судьбы» с «миссией» вооруженного вмешательства в дела Европы, прямо обвиняя “New York Times” в стремлении изменить внешнеполитический курс Соединенных Штатов в отношении Старого Света. Он придает большое значение тому, что редактор новой нью-йоркской газеты (“New York Times” выходила с сентября 1851 г.) Г. Реймонд недавно вернулся из Европы и, следовательно, на него оказывают влияние новые теории международных отношений. Идея вмешательства в дела европейских наций имеет «иностранный происхождение», уверяет вашингтонская газета³³.

Однако один из авторов по существу соглашается с «молодыми демократами» в том, что концепция и политика интервенции отражают революционную эпоху: военное вмешательство используется как европейскими монархами для противодействия революции, так и их идеологическими противниками, республиками-«сестрами», для распространения ее идей и поддержки друг друга.

Ряд изданий, иронизируя над словосочетанием «предопределение судьбы», повторяют историю о воре, который полагает: «когда он опустошает ваш карман или крадет вашу лошадь – это его судьба. Другие, может быть, считают, что его судьба – быть повешенным...»³⁴.

Итак, многие южане, а также консервативные виги Северо-Востока в целом демонстрируют бóльшую приверженность традиционным ценностям, боязнь социальных перемен. В то же время эта часть американской общественности приводит весьма аргументированные доводы: развивается тезис о войне в Венгрии как конфликте «рас», когда мадьярская «национальность» вела борьбу за доминирование над невенгерскими народами. Подчеркиваются

некоторые негативные черты характера Кошута и ряда его друзей, стремление «гостя нации» извлечь политические дивиденды путем завоевания голосов иммигрантов и т. д. Справедливо подвергаются критике экспансионистские устремления «молодых демократов» в Западном полушарии.

Таким образом, протоколы Конгресса, материалы прессы свидетельствуют об усилении внимания американской просвещенной общественности к идее «предопределения судьбы» в 1851–1852 гг. (в базе “Chronicling of America” можно встретить 218 ссылок на данное выражение). Ее восприятие отражало партийные, политические, секционные предпочтения американских современников, их расовые предубеждения. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что, вопреки заключениям некоторых историков³⁵, не следует преувеличивать степень приверженности большинства американцев концепции «явного предназначения» в середине XIX в.³⁶ Как показывают изученные источники, в эту «партийную эру»³⁷ к ней чаще апеллировали демократы, в особенности сторонники «Молодой Америки». Большинство депутатов Юга в Сенате, ряд вигских изданий, в частности вашингтонская газета “National Intelligencer”, ее отвергали.

Уникальная «миссия» североамериканской республики в отношении народов Старого Света в репрезентации многих «младоамериканцев» подразумевала вероятность вооруженной интервенции США в европейские конфликты, в числе прочего якобы в благих целях поддержки национально-освободительного движения, борьбы против тирании. Принцип интервенции, сам конструкт Manifest Destiny стали прямо увязываться не только с экспансией в Западном полушарии, но и с расширением пространства революции в Европе. Как представляется, именно риторика «прогрессивных демократов» в условиях революций в Старом Свете и визита Л. Кошута в Америку в 1851–1852 гг. в значительной степени способствовала распространению в Соединенных Штатах такого понимания теории и практики интервенции. Определенное влияние на этот процесс оказывала и европейская мысль.

Примечания

¹ Деметтьев И.П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М.: Изд-во МГУ, 1973; Согрин В.В. «Американская исключительность»: мифы и реальность. М.: Знание, 1986; Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / Отв. ред. Ю.К. Мельвилль, Е.Ф. Язков.

- М.: Изд-во МГУ, 1993. К классическим трудам, посвященным Manifest Destiny, относятся исследования А. Вайнберга и Ф. Мерка (*Weinberg A.K. Manifest Destiny: A Study of Nationalist Expansionism in American History. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1935; Merk F. (with the collab. of L.B. Merk). Manifest Destiny and Mission in American History: A Reinterpretation. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1963*). В последнее время вышли в свет новые работы. См., например: *Horsman R. Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1981; Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right. N.Y.: Hill & Wang, 1995; Manifest Destiny and Empire: American Antebellum Expansionism / Ed. by S.W. Haynes, Ch. Morris. College Station: Texas&M Univ. Press, 1997; Morrison M.A. Slavery and the American West: The Eclipse of Manifest Destiny and the Coming of the Civil War. Chapel Hill; L.: Univ. of North Carolina Press, 1997; May R.E. Manifest Destiny's Underworld: Filibustering in Antebellum America. Chapel Hill, 2002; Greenberg A.S. Manifest Manhood and the Antebellum American Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010 (1st ed. 2005); Mountjoy Sh. Manifest Destiny: Westward Expansion. N.Y.: Chelsea House Publishers, 2009; etc.*
- ² См., например: *Байбакова Л.В. Метаморфоза стереотипа американской исключительности в эпоху становления глобального миропорядка (конец XIX – начало XX века). [Электронный ресурс]. URL: <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/08/8aacfce1e16557f1d8ca5e04fb3e0185134e791b.pdf> (дата обращения: 01.02.2017); *Coles R. Manifest Destiny Adapted for 1990s' War Discourse: Mission and Destiny Intertwined [Электронный ресурс] // Sociology of Religion. 2002. Winter. Vol. 63. № 4. P. 403–426. URL: http://epublications.marquette.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1016&context=socs_fac (дата обращения: 01.02.2017); *Gomez A. Deus Vult: John L. O'Sullivan, Manifest Destiny and American Democratic Messianism // American Political Thought. 2012. Sept. Vol. 1. № 2. P. 236–262; etc.***
- ³ *Сиротинская М.М. Джон Луи О'Салливан и «Демократик ревю», 1840-е годы // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 239–240.*
- ⁴ Цит. по: Общественное сознание и внешняя политика США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин. М.: Наука, 1987. С. 52; *The Great Nation of Futurity // United States Magazine and Democratic Review (далее – DR). 1839. Nov. Vol. 6. № 23. P. 426–427.*
- ⁵ *Ibid. DR. P. 429–430.*
- ⁶ *Потокова Н.В. Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки, 1821–1845 гг. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1986; Миньяр-Белоручев К.В. Реформы и экспансия в политике США (конец 1830 – середина 1840-х годов). М.: Проспект-АП, 2005. С. 132–136; Прилуцкий В.В. Мартин Ван Бюрен и политическая борьба в США (1812–1852 гг.). Брянск, 2009. С. 147–151.*
- ⁷ Цит. по: Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / Отв. ред. А.А. Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 482; *Annexation // DR. 1845. July–August. Vol. 17. № 85. P. 5.*

- ⁸ См., например: *Merk F., Merk L.B.* Op. cit. P. 24.
- ⁹ The Re-Annexation of Texas, in Its Influence on the Duration of Slavery // DR. 1844. July. Vol. 15. № 73. P. 13.
- ¹⁰ Annexation... P. 7–8.
- ¹¹ Territorial Aggrandizement // DR. 1845. Oct. Vol. 17. № 88. P. 245–246; Administration of Indian Affairs // DR. 1846. May. Vol. 18. № 95. P. 334; etc.
- ¹² *Pratt J.W.* The Origin of “Manifest Destiny” // American Historical Review. 1927. July. Vol. 32. № 4. P. 795–798.
- ¹³ *Hudson L.S.* Mistress of Manifest Destiny: A Biography of Jane McManus Storm Cazneau, 1807–1878. Austin: Texas State Historical Association, 2001; *Sampson R.D.* John L. O’Sullivan and His Times. Kent, Ohio: The Kent State Univ. Press, 2003. P. 244–245.
- ¹⁴ Газета была основана в августе 1844 г. Дж.Л. О’Салливером и С. Тилденом для поддержки Дж. Полка в избирательной кампании.
- ¹⁵ Речь Уинтропа была в тот же день опубликована в газете демократов “The Daily Union”, а затем – в вашингтонской вигской газете “The Weekly National Intelligencer”. В том же году была издана отдельная брошюра. См.: Appendix to the Congressional Globe. 29th Congress. 1st Session. P. 99; *Winthrop R.C.* Speech of Mr. Winthrop, of Massachusetts, on the Oregon Question. Washington: Gideon, 1846. P. 8–9; Arbitration of the Oregon Question A Speech Delivered in the House of Representatives of the United States, Jan. 3, 1846 // Winthrop R.C. Addresses and Speeches on Various Occasions. Boston: Little, Brown, and Company, 1852. P. 490; Congressional // Daily Union. 1846. Jan. 3; Speech of Mr. Winthrop, of Massachusetts, on the Oregon Question // Weekly National Intelligencer. 1846. Jan. 10.
- ¹⁶ Цит. по: История США: В 4 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. С. 344.
- ¹⁷ Цит. по: *Каримский А.М.* Теологические трактовки «американской исключительности» // Концепция «американской исключительности»... С. 70.
- ¹⁸ *Harris Sh.H.* The Public Career of John Louis O’Sullivan. Columbia Univ., 1958. P. 247; *Sampson R.D.* Op. cit. P. 202–204.
- ¹⁹ Mexico – Its Casies // New York Herald. 1846. June 5. Газета, основанная Дж.Г. Беннетом в 1835 г., представляла т. н. «дешевую прессу». Несмотря на заявления Беннета о том, что его издание занимает нейтральную позицию в политике, “New York Herald” по важнейшим вопросам поддерживала демократов. См.: *Алентьева Т.В.* Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США. Курск: Курский гос. ун-т, 2015. С. 116–119.
- ²⁰ См., например: Американский экспансионизм: Новое время / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 1985; *Schroeder J.H.* Mr. Polk’s War. American Opposition and Dissent, 1846–1848. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1973; *Hietala T.R.* Manifest Design: Anxious Aggrandizement in Late Jacksonian America. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1985; etc.

- 21 Анализ позиции антирабовладельческих, южных изданий требует специального рассмотрения.
- 22 Appendix to the Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 353; Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 173, 105.
- 23 The Crisis in Europe. Intervention of the United States // DR. 1852. May. Vol. 30. № 167. P. 405–406.
- 24 Eighteen Fifty-Two, and the “Coming Man” // DR. June 1852. № 168. P. 492.
- 25 *Согрин В.В.* США в XX–XXI веках: Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. С. 22.
- 26 Eighteen Fifty-Two, and the “Coming Man”... P. 492.
- 27 Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 26, 52–53; Appendix to the Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 179–180.
- 28 4 июля 1776 г. – дата принятия Декларации независимости США.
- 29 The Mission of Kossuth // Weekly National Intelligencer. 1851. Dec. 20; см. также: The Hungarian Inroad // Ibid. 1852. Jan. 31. Ряд газет Нью-Йорка и Вашингтона высмеивают консерватизм “National Intelligencer”: Manifest Destiny // Washington Sentinel. 1853. Nov. 19; The Mission to Spain – Mr. Soule – Cuba – “Manifest Destiny” // New York Herald. 1853. Apr. 9.
- 30 [Без названия] // Brooklyn Daily Eagle. 1851. Dec. 27; Kossuth and the Washington Press – Non-Intervention // National Era. 1851. Dec. 25.
- 31 Our True Mission // Weekly National Intelligencer. 1847. Aug. 7.
- 32 “Manifest Destiny” // Ibid. 1854. Nov. 18.
- 33 Foreign Policy of the United States // Weekly National Intelligencer. 1851. Dec. 13.
- 34 American Institutions – The Monroe Doctrine // Debow’s Review, Agricultural, Commercial, Industrial Progress and Resources. 1853. Dec. Vol. 15. № 6. P. 590; Manifest Destiny: To the Editors of the National Intelligencer // Weekly National Intelligencer. 1847. July 31.
- 35 См., например: *Weinberg A.K.* Op. cit.; *Johannsen R.W.* The Meaning of Manifest Destiny // Manifest Destiny and Empire: American Antebellum Expansionism... P. 15.
- 36 *Winger S.* Lincoln, Religion, and Romantic Cultural Politics. DeKalb, 2003. P. 20; *Howe D.W.* What Hath God Wrought: The Transformation of America, 1815–1848. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 705–706.
- 37 *Силби Дж.* Контуры политической системы США (1789–1991) // Американский ежегодник, 1992 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1993. С. 85–106.

Н.А. Чеснокова

Дипломатия на грани фола:
«верность», «долг» и «садэ» в Корее
в XVII–XVIII вв.

Корни дипломатических отношений между государствами Корейского полуострова и «Срединной империей» уходят к первым векам нашей эры. Китай считался оплотом «цивилизации», на который следовало равняться и полагаться. На дипломатическом уровне сложилась система *садэ* – почитания «старшего» государства «младшим».

В настоящей статье рассматривается двойственность социально-культурных отношений между корейским Чосоном (1392–1897) и маньчжурским государством Великая Цин (1644–1912). Несмотря на то что Чосон признал свое вассальное положение *садэ* по отношению к Цин, в самой стране культивировалась на государственном уровне верность «ушедшей» династии Мин (1368–1644).

Ключевые слова: династия Чосон, династия Цин, династия Мин, садэ, историческая память.

В древние времена люди говорили, что наша страна похожа по форме на [согбенного] пожилого человека. Он сидит, повернувшись в сектор свиньи [на северо-северо-запад], обратившись в сектор змеи [юго-юго-восток], лицом на запад, [словно] кланяется Китайскому государству. С древности [у Кореи] с Китаем хорошие отношения¹.

Ли Джунхван 李重煥 (1690–1756?)

«Описание избранных деревень»

(Тхэнниджи, 1751 г.)

С первых веков нашей эры, когда на Корейском полуострове существовали Три Государства (I в. до н. э. – VII в. н. э.), и вплоть до Симоносекского договора 1895 г. между Кореей и Китаем²

действовали особые дипломатические отношения, именуемые *садэ* 事大 – «почитание старшего [государства]». Политика *садэ* – основа конфуцианского миропорядка, когда страны, расположенные на периферии «цивилизованного» «Срединного государства», считались «младшими», «варварами». Корейцы заимствовали из Китая иероглифическую письменность, календарь, систему ритуалов, регулярно направляли посольства с дарами.

Однако *садэ* не всегда было безусловным. Это доказывают дипломатические отношения между корейским государством Великий Чосон (1392–1897) и маньчжурской империей Великая Цин (1644–1912) в XVII–XVIII вв., которая благодаря победе в войне сменила китайскую династию Мин (1368–1644), признавшую Чосон новым легитимным государством на Корейском полуострове и с тех пор выступавшую в роли «старшего» в *садэ*.

Для Чосон Мин, сменившая монгольскую империю Юань (1271–1368), выступала как образец нравственности и порядка: с первых веков установления нового государства на Корейском полуострове был взят курс на сближение с Мин и установление отношений *садэ*. Корейские правители получали от китайского императора инвеституру и письменное одобрение; регулярно направляли в Мин посольства, куда входило от 300 до 600 человек. Чосон использовал календарь Мин, каждый год посылаемый императором, и связывал свою историю с историей китайской, «встраивая» ее в китайское время, что являлось одним из доказательств вассалитета. Девизы правления чосонских ванов также были китайскими. Само название государства – «Чосон» – было выбрано Минским императором.

Поэтому закономерно усомниться в том, что корейцы относились к агрессорам Цин так же, как к Мин. Но как долго продолжалось противостояние? Проявлялось ли оно на международном уровне или оставалось завуалированным во избежание открытого конфликта?

Существуют несколько точек зрения на этот счет. В российском корееведении распространена версия, согласно которой основной период соблюдения *садэ* к погибшей династии Мин приходится на период правления ванов Инджо³ и Хёнджона⁴, т. е. на XVII в.⁵

Корейские специалисты лишь ненамного продлевают срок: «...после войны [Мин] с маньчжурами, особенно в поздний XVII – ранний XVIII вв., в Сеуле стали доминировать те, кто продвигал антицинские и проминские настроения, а также “карательный поход” на север. Этими людьми двигала вера в то, что Чосон – последний

бастион истинной цивилизации, “маленький Китай”. <...> Их заботила не сколько память о Мин, сколько отчаянное нежелание признавать Цин государством с подлинной моралью и этикой»⁶. Также корейские ученые считают, что рост корейского протоэтнического самосознания связан именно с тем, что «Срединным государством» стали бывшие «варвары»⁷. Действительно, в XVII–XIX вв. корейцы все чаще именуют себя «маленьким Китаем» 小[中]華 – «государством пусть и небольшим по площади, но имеющим собственные культурные корни и культуру, которая по значимости не уступает культуре “Большого Китая” и также оказывает влияние на окружающие “варварские государства”»⁸.

Тем не менее некоторые исследователи утверждают, что конфликта не было: «...хотя корейцы и негодовали в душе, что те, кого они считали необразованными варварами, стали править Империей, они признали маньчжурскую династию Цин легитимной и совершали по отношению к ней те же ритуалы, что и к другим китайским династиям»⁹.

Согласно нашей точке зрения, *садэ* по отношению к Мин продолжалось после гибели династии и не ограничивалось XVII – началом XVIII в. Опираясь на литературные памятники периода, а также современные научные исследования, выдвинем гипотезу о «двойной» политике *садэ*, проводимой корейскими правителями до конца XVIII в. при одобрении и поддержке населения, в первую очередь – подавляющего большинства образованного конфуцианского чиновничества.

Важным элементом в истории *садэ* в Корее стала Импджинская война 1592–1598 гг., победа Чосона в которой была достигнута во многом благодаря династии Мин. Как писал Н.В. Кюнер (1877–1955), «помощь, оказанная Китаем Корее во вторую японскую кампанию [1597], была очень велика. Общее число китайских войск составило 210 000 человек. С ними было доставлено 2 миллиона унций серебра на их содержание; из Шаньдуня было прислано на судах 200 000 мешков риса. Китаем была оказана также значительная денежная помощь корейской армии и голодающему корейскому населению»¹⁰.

В 1598 г., после смерти японского полководца Тоётоми Хидэёси 豊臣 秀吉 (1536–1598), японские войска, терпя одно за другим поражения от китайских и корейских отрядов, отступили, и территория Корейского полуострова оказалась освобождена от захватчиков. Но победа досталась корейцам дорогой ценой. Почти полностью были уничтожены армия и флот, нанесен значительный урон экономике страны, сельскому хозяйству, тысячи людей вынуждены

были искать новый дом и бежать прочь, еще большее число было увезено в плен или убито.

С окончанием Имджинской войны в Корее наметился конфликт между *садэ* и конфуцианским «чувством долга». Разоренная страна не могла выступать как полноценный противник и оказать какую-либо помощь задыхающейся под натиском маньчжур династии Мин, опасаясь и очередной войны на своей земле.

Современным историкам понятны мотивы правителя Кореи Кванхэгуна 光海君 (1575–1641, правление 1608–1623), который проводил искусную «двойную» политику, «оказывая военную помощь формальному “сюзерену” Кореи – Минской династии, – но в то же время тайно приказывая корейским солдатам уклоняться от активного участия в боях и ведя сложные переговоры с маньчжурами за спиной Минов»¹¹.

В XVII в. подобное отношение к «старшему» было равносильно предательству: реалистичная внешняя политика вана столкнулась с неприятием конфуцианской верхушки. Жестокие «чистки» рядов лишь спровоцировали всеобщее недовольство и заговор, результатом которого стала ссылка Кванхэгуна в 1623 г., а также казнь поддерживавших его чиновников и приход к власти нового правителя – вана Инджо.

В отличие от своего предшественника Инджо стал проводить жесткий антиманьчжурский курс, позволяя, в частности, минским войскам использовать корейскую территорию как базу для ведения войны¹². После того как в 1627 г. войско маньчжур захватило Сеул, Инджо был вынужден пойти на попятный и приступить к переговорам. Их итог, однако, был компромиссный: хотя Корея и маньчжурское государство признали друг друга «братьями», а Корея отправляла маньчжурам заложников, но, даже официально отказываясь от антиманьчжурской политики, она подчеркивала, что остается дружественной и к Мин.

На деле это выразалось в том, что корейцы активно снабжали припасами и продовольствием минские части, отказываясь поставлять что-либо маньчжурам.

Для утверждения своей власти над Чосоном маньчжурский владыка Хун Тайчжи (1592–1643, правление 1626–1643) воспользовался «языком» ритуала. В 1630 г. через своих послов он потребовал, чтобы Инджо лично совершил церемонию в древнейшем конфуцианском храме Сеула – Алтаре Земли и Злаков 社稷壇 (Саджиктан), «преподнеся» белую лошадь духу урожая, а черного быка – духу земли, чтобы подчеркнуть мирные отношения между Чосоном и маньчжурским государством¹³.

Но и после этого Чосон продолжал вести двойную игру, и в 1635 г. Хун Тайчжи потребовал у Инджо разорвать все отношения с Мин и признать «старшим» маньчжурское государство. Негодование абсолютного большинства придворных было настолько велико, что сообщивший об этих требованиях корейскому двору маньчжурский посол почел за лучшее бежать из Сеула ночью, оправданно боясь за свою жизнь¹⁴.

На следующий год Хун Тайчжи повел на Корею 130-тысячную армию и без особого труда захватил Сеул, вынудив Инджо отказаться от прежнего курса и признать *садэ* по отношению к маньчжурам. Несмотря на это, корейская конфуцианская верхушка еще долгое время тайно собирала войска для реванша – по иронии судьбы именно эти отряды в 1654 и 1658 гг. сражались на стороне Цин с русскими казаками.

Желая продемонстрировать свою власть и подчеркнуть «подчиненное» положение Чосона, Хун Тайчжи после подписания договора велел установить «Стелу заслуг и добродетелей императора Цин» 大清皇帝功德碑 (*Тэчхон хванче кондокти*, 1639), где было зафиксировано, что Инджо должен прекратить дипломатические отношения с Мин и начать выплачивать дань маньчжурам¹⁵. Стела была установлена в месте подписания договора. «Язык» ритуала был понятен каждому образованному корейцу и не требовал комментария.

В 1644 г., сломив сопротивление Мин, маньчжуры провозгласили империю Великая Цин, став новым «Срединным государством», и, как мы полагаем, в период 1644–1800 гг. правители Чосона придерживались единой модели поведения: в условиях *садэ* к Цин они сохраняли «верность» и «долг» – к Мин. Так, например, чиновники продолжали носить одежду образца Минской династии и следовать Минскому календарю¹⁶.

Почитание китайской династии было обусловлено конфуцианским этическим требованием «чжун» 忠 (кор. *чхун*) – «преданностью», понимаемой как основной «принцип отношения нижестоящего к вышестоящему»¹⁷, а также «и» 義 (кор. *ий*) – «долгом/справедливостью» в рамках отношений между старшим и младшим, одной из основополагающих категорий китайской философии¹⁸.

«Внешняя» сторона ритуала оставалась неизменной – корейские правители продолжали именовать себя «ванами», занимая подчиненное положение в *садэ*, направляли в новое «Срединное государство» послов с дарами, приветливо встречали гостей. Однако на «внутреннем» государственном уровне происходила смена ролей.

Примечателен датирующийся XVII в. эпизод из хроникальной летописи ванов Чосона «Драгоценное зеркало правящей династии» 國朝寶鑑 (*Кукчо погам*), приведенный западным миссионером Джеймсом Гейлом (1863–1937) в статье «Ханян (Сеул)» (1902):

Рядом с дворцом была выстроена башня под названием Мёнсоллу 明雪樓, где каждый из иероглифов означал, соответственно, 明 – «династия Мин», 雪 – «смыть, уничтожить», 樓 – «башня». Это был мемориал, хранящий скорбь корейцев по отношению к падению династии Мин. Когда в Корею прибыло первое посольство династии Цин... то правительство позаботилось о том, чтобы не чествовать их в Ведомстве Великого спокойствия *Тхэпхёнган* 太平 館, где прежде принимали посланников Мин, а в (расположенном поодаль. – *Н. Ч.*) Южном дворце Намбёльгун 南別宮, где стояла башня Мёнсоллу. «Что это? – спросили посол и его сопровождающие. – Мёнсоллу! Это памятник династии Мин?» – «Ни в коем случае, – ответил представитель корейского правительства. – К династии Мин постройка не имеет отношения. Это “Башня яркого снега”¹⁹. – «Как поэтично!» – воскликнул посол Цин²⁰.

Этические нормы «верности» и «долга» к исчезнувшей династии Мин демонстрируются здесь исподволь – через семиотическую систему, доступную для дешифровки несколькими способами. Также мы полагаем, что в данном случае эпизод показывает и лояльное отношение Цин (посол которого сразу верно перевел название башни) к демонстративным проявлениям «*чхун*» правителей Чосона.

Со своей стороны Цин были заинтересованы в том, чтобы Чосон стал их преданным вассалом. Старший сын Инджо, принц Сохён 昭顯世子 (1612–1645), пробыл в маньчжурском государстве заложником вместе со своим братом до 1644 г. и в Чосон вернулся процински настроенным. Через два месяца принц скоропостижно скончался²¹, а престол унаследовал его младший брат, известный по своему посмертному имени Хёджон 孝宗, настроенный антицински.

Расцвет культуры Цин в правление Сюанье 玄燁 (1654–1722, правление 1661–1722) и Хунли 弘曆 (1711–1799, правление 1736–1799) совпадает с ростом интереса корейцев-интеллектуалов к истории, культуре, традициям и литературе родной страны и, как нам видится, с продолжением антицинской культурной деятельности – периодам правления Сукчона 肅宗 (1661–1720; правление 1674–1720) и Ёнджо 英祖 (1694–1776; правление 1724–1776).

Одно из значимых произведений «Корейского Ренессанса» XVIII в. – «Описание избранных деревень» 擇里志 (*Тхэнниджи*, 1751 г.). Его автор, Ли Джунхван 李重煥 (1690–1756?), так говорит о «языке» ритуала в дипломатических отношениях между Чосоном, Цин и Мин:

Хотя мы подчиняемся Цин, но правитель и подданные, старшие и младшие, не забывают о милости [оказанной Корее династией Мин], вернувшей [ее] к жизни в [год] *имджин*, – в этом состоит высокое чувство долга 大義理.

<...> [Ван] Сукчон должным образом [организовал] чугап [60 лет] 周甲 с падения династии Мин. Был построен алтарь Тэбодан 大報壇 [1705] в западной части сада Хувон дворца [Чхандоккун]. Императору Ваньли [1573–1619] был принесен жертвенный бык, и было приказано приносить [такую] жертву раз в год. Действующий правитель [Ёнджо] в год *кёну* [1750] также [велел проводить] жертвоприношение императору Чунчжэно [император Чжу цзянь, последний император Мин, 1627–1644], и это более чем великое дело!²²

В период XVII–XVIII вв. был осуществлен ряд проектов, которые можно однозначно толковать как «обращение» не только к народу, но и представителям Цин в Сеуле. Один из них – это реконструкция и расширение крепости Намхансансон 南漢山城²³ к юго-востоку от Сеула. Ее сооружение началось в 1624 г. по приказу Инджо, и спустя два года, через 45 дней после начала осады именно там король был вынужден признать маньчжурское государство «братом» и отправить своих сыновей в качестве заложников. В XVIII в., согласно приказам Сукчона и Ёнджо, на территории крепости был построен храм Хёнчольса 顯節祠 в память «о духах чиновников, которые отговаривали Инджо сдаваться маньчжурам»²⁴, и достроен второй этаж павильона Муманну 無忘樓, название которого можно перевести как «Башня, [чтобы] не забывать»²⁵.

Как заключительный штрих социокультурной картины XVII–XVIII вв. – сочинение «Полный сборник вышестоящих лиц» 尊周彙編 (*Чонджу хвипхён*), написанное по приказу вана Чонджо 正祖 (1752–1800; правление 1776–1800) и им же в 1800 г. отредактированное. В этой работе живо отразились проминские и антицинские воззрения в чосонском обществе, а также предпринятая в связи с этим деятельность корейских правителей с момента окончания Имджинской войны.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что *садэ* по отношению к Мин не утратило своего значения и в XVIII в., выразившись че-

рез интерес корейских интеллектуалов к истории и культуре своей страны и поиск доказательств, подтверждающих возможность Кореи стать «маленьким Китаем». Внутренняя политика корейских правителей также имела проминскую направленность.

Примечания

- ¹ Ли Джунхвап. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / Ред. Чхве Намсон. Кэйдзё (Сеул): Чосон кванмунхва, 1912. С. 65.
- ² Здесь и далее в статье под топонимами «Корея» и «Китай» подразумеваются государства, находящиеся в I–XIX вв. на территории современных Республики Корея, Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики.
- ³ Инджо 仁祖 (1595–1649, правление 1623–1649).
- ⁴ Хёнджон 顯宗 (1641–1674; правление 1659–1674) – внук Инджо, наследовал Хёджону 孝宗 (1619–1659; правление 1649–1659).
- ⁵ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. С. 408. (Orientalia et Classica. Тр. Ин-та вост. культур и античности. Вып. 35.)
- ⁶ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol. 2: Joseon Era / Transl. by Nahm Chaibong. Paju, Yongsaeon, 2010. P. 237.
- ⁷ Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. Korea Old and New: A History. Seoul: Korea Institute, 1990. P. 150.
- ⁸ Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2009. С. 169.
- ⁹ Sources of Korean Tradition. Vol. 2: From the Sixteen to the Twentieth Centuries / Ed. by D. Baker N.Y.: Columbia Univ. Press, 2000. P. 5.
- ¹⁰ Кюнер Н.В. Отдельные главы о Корее (XLIX; рукопись). ИВР РАН. Оп. 91. № 4. С. 21.
- ¹¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. / Ред., сост. хронол. табл., сост. указ. Т.М. Симбирцева. М.: Наталис, 2011. С. 338. (Orientalia et Classica. Тр. Ин-та вост. культур и античности. Вып. 41.)
- ¹² Там же.
- ¹³ Clark D.N., Grayson J.H. Discovering Seoul. Seoul: RASKB, 1986. P. 331.
- ¹⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч. С. 341.
- ¹⁵ Clark D.N., Grayson J.H. Op. cit. P. 159.
- ¹⁶ Clark D. Sino-Korean Tributary Relations under the Ming: The Cambridge History of China. Vol. 8: The Ming Dynasty. P. 2 / Eds. Denis Twitchett and Frederick W. Mote. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 273.
- ¹⁷ Китайская философия: энциклопедический словарь / Ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. С. 564.

- ¹⁸ Китайская философия... С. 133.
- ¹⁹ Каждый из иероглифов «Мёнсоллу» отдельно означает также: 明 – «ясный», «светлый», 雪 – «снег», 樓 – «башня».
- ²⁰ *Gale J.S.* Han-Yang (Seoul) [Электронный ресурс] // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch. Vol. 2. P. 2. 1902. P. 1–43. URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> (дата обращения: 22.09.2016).
- ²¹ Подробнее о судьбе принца Сохёна см.: *Симбирцева Т.М.* Указ. соч. С. 407–409.
- ²² *Ли Джунхвап.* Указ. соч. С. 65–66.
- ²³ В 2014 г. крепость была включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.
- ²⁴ Одним из условий принятия капитуляции Инджо была сдача всех оппозиционеров с последующей казнью.
- ²⁵ *Clark D.N., Grayson J.H.* Op. cit. P. 286–287.

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Н.А. Медушевский

Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества

После распада Советского союза в российском социуме возникает состояние «идеологического вакуума», которое обусловлено отсутствием определенной универсальной альтернативы разрушенной коммунистической идеологии. Лишь в последние годы на государственном уровне актуализируются попытки создания нового идеологического конструкта, основанного на консервативных идеях патриотизма и духовности. Показательно, что путь создания новой идеологии фрагментирован, представлен комплексом актов и программ и при этом имеет выраженную либеральную оппозицию. Современный этап формирования новой идеологии особенно важен, так как на повестке дня оказывается разработка единого закона о российской нации.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, нация, духовные скрепы, оппозиция.

Вопрос национального единства является одним из ключевых элементов современного российского политического дискурса¹. Дискуссии идут как в политической², так и в социальной сферах³ и имеют разнообразное выражение. В качестве отправной точки, ознаменовавшей реальные политические шаги по формированию нового интеграционного социального принципа, на наш взгляд, можно рассматривать послание президента В. Путина Федеральному собранию от 2012 г, в котором он говорил о «духовных скрепах», после чего данное словосочетание прочно вошло в современный российский политический лексикон⁴.

В дальнейшем данная проблема была обозначена и в следующем ежегодном послании президента Федеральному собранию от 2013 г, в котором было отмечено, что Россия «возвращается к себе, возвращается в свою историю», выступает против пересмотра норм морали и нравственности, против стирания национальных традиций, против «признания равноценности добра и зла»⁵.

В послании идет апелляция к консервативной, еще славянофильской позиции, говорившей об уникальности русского пути и его противостоянии с неестественным (чуждым) западным влиянием. В данном контексте становится очевидно, что государственная политика имеет целью создание гомогенного общества на основе ограниченной или акцентированной толерантности, связанной с классической для России традицией сосуществования многих национальных меньшинств под эгидой русской нации. Термин «эгида» в связи с этим приобретает буквальное значение и – как следствие – речь идет о протекционистской роли России: «В этих условиях возрастает историческая ответственность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы»⁶.

Фактически уже здесь, на самом раннем этапе начинает складываться определенный социальный запрос, который с течением времени становится все более отчетливым и сводится к необходимости примирения групп по национальному, этническому и религиозному принципам, в противовес единению отдельных личностей по принципу универсализации их морально-этических качеств (такой подход характерен прежде всего для западноевропейских обществ⁷).

Именно этот запрос формулирует и президент В. Путин за год до знакового для нас послания к Федеральному собранию 2013 г. Россия, отмечает президент, – «это огромное цивилизационное достояние, которое мы должны беречь как зеницу ока. Наши предки из разных городов сплотили и создали единый российский народ, и мы не утратили языки, культуру, традиции»⁸. С этого момента категории «язык» «культура» и «традиция» возвращаются в официальную российскую политическую риторику и постепенно вытесняют всю совокупность иных «толерантных поводов».

Характерно, что в этом же выступлении проводится и противопоставление России и мира через «альтернативные ценности»⁹. Именно необходимость перелома негативных тенденций и обуславливает в итоге разработку и принятие новой федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»¹⁰. Основанием для

разработки программы в тот момент послужила статья В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹¹, в которой национальный вопрос был представлен как ключ к стабильному долгосрочному развитию государства.

Обращение со стороны президента к национальной политике создало и новый экономический тренд. В качестве статьи расходов национальная политика существовала и ранее, например, в 2008 г. на нее выделялась скромная сумма в 40 млн рублей¹². В последующие годы происходило незначительное повышение финансирования, но при этом оно оставалось в пределах 100 млн рублей, а в 2012 г. вследствие экономии бюджета статья и вовсе была исключена, и во многом именно из-за этого программа, предложенная и утвержденная президентом, находилась в «замороженном» состоянии почти два года. Так как ФЦП «Укрепление единства российской нации» предусматривала широкий набор практических мероприятий по всей стране, то объем запрошенного финансирования оказался выше обычных расходов на национальную политику в сотни раз и составил по расширенной смете 175 490 млн рублей, а по сокращенной смете, которая в итоге и была принята, – 5682,94 млн рублей¹³.

Несмотря на достаточно масштабное финансирование и долгосрочный плановый период, принятие ФЦП «Укрепление единства российской нации» породило у экспертов и просто общественности много вопросов, некоторые из которых фактически не имеют ответа.

Первым и самым главным из всей совокупности вопросов стала необходимость определения эффективности реализации программы. В качестве универсального индикатора разработчики программы предложили «формулу» – *%, в которой звездочкой обозначается, например, количество граждан, признавших, что за последние годы межнациональные отношения в России стали более терпимыми, или количество граждан, признавших, что за последние годы межнациональные отношения в России не изменились, или общее количество опрошенных. Аналогичная формула предполагается к использованию и для исследования участия субъектов РФ в реализации ФЦП¹⁴.

Таким образом, получается, что сложность задачи компенсируется примитивностью ее решения, причем само решение не лучшим образом соотносится с качественными характеристиками, например спецификой мероприятия, составом респондентов или уровнем эскалации национальных конфликтов в том или ином регионе¹⁵.

Еще один значимый вопрос связан с удешевлением программы, произошедшим из-за выбора проекта с меньшим финансированием.

Несмотря на ограничение финансирования, содержание самой программы практически не изменилось, из чего можно сделать вывод о низкой степени ее спецификации и региональной адаптивности. При этом разработчики ФЦП заявили о разнице эффекта от реализации дорогого и дешевого вариантов программы примерно в 20% населения страны, которые окажутся «не приобщены к толерантной культуре». Какие именно и насколько важны эти 20% населения для формирования толерантного поведения, программа не уточняет.

Итоговые показатели, закрепленные в финальном варианте ФЦП, могут быть представлены следующим образом. Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, – 65%. Уровень толерантного отношения к представителям другой национальности – 85%. Численность участников мероприятий, связанных с этнокультурным развитием народов России и поддержкой языкового многообразия (нарастающим итогом), составит 305 тыс. человек¹⁶.

Из программы не вполне понятно, насколько достаточным и для какого результата является указанное число людей, охваченных программой, но при этом отмечается, что ФЦП фактически наследует множеству специальных небольших государственных программ регионального значения, например «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 гг.», из чего можно сделать вывод, что положительными шагами по сравнению с предыдущим периодом являются, по крайней мере, интеграция проектов, их синхронизация и ориентация на достижение единой общенациональной цели.

В целом, несмотря на комплекс очевидных проблем, программа обладает и инновационным потенциалом, так как является первой в своем роде и вне зависимости от объективности оценочных показателей реализации, очевидно, способствует консолидации национальной идеи, в основе которой лежит межкультурный диалог и определяющая развитие страны роль «русской нации», что признают и многие критики ФЦП, хотя возникла и встречная позиция, согласно которой роль «русского народа» недооценена, а сама программа вредит достижению государственных целей¹⁷.

На наш взгляд, на положительное значение программы указывают в первую очередь ее цели, в числе которых: содействие этнокультурному многообразию народов России, поддержка проектов, направленных на усиление гражданского патриотизма, и др. При этом новая программа является символом внимания государства к совокупности национальных проблем, причем это внимание –

через комплекс массовых мероприятий – должно стать очевидным не только для представителей национальных элит, но и для широкой общественности.

Хотя ФЦП носит универсальный характер и имеет общность целей, она при этом не может рассматриваться как некий аморфный проект, призванный способствовать повышению лояльности граждан друг к другу. При изучении вопроса становится очевидно, что влияние программы на те или иные группы граждан или регионы в целом оказывается обусловлено обратной связью, т. е. готовностью местных властей включиться в реализацию единого общего тренда на своем – локальном – уровне¹⁸.

Вопрос адекватности финансирования новой ФЦП вообще перевешивает всю дискуссию о качестве и продуктивности программы. При этом объем финансирования программы сопоставляется многими аналитиками с такими «макропроектами» Кремля, как, например, дотирование Чеченской республики¹⁹, которые, по их мнению, и так создают прецедент подкупа лояльности, который через такие ФЦП, как «Укрепление единства российской нации», лишь получает дополнительное раскрытие²⁰.

Как следствие, программа «Укрепление единства российской нации» не может выступать в качестве самодостаточной единицы и требует комплексной реализации в контексте других решений и политических мер. В последние три года количество подобных решений все возрастает. В качестве контекстных мер следует упомянуть защиту духовности через Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»²¹, который формирует определенный санкционный механизм, обеспечивающий «социальную адекватность» граждан. Еще одним элементом санкционной системы безусловно является статья УК № 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», которая имеет более широкую правоприменительную практику.

Данные статьи УК, а также статьи, связанные с противодействием экстремизму, формируют относительно новое «пространство дозволенности», которое укореняется в коммуникативном пространстве²².

Параллельно с этим развивается и политическая повестка, суть которой также сводится к формированию единого идеологического подхода, нацеленного на интеграцию общества и преодоление

существующих этнорелигиозных барьеров. При этом показательно, что ни президент, ни его ближайшее окружение не склонны называть данный процесс идеологизацией, а скорее акцент делается на том, что само общество предлагает государству определенные «идеалы», которые государство признает и возводит в статус «определяющих развитие». Одним из ключевых идеалов, объединяющих общество, в последние два года безоговорочно признается патриотизм. «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо...», – заявил президент России Владимир Путин, выступая на встрече «Клуба лидеров»²³.

Итоговым и в значительной степени определяющим штрихом в данной риторике можно считать заявление президента В. Путина от 31 октября 2016 г. о необходимости создания нового закона о российской нации. В качестве основы для нового акта им было предложено использовать уже существующую стратегию по развитию национальных отношений в России²⁴.

Стратегия, которая должна стать основой «Закона о нации», была принята еще в декабре 2012 г. Указом Президента РФ сроком действия до 2025 г. Ей предшествовало принятие нескольких более частных актов близкой тематики.

Концепция стратегического документа обширна, но в целом может быть охарактеризована достаточно позитивно, учитывая контекст ее принятия, в рамках которого «было организовано широкое обсуждение проекта Стратегии... В проект было внесено 3500 поправок и корректировок с учетом всех высказанных мнений»²⁵. Исходя из этого, многие авторы делают вывод, что данный документ и, как следствие, готовящийся на его основе «Закон о нации» «в полной мере является документом общественного согласия, компромиссным документом, что крайне важно для России как многосоставной полиэтничной федерации»²⁶. Но при этом есть и альтернативная точка зрения, с позиции которой документ излишне консервативен, игнорирует интересы и мнения либеральной общественности, ориентированной именно на те группы ценностей и понятия, которые данная стратегия предлагает изъять из общественной жизни.

В данной дискуссии показательны оппозиционные взгляды, сбранные в единой статье Д. Гальперовичем, автором информационного агентства «Голос Америки», по поводу потенциала принятия нового «Закона о нации».

К примеру, руководитель Центра политико-географических исследований Н. Петров в интервью «Голосу Америки» говорит, что у политической элиты страны и лично у президента есть причины для

разговоров об объединяющей россиян идее в целях гомогенизации общества по аналогии с принципом принадлежности к “советскому народу”, «но проблема в том, что если у “советского народа” была какая-то идеологическая база, то “патриотизм” или “стремление к сохранению целостности страны” – вот то, что пытаются вставить, развивая термин “российская нация”, – пока совершенно не тянет на идеологию»²⁷.

Показательно и другое синонимичное мнение, представленное членом Комитета гражданских инициатив Д. Орешкиным, который также акцентирует внимание на этнической составляющей: «Вполне годится тот термин, который ввел Борис Ельцин – “россияне”, он относится ко всем гражданам России...» Если же у нового законодательного акта будет хотя бы небольшой акцент на русский этнос, то это приведет к непредсказуемым последствиям: «получится ли “отец народов” из Владимира Путина – большой вопрос просто потому, что Россия, во всяком случае ее большая часть, связанная с большими космополитическими городами, уже достигла такого уровня развития, что ей важнее именно гражданские, формальные и юридические права, чем вот эта националистическая риторика»²⁸.

При этом показательно, что данная инициатива расценивается оппозиционными аналитиками как сложно реализуемая, что связано именно с ее бюрократическим происхождением. Как следствие ими делается прогноз, что скорее всего будет проведена работа по написанию, но количество «узких мест» не позволит перейти к реальному принятию документа.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что в России есть четко выраженная тенденция к созданию новой идеологии. Ее основа – это комплекс консервативных принципов, которые в определенной степени противостоят либеральным идеям, привнесенным в Россию в 1990-е годы. Начиная с 2012 г. данные консервативные идеи и принципы постепенно выстраиваются государством в комплексную ценностно-идеологическую концепцию, которая создается при опоре на консервативно настроенную общественность. Таким образом, комплекс консервативных концепций легитимируется и получает коммуникативный и правовой резонанс, что в конечном итоге позволяет государству перейти к новым, более радикальным шагам по созданию новой консервативной идеологии. Единственным пока не решенным вопросом остается вопрос о степени консерватизма новой идеологии и готовности российского общества к тому, чтобы идеология в стране получила статус официального закона.

- ¹ *Овсеенко Ю.С.* Национальная идея современной России: инновационный фактор // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. №1. С. 19–24.
- ² *Якунин В.* Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3. С. 3–12.
- ³ *Телемтаев М.М.* Национальная идея российского народа // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1. С. 23–42
- ⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию – 2012 [Электронный ресурс] // Портал Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию – 2013 [Электронный ресурс] // Портал Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Медушевский Н.А.* Толерантность в фокусе региональных трактовок. М.: Ленанд, 2014. С. 21–62.
- ⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию – 2013.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)»» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=199358#0> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ¹¹ *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос. [Электронный ресурс] // Портал «Путин. Итоги». URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ¹² *Ульянова Ж.* Толерантность по сходной цене: Правительство решило сэкономить на «укреплении единства нации». [Электронный ресурс] // Газета. ru. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/25_a_5605565.shtml (дата обращения: 01.10. 2016).
- ¹³ Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1292-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России”» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149941#0> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Как можно сплотить российскую нацию? – Мнения парламентариев [Электронный ресурс] // Regions.ru. URL: <http://regions.ru/news/2474515/> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1292-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России”».

- ¹⁷ Как можно сплотить российскую нацию? – Мнения парламентариев.
- ¹⁸ *Ульянова Ж.* Указ. соч.
- ¹⁹ *Дубнов В.* Ваххабит шагает по стране [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/analytics/20130515/937476998.html> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ²⁰ Как можно сплотить российскую нацию? – Мнения парламентариев.
- ²¹ Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ²² Светская инквизиция: Почему атеизм в России становится уголовно наказуемым деянием [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4026627/post385974604/> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ²³ Путин: патриотизм – это национальная идея России [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина. URL: <http://rusrand.ru/response/putin-patriotizm-etopatsionalnaya-ideya-rossii> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Подписан Указ о Стратегии государственной нацполитики России до 2025 г. [Электронный ресурс] // Президент.рф. URL: <http://президент.рф/news/17165> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ²⁶ *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия Государственной национальной политики РФ: традиционные методы и инновационные подходы реализации на современном этапе // Вестн. росс. нации. 2015. № 1. С. 17 – 37.
- ²⁷ *Гальперович Д.* «Закон о российской нации»: эксперты о новой инициативе Кремля [Электронный ресурс] // Голос Америки. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/dg-russian-nation-law-experts/3574824.html> (дата обращения: 01.10. 2016).
- ²⁸ Там же.

А.С. Заволожина

Историческая память
о диссидентском движении в СССР
в 1960–1980-х годах:
к методологии вопроса

В статье ставится вопрос о релевантности применения методологии теории исторической памяти к исследованию истории внутренней оппозиции советскому режиму в СССР 1960–1980-х годах. Рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию исторической памяти в зарубежной и отечественной историографии, дается оценка перспектив исследования истории диссидентского движения в СССР 1960–1980-х годов с позиций теории исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, диссидентское движение в СССР, коммуникативная память.

Более четверти века прошло с тех пор, как с политической карты мира исчезло одно из крупнейших из когда-либо существовавших государств – Союз Советских Социалистических Республик. С ним «ушло в архив» и оппозиционное движение, называемое в современной историографии «диссидентским». За это время сменились поколение граждан, политическая риторика, а также сменили друг друга несколько подходов к общественной и исторической оценке внутренней оппозиции советскому режиму.

На сегодняшний день количество материалов по истории советского инакомыслия 1950–1980-х годов достигло колоссальных объемов. Феномен советского диссидентства стал объектом различных исторических, политических, социологических, культурологических исследований, охватывающих различные аспекты: идеологию, идейные истоки и наследие, социальную базу, отношения с властью и т. д. В 1970-х годах начали публиковаться мемуары и публицистические работы, в 1980-х годах – издаваться

научные и художественные работы, посвященные этой теме. Пик количества публикаций приходится на 1990-е годы, именно тогда вышло в свет наибольшее число мемуаров¹ и научных работ².

В 2000–2010-е годы появились новые материалы, связанные с диссидентским движением: интервью с бывшими диссидентами³, некрологи и мемориальные посвящения⁴, организовывались вечера памяти известных диссидентов⁵, дискуссии в сети Интернет и в периодической печати о роли, которую сыграло диссидентское движение в процессах перестройки второй половины 1980-х годов, о целях и мотивах диссидентов и т. д.

В этих условиях исследователи диссидентского движения столкнулись с необходимостью дальнейшего структурирования материалов, однако выяснилось, что конкретно-исторический подход и методы политической истории фокусируются на сугубо определенных сторонах и изучают конкретные аспекты деятельности диссидентов. Таким образом, перед отечественными исследователями диссидентского движения назрела проблема выбора новой методологии.

В настоящее время отечественная историография активно обращается к методологии исторической памяти. Это довольно новый теоретико-методологический подход; хотя его основы были заложены еще в 1920-х годах, дальнейшее развитие он получил лишь в 1980-е годы. Теоретическая база разрабатывается на протяжении последних нескольких десятилетий – триггером выступила необходимость переосмысления травматического опыта, полученного вследствие Второй мировой войны как отдельными индивидами, так и различными группами общества.

В начале XX в. психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия пришли к выводу о социальной опосредованности памяти человека и выделили термин «культурная память»⁶.

Теоретико-методологическую базу истории памяти разрабатывали ученые в разных странах. Во Франции идеи социолога М. Хальбвакса о коллективной памяти получили развитие в работах историка П. Нора: так родилась широко известная сегодня концепция символических «мест памяти». В Германии египтолог Я. Ассман на базе идей М. Хальбвакса о коллективной памяти и социальных рамках памяти разработал теорию культурной памяти. Следующим важным шагом на пути разработки проблематики исторической памяти стал труд современного британского историографа П. Хаттона, определившего наличие взаимообуславливающей связи между памятью и историографией. Отечественные историографы также внесли заметный вклад в разработку теоретико-методологической базы

исторической памяти, помещая данный исследовательский объект в поле междисциплинарности. Особенно в данном контексте стоит отметить работы Л.П. Репиной, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева⁷.

Основоположником исследования памяти с социологической точки зрения является М. Хальбвакс, который предложил рассматривать память как социальный феномен⁸. Историографы отмечают большую заслугу Хальбвакса, состоящую в том, что именно он «вывел проблему конституирования “знания”, “памяти” из биологии в сферу культуры»⁹, сформулировав тезис о том, что складывание и сохранение индивидуальной памяти может происходить лишь в процессе социализации и было бы в принципе невозможно вне социального контекста¹⁰.

М. Хальбвакс жестко противопоставлял историю и память, полагая, что история – это наука, документальные свидетельства которой воплощают более «объективный», как он считал, образ прошлого, память же «не только создает искаженный образ прошлого; она упорно цепляется за этот образ перед лицом меняющейся реальности»¹¹. М. Хальбвакс выделяет два типа памяти – индивидуальную (внутреннюю, личную) и коллективную (внешнюю, социальную). Существует как множество индивидуальных «памятей», так и несколько коллективных «памятей», т. е. различные группы могут иметь свои уникальные рамки и наполнение памяти. По мысли Хальбвакса, пока живы современники событий и носители памяти, память существует в их сознании и в устной традиции, поэтому нет необходимости ее фиксировать¹².

Противопоставление истории и памяти, как видел его М. Хальбвакс, однако, созвучно с вектором развития диссидентской историографии в 1960–1980-х годах, когда деятели движения создавали собственный вариант истории, противопоставленный формируемому на государственном уровне варианту памяти. Таким образом, идеи М. Хальбвакса вполне применимы по отношению к отдельным оппозиционным социальным общностям (таким, как диссиденты), конструирующим собственный вариант истории на основании коллективной памяти своей группы.

Стоит отметить, что современные исследователи считают спорными многие положения теории исторической памяти М. Хальбвакса, в особенности противопоставление истории и памяти. Ряд зарубежных и отечественных и авторов (П. Хаттон, Л.П. Репина и др.) считают, что «история как продукт профессионального историописания может считаться частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к “новому мифостроительству”, будучи вовлеченными в современную им культуру»¹³.

Одним из наиболее крупных исследователей памяти стал немецкий египтолог Я. Ассман, опирающийся в своих работах на идеи М. Хальбвакса и развивающий их в направлении культурологического подхода. Наиболее важным для нас положением автора является существование двух видов памяти – коммуникативной и культурной: к первой в той или иной степени приобщены все члены группы, знание приобретается вместе с языком и повседневной коммуникацией; вторая же всегда имеет своих носителей (шаманов, жрецов, бардов, учителей, писателей, ученых и т. д.). Культурная память в противоположность коммуникативной не распространяется сама собой, а нуждается в специальной заботе, а, следовательно, подвергается контролю со стороны социальных институтов¹⁴.

По определению Я. Ассмана, коммуникативная память живет три-четыре поколения (около 80 лет), а затем наиболее востребованные в обществе коммеморативные элементы переходят в культурную память¹⁵. С момента начала явления, которое мы называем сегодня диссидентским движением в СССР 1960–1980-х годов, сменилось два поколения, а со времени его окончания прошло всего лишь немногим более 30 лет, т. е. живы еще многие непосредственные участники движения. Так, сегодняшняя коллективная память о диссидентском движении в СССР 1960–1980-х годов является живой коммуникативной памятью в понимании Я. Ассмана.

Французский историк П. Нора, исследовавший роль коллективной памяти в самоопределении французской нации, предложил создать историю «мест памяти» – «символических объектов», важных для нации с точки зрения концентрации и фиксации тех или иных воспоминаний. Иными словами, «места памяти» не являются местами в узком географическом смысле, это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»¹⁶. Главная функция «мест памяти» – сохранение коллективной памяти, поэтому для исследователей важно не столько материальное или историческое начало места памяти, сколько его отражение в сознании и формы его восприятия.

П. Нора полагал, что возросший в 1980–1990-е годы интерес к теме памяти был вызван на Западе и в СССР разными причинами: на Западе – естественными (ускорением исторического развития, неудержимым движением истории), в то время как в СССР память являлась альтернативой тирании официальной идеологии, символом свободы¹⁷. У бывших советских диссидентов есть свои места памяти, мы можем определить их и выявить, когда определенное место памяти получило символическое значение и каким образом

оно изменялось с течением времени. Например, важное символическое значение для бывших диссидентов имеет день политзаключенных 30 октября, отмечаемый с 1974 г., коммеморация «митинга гласности» 5 декабря 1965 г., демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г.; крайне трепетно диссиденты относятся к сохранению памяти о Холокосте и сталинских репрессиях, в том числе довоенных¹⁸.

Интересно, что П. Нора, изначально выступая за жесткое разграничение истории и памяти, приходит к выводу о том, что при всех различиях и противоречиях между памятью и историей между ними нет и не может быть абсолютного разрыва, «история является критическим углублением памяти, а память отнюдь не отрицает историю»¹⁹.

Об этом же говорит современный английский историограф П. Хаттон. Согласно его подходу, между памятью и историографией существует амбивалентная связь: «Любое историческое знание порождается памятью, которая, в свою очередь, скрывается под абстракциями историков»²⁰. Таким образом, независимо от желания исследователей память напрямую или опосредованно воздействует на историографию, поскольку сами исследователи являются носителями памяти об изучаемых ими объектах. Вследствие этого память начинает структурироваться и выдавать историографические концепты за «настоящую», живую память²¹. Следуя этой логике, мы можем говорить о влиянии на историографию советского диссидентского движения коллективной и индивидуальной памяти (чаще всего самих бывших участников диссидентского движения)²².

Современные отечественные представители направления интеллектуальной истории также внесли вклад в развитие теории исторической памяти. Л.П. Репина дает определение исторической памяти: «Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем»²³. Важно, что Л.П. Репина принимает за основу существование коллективной памяти, проецируя механизмы функционирования исторической памяти на социальные группы и общество в целом, и при этом говорит о существовании в постмодернистской парадигме преимущества коллективной памяти над историей. Однако, несмотря на это, по ее мнению, «именно мифы коллективной памяти, поддерживающие претензии той или иной общности

на высокий статус, материальные, территориальные, политические иные преимущества в настоящем, нетерпимы к какой-либо альтернативе и тем более к плюрализму мнений»²⁴.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев, в свою очередь, сформулировали в рамках теории исторической памяти проблемные вопросы, затрудняющие весь процесс историко-мемориальных исследований. Первый вопрос заключается в том, формируется ли коллективная память в результате объединения в стереотипные образы различных вариантов индивидуальных представлений о прошлом или же «априорная “коллективная память”, которой уже обладает общество, определяет содержание и модификацию индивидуальной памяти о прошлом»²⁵. Второй вопрос звучит следующим образом: работают ли механизмы индивидуальной памяти, когда речь идет о памяти группы, или стоит подходить к индивидуальной памяти о социальном прошлом как к производному от коллективной?²⁶ Со времен М. Хальбвакса и по сей день эти вопросы не потеряли актуальности, поскольку не имеют однозначного ответа.

Изложенные выше идеи могут быть востребованы в исследовании истории внутренней оппозиции советскому режиму в 1960–1980-х годах. Например, тезис Л.П. Репиной о важной роли идентификационной функции исторической памяти перекликается с практикой формирования идентичности «диссидентов», «инакомыслящих», «защитников прав человека» именно через принятие ценностей, образа мыслей и способов взаимодействия с государством оппозиционно настроенных по отношению к власти кругов, через сопереживание опыту жертв советских репрессий и Холокоста и др. Существующая в диссидентской историографии тенденция к определению «своей» памяти и выработке «своего» варианта истории укладывается в рамки вывода Л.П. Репиной о непринятии любой альтернативы коллективной памятью, способной поддерживать притязания ее группы-носителя на различные преимущества в настоящем. Ответы на вопросы, поставленные И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, важны с точки зрения определения релевантного корпуса источников для изучения истории диссидентского движения в 1960–1980-х годах и выявления приоритетности их изучения.

Таким образом, теоретико-методологические основания концепции исторической памяти, в частности изучение механизмов функционирования индивидуальной и коллективной памяти о внутренней оппозиции советскому режиму в СССР в 1960–1980-х годах, способны стать базой для качественно нового уровня исследования и понимания столь неоднозначного явления общественной жизни СССР, как диссидентское движение.

- ¹ См., например: *Делоне В.Н.* Портреты в колючей раме. Омск: [Б.и.], 1993; *Новодворская В.И.* По ту сторону отчаяния. М.: Новости, 1993; *Глазов Ю.Я.* В краю отцов. М.: Истина и жизнь, 1998; *Померанц Г.С.* Записки гадкого утёнка. М.: Моск. рабочий, 1998; и др.
- ² См., например: *Безбородов А.Б., Пивовар Е.И.* Диссидентское и правозащитное движение в СССР (к истории и историографии проблемы) // Рабочий класс и общественное обновление: Итоги и задачи изучения. Уфа, 1991. С. 3–28.
- ³ См., например: «Алфавит инакомыслия». Людмила Алексеева. [Электронный ресурс] // Сайт радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2287731.html> (дата обращения: 21.09.2016); «Взрослые люди»: Беседа с С.А. Ковалёвым: В 3 ч. Ч. 1. [Электронный ресурс] // Полит.ру, 2010. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/03/17/kovalev/> (дата обращения: 21.09.2016) и др.
- ⁴ См., например: Памяти математика, педагога и диссидента Юрия Шихановича. [Электронный ресурс] // Сайт радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/a/27987477.html> (дата обращения: 17.09.2016); Памяти правозащитника, советского диссидента Леонида Плюща. [Электронный ресурс] // Права человека в России. URL: <http://tech385.hro.org/node/22424> (дата обращения: 17.09.2016).
- ⁵ См., например: Связь времен. [Электронный ресурс] // Права человека в России. URL: <http://www.hro.org/node/16609> (дата обращения: 02.10.2016).
- ⁶ *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 174–175.
- ⁷ См., например: *Ретина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45; *Она же.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169 и др.; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб.: Алетейя. Ист. кн., 2007; *Они же.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–220 и др.
- ⁸ См.: *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Нов. изд-во, 2007.
- ⁹ *Романовская Е.В.* Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. 2010. № 1. С. 105.
- ¹⁰ См., например: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27; *Она же.* Социальные рамки памяти.
- ¹¹ *Романовская Е.В.* Указ. соч. С. 107.
- ¹² См.: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. [Электронный ресурс] // Сайт «Русского журнала». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 21.01.2016).

- ¹³ *Соколова М.В.* Что такое историческая память. [Электронный ресурс] // Преподавание истории в школе. URL: <http://pish.ru/blog/archives/142> (дата обращения: 27.08.2016).
- ¹⁴ *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 54.
- ¹⁵ Там же. С. 52–53.
- ¹⁶ *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 26.
- ¹⁷ *Нора П.* Память, история // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 439–440.
- ¹⁸ Диссидентская память о Холокосте в СССР: Неофициальная память о Холокосте в СССР: пролегомены к исследованию. [Электронный ресурс] // Электрон. журн. «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/10859> (дата обращения: 18.09.2016).
- ¹⁹ Там же. С. 441.
- ²⁰ *Хаттон П.Х.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 62.
- ²¹ Там же.
- ²² В качестве примера подобного влияния можно привести работы А.Ю. Даниэля. См., например: *Даниэль А.Ю.* Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 1: Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.: О.Г.И., 1998. С. 111–124.
- ²³ *Ретина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии. С. 130–131.
- ²⁴ *Ретина Л.П.* Историческая память и история историков // Ист. зап. Вып. 13 (131) / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М.: Наука, 2010. С. 64.
- ²⁵ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого: Сб. ст. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 189.
- ²⁶ Там же.

Abstracts

N. Chesnokova

On the rough edges of diplomacy. “Loyalty”, “debt” and “sadae” in the 17th – 18th centuries in Korea

The roots of the diplomatic relations between the states on the Korean peninsula and the “Middle Kingdom” date back to the first centuries A.D. China was considered as a “civilized” state that should serve as an example of morality and righteousness. On the diplomatic level these circumstances formed the concept of the sadae – “to serve the great”.

The article focuses on the duality of the socio-cultural relations between the Chosŏn dynasty (1392–1910) and the Qing dynasty (1644–1912). Even though Chosŏn agreed to the fact that the Qing dynasty would be a new superior, the Korean kings still cultivated in the inner politics of the country the loyalty towards their previous superior, the Ming dynasty (1368–1644).

Keywords: the Chosŏn dynasty, the Qing dynasty, the Ming dynasty, sadae, historical memory.

D. Danilin

The prospects of a “reset” in the US–Cuban relations during the presidency of D. Trump

This article is devoted to the development prospects in the US-Cuban relations under D. Trump’s presidency, taking into account his election campaign. The author makes an attempt to predict the actions of the new President’s administration concerning Cuba, analyzing such factors as the powers of the US President, public opinion and the influence of expert analytical centers.

Keywords: US foreign policy, Cuba, expert analytical centers, presidential elections in the USA.

Н. Данилин

Газпром как энергетическое оружие: восприятие угроз для энергобезопасности ЕС

Статья написана в рамках конструктивистского подхода и сфокусирована на восприятии Газпрома в западном академическом и экспертном сообществе как источника угроз для энергетической безопасности ЕС. Обзор работ европейских и американских авторов, опубликованных с 2009 по 2015 г., показывает, что перечень воспринимаемых угроз значительно шире того, который обычно упоминается российскими исследователями. В результате образуется разрыв между опасениями, которые выражает западное академическое и экспертное сообщество, и объяснительной моделью, встречающейся в российской литературе. Описанные в статье различия требуют, во-первых, увеличения внимания к проведению объяснительной работы на корпоративном уровне и, во-вторых, решения дилеммы об использовании государственных компаний в качестве инструмента реализации политики на государственном уровне.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергетическое оружие, Газпром, конструктивизм, восприятие, академическое и экспертное сообщество.

N. Emelianova

Erdogan vs Gulen. The recent trends in Turkey's political development

The article is about the complex social and political problems of modern Turkey – the contradiction between the Gulen movement Hizmet and the government of Erdogan. The paper is based on the documents brought forward for academic attention for the first time – the materials of trials, the Acts of the Public Prosecutor Office, biographical monographs, articles and also the results of the field studies conducted by the author on the spot. The author describes the origin and the development of the intricate relations between the Hizmet movement headed by Gulen and the governmental authorities right up to the attempt of the 2016 coup followed by the repressions of the government. The author comes to the conclusion that the conflict is far from being solved and might lead to further aggravation of the political situation in the country.

Keywords: Turkey, Political Islam, Erdogan, Gulen, Hizmet, coup d'etat 2016.

A. Kharitonov

PRC's migration policy as its "soft" influence tool

China's economic modernization has coincided with the process of globalization, the information revolution and the increasing flow of international migration, thus providing new opportunities and creating new challenges for China's authoritarian government. The outdated migration system of the country has become an obstacle to the dissemination of its "soft" influence abroad. In these circumstances, the Chinese authorities decided to reform the immigration system in order to attract highly qualified specialists.

Keywords: "soft" power, migration, the PRC, the USA, the Communist Party of China.

A. Komarov

Canada in the global international cooperation at the turn of the 20th – 21st centuries

The article is devoted to the analysis of international cooperation of Canada at the turn of the 20th – 21st centuries within the context of the evolution of international relations in the era of globalization. Special attention is paid to the analysis of the foreign policy of this country after the Second World War, as well as to the conclusion of the Canada–United States Free Trade *Agreement* and the North American Free Trade Agreement.

Keywords: Canada, international cooperation, Canada–United States Free Trade *Agreement*, NAFTA, United States, Mexico, B. Mulroney.

V. Lavrov

Some issues concerning the improvement of legal regulation of foreign economic activity in Russia

The article considers the issues of the improvement of legal regulation of foreign economic activities in Russia. Given the complex and multifaceted nature of foreign trade activities, the author focuses on the improvement of the institutional structure of foreign economic activity regulation, paying special attention to the necessity to ensure mutual consistency of the constituent parts and to look up to the end results. The paper discusses the recently adopted normative acts and

the conceptual and policy documents with the analysis of their implementation in the certain types of foreign economic activity.

Keywords: foreign trade regulation, institutional structure, concept, state program.

S. Markedonov

The post-soviet space. Dissolution or detention?

The article is focused upon the evolution of the Post-Soviet space during the period after the USSR dissolution. The author analyses the definition itself as well as the relevancy of its application in the studying of the former Soviet Union area. A special attention is paid to the interconnection between the foreign policy and the geopolitical processes in this mega-region with the particularities of the nation-building in the newly-independent countries established in 1991.

Keywords: Post-Soviet space, ethno-political conflict, nation-building, security.

N. Medushevsky

“Spiritual ties” doctrine as the basis for Russian society integration

After the collapse of the Soviet Union there arises in the Russian society a kind of “ideological vacuum”, which is due to the lack of some universal alternatives to the destroyed Communist ideology. It is only in recent years that the state authorities endeavor efforts to create a new ideological construct, based on the conservative ideas of patriotism and spirituality. It is worth noting that the way of creating some new ideology is fragmented, represented by a set of laws and programs, and thus has a strong liberal opposition. The modern stage of new ideology formation is of special importance since the development of common “Russian nation law” has been included in its political agenda.

Keywords: ideology, conservatism, nation, opposition, spiritual ties, opposition.

A. Salacone

Migration crisis in Europe. A view from Italy

The emergency caused by the arrival of thousands of asylum-seekers has highlighted the difficulty of the European countries in devising a common strategy to deal with the problem. Measures have been taken to maintain public order without focusing on how to achieve the integration of the refugees. This has created tensions between the natives and the foreigners. The analysis of the data shows that long-term policies could be introduced and that the phenomenon of migration can and should be dealt with without demagogue leaning. Italy, one of the countries that have tackled the issue of migration the most, is at the forefront to call for the participation of all European countries in dealing with the problem. Many proposals have been put forward by its politicians and by the Italy's civil society.

Keywords: migrant crisis, Italy, Dublin convention, Migration compact, humanitarian corridors, Matteo Renzi.

M. Sirotinskaia

Idea of “manifest destiny”. Perception by American contemporaries (mid. 19th century)

The author traces the origin of the phrase «Manifest Destiny» and the perception of the concept by the American senators and by some periodicals in the context of the visit to the United States in 1851–1852 of Louis Kossuth, the leader of the Hungarian national movement. The image of the Manifest Destiny, in the representation of American contemporaries, reflected their party, political and sectional preferences, their racial prejudices. At that time, the principle of armed intervention in the affairs of Europe and the symbolic construct of the “Manifest Destiny” itself became to be deployed, in the imagination of the Democratic advocates of “Young America”, as a means of widening the space of revolution.

Keywords: “Manifest Destiny”, J.L. O’Sullivan, “Young America”, “Democratic Review”, intervention.

V. Smirnov

The role of the elite in the Euro-Atlantic choice of Lithuania

The article deals with the role of the Lithuanian elite in the choice of policy priorities of the republic after the exit from the USSR. Using specific examples, the author analyzes the main objectives associated with the entry into the EU and NATO which were actively promoted by the Lithuanian power groups. The possible risks in connection with the escalation of the situation in the Baltic region are examined.

Keywords: Lithuania, elite, power groups, EU, NATO, the Baltic States.

A. Zavolozhina

Historical memory of the dissident movement in the Soviet Union (the 1960s – 1980s). The issue of methodology

The author considers the question whether it is relevant to employ the methodology of the historical memory theory to carry out research on the dissident movement in the USSR of the 1960s–1980s. The paper dwells upon the main theoretical approaches of the historical memory studies. It also analyzes the scientific assessment of the perspectives aimed at studying memory and history of the dissident movement in the USSR of the 1960s – 1980s from the standpoint of the historical memory theory.

Keywords: historical memory, collective memory, Soviet dissident movement, communicative memory.

Сведения об авторах

Данилин Дмитрий Аркадьевич – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, dmitry.danilin@inbox.ru

Данилин Никита Аркадьевич – аспирант кафедры международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, nikita.danilin@inbox.ru

Емельянова Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, coordinator2006@yandex.ru

Заволожина Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, a.zavolozhina@gmail.com

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ, ruslan10@inbox.ru

Лавров Вячеслав Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, iai201301@yandex.ru

Маркедонов Сергей Мирославович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, эксперт Российского совета по международным делам и Фонда им. А.М. Горчакова, smarkpost@gmail.com

Медушевский Николай Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, lucky5659@yandex.ru

Салаконе Алессандро – кандидат исторических наук, научный сотрудник Неаполитанского университета “L’Orientale”, asalac@gmail.com

Сиротинская Мария Моисеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, masha_sirotinskaia@mail.ru

Смирнов Вадим Анатольевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта, vsmirnov@kantiana.ru

Харитонов Антон Игоревич – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, antonkharitonov1991@gmail.com

Чеснокова Наталия Алексеевна – аспирант, старший преподаватель кафедры истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и античности РГГУ, chesnatalie@gmail.com

General data about the authors

Chesnokova Nataliya A. – postgraduate student, senior lecturer, Department of History and Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities, chesnatalie@gmail.com

Danilin Dmitry A. – postgraduate student, Department of Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dmitry.danilin@inbox.ru

Danilin Nikita A. – postgraduate student, Department of International Security, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, nikita.danilin@inbox.ru

Emelianova Nadezhda M. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of International Security, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, coordinator2006@yandex.ru

Kharitonov Anton I. – postgraduate student, Department of the Contemporary East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, antonkharitonov1991@gmail.com

Komarov Andrey N. – Dr. in History, professor of the Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru

Lavrov Vyacheslav A. – Ph.D. in Economics, associate professor of the Department of Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, iai201301@yandex.ru

Markedonov Sergei M. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, smarkpost@gmail.com

Medushevsky Nikolai A. – Ph.D. in Political Science, associate professor of the Department of World Culture and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, lucky5659@yandex.ru

Salacone Alessandro – Ph.D. in History, Research Fellow, “L’Orientale” University of Naples, asalac@gmail.com

Sirovinskaia Maria M. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of Area Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, masha_sirovinskaia@mail.ru

Smirnov Vadim A. – Ph.D. in Political Science, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, vsmirnov@kantiana.ru

Zavolozhina Anastasiya S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, a.zavolozhina@gmail.com

От редакции

Сообщаем, что статья О.В. Павленко «Осмысливая “долгий XIX век”: новые подходы в российской историографии» (Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 1 (3). С. 148–154) была подготовлена в рамках проекта РНФ № 15-18-30087.

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *Т.Ю. Журавлева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 21.06.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 97

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71127
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
